

AS
VI/MMXIII

В.В. Файер

РОЖДЕНИЕ ФИЛОЛОГИИ

«Илиада» в Александрийской библиотеке

Университет Дмитрия Пожарского

ARISTEAS. Philologia classica et historia antiqua.
Supplementa. Volumen VI.

Университет Дмитрия Пожарского

В.В. Файер

РОЖДЕНИЕ ФИЛОЛОГИИ
«Илиада» в Александрийской библиотеке

Университет Дмитрия Пожарского

Москва

2013

УДК 821.14'02

ББК 83.3(0)3

Ф–17

Подготовлено к печати и издано по решению Ученого совета
Университета Дмитрия Пожарского

Рецензент: к.ф.н., доцент каф. класс. филологии СПбГУ Е.Л. Ермолаева

Редактор: Е.А. Савина

Научный редактор: к.ф.н. А.В. Усачёва

Файер В.В. Рождение филологии. «Илиада» в Александрийской библиотеке. – М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2013. – 232 с.

Книга посвящена работе Аристарха Самофракийского и других ученых Александрийской библиотеки над текстом поэм Гомера. Александрийские ученые изобрели и довели до впечатляющей высоты методы текстологии и филологического комментирования; середину II в. до н.э., когда в Александрии работал Аристарх, можно назвать временем рождения европейской филологии. Плоды трудов александрийцев лишь в сокращенном и искаженном виде сохранились как отрывочные комментарии на полях византийских рукописей «Илиады» и «Одиссеи». Однако многое в их методике поддается реконструкции: в этой книге на десятках конкретных примеров проанализированы проблемы, которые решал Аристарх и его предшественники. Несмотря на эту конкретику, книга не требует знания древнегреческого языка и рассчитана на широкого читателя, интересующегося историей филологии и гуманитаристики, классической текстологией и эллинистической наукой.

В данной научной работе использованы результаты, полученные в ходе выполнения проекта № 11–01–0120, реализованного в рамках Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2012–2013 гг.

Сведения об авторе: Владимир Владимирович Файер – выпускник классического отделения филологического факультета МГУ (1998), кандидат филологических наук (2008). Доцент факультета филологии НИУ «Высшая школа экономики». Автор сайта librarius.nagod.ru, посвященного новейшей истории наук об античности в России, и монографии «Александрийская филология и гомеровский гекзаметр» (М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2010). В соавторстве с Е.С. Наумовой В.В. Файер написал учебник «Латинский язык» (М.: ИЦ Академия, 2007).

© Файер В.В., 2013

© Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2013

© Белоусова А.В., верстка, оформление, 2013

ISBN 978-5-91244-099-1

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОГЛАВЛЕНИЕ	5
ВВЕДЕНИЕ	6
<i>Глава I. PROLEGOMENA</i>	14
α. Термины, понятия, персоналии и источники	14
β. О греческом языке и метрике гекзаметра	72
<i>Глава II. ГОМЕРОВСКИЕ ПРОБЛЕМЫ</i>	86
<i>Глава III. ВЕРТИКАЛЬНЫЕ И БОЛЬШИЕ ЧТЕНИЯ</i>	115
α. Вертикальные чтения	116
β. Большие чтения	135
<i>Глава IV. МАЛЫЕ ЧТЕНИЯ</i>	156
α. Чтения, ограниченные рамками одного слова	157
β. Чтения, изменяющие форму или правописание слова ...	169
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	190
ПРИЛОЖЕНИЕ. Древнегреческий язык в русских дериватах	198
БИБЛИОГРАФИЯ	209
УКАЗАТЕЛЬ	215

ВВЕДЕНИЕ

*Филология есть служба понимания.
Вот почему ею стоит заниматься.*

С.С. Аверинцев, «Похвальное слово филологии»

Оба слова, которые составляют название этой книги, нуждаются в пояснении.

Во-первых, эта книга посвящена античности. В ней рассматриваются истоки филологической науки в Древней Греции, которая и была, по моему убеждению, местом рождения европейской филологии. Разумеется, некоторые другие традиции (иногда даже более ранние, как древнеиндийская) тоже можно было бы взять за исходный пункт, однако они по большому счету остались локальными, а греческая по своему происхождению дисциплина легла в основу современной мировой науки о языке и тексте.

Еще труднее прокомментировать термин «филология», который, как и любое обозначение с долгой историей, как любое название большой области исследований, скрывает в себе множество различных смыслов. Сложность дисциплинарного поля под этим названием показывает уже один тот факт, что автор этих строк преподает на факультете филологии НИУ ВШЭ, который делится на два направления: «Филология» и «Фундаментальная и прикладная лингвистика». Иными словами, на этом факультете филологии парадоксальным образом

обучаются как студенты-филологи, так и студенты-нефилологи. Такая терминологическая вложенность – не ошибка, не следствие неудачного названия, а отражение нетривиальности самого объекта, сложности самоосознания тех, кто исследует языки и литературы.

Можно показать, что филология не делится на две пересекающиеся области языкознания и литературоведения (как часто думают); что лингвистика и языкознание – не совсем одно и то же (а иногда под этим понимаются совершенно различные вещи); что некоторые лингвисты вообще не считают себя филологами, хотя носят звания кандидатов и докторов филологических наук.

В зависимости от того, какое именно понимание филологии выбрать центральным и определяющим, мы можем отнести начало этой дисциплины к тому или другому моменту. Например, за исходный пункт можно принять «Поэтику» Аристотеля или же более поздние первые опыты целостного грамматического описания греческого языка. В этой книге филология будет пониматься прежде всего как наука, работающая с конкретным текстом, определяющая наиболее правильный (близкий к оригиналу) его вариант и дающая необходимый для понимания комментарий.

Разумеется, эта трактовка может послужить отправной точкой для более широких определений, так как «необходимый для понимания комментарий» способен разрастаться до монографических трудов, посвященных одному стихотворению, до книг о месте данного автора в контексте эпохи и данного жанра в мировой литературе. Однако ядро дисциплины лежит именно здесь: пока мы не установили возможно более точно текст, который мы исследуем, пока не убедились, что правильно понимаем в нем каждое слово (или не можем понять какие-то конкретные места), дальнейшее движение для филолога невозможно. Когда же первая задача выполнена, то открыва-

ются пути и в сторону философии (если мы даем какие-либо глубинные интерпретации), и в сторону истории (развернутый реальный комментарий), и в сторону лингвистики (если текст может служить источником сведений о языке данной эпохи и социальной среды).

Именно такая филология в самом узком – но от этого не менее важном – смысле родилась в Александрии Египетской в III-II вв. до н.э. (и родилась, как я попытаюсь показать, сразу уже довольно взрослой) в трудах библиотекарей Зенодота Эфесского, Аристофана Византийского и Аристарха Самофракийского. Их работы не сохранились в сколько-нибудь полном виде, их приходится реконструировать по сотням разнородных фрагментов, многие из которых искажены до неузнаваемости и не имеют однозначного толкования. Однако, по моему убеждению, александрийская филология – это высокое достижение античной науки, которое достойно нашего самого пристального внимания и, может быть, даже подражания – во всяком случае, в том, как тонко и тщательно Аристарх, его предшественники и последователи подходили к установлению точного текста поэм Гомера¹, к вопросам о том, как этот текст следует понимать.

Конечно, александрийские филологи занимались отнюдь не только Гомером, однако это был все же самый главный автор для античного читателя, и особенно в эллинистическую пору, когда к греческой культуре приобщалось множество «варваров» или «полуварваров»². Наиболее подробно мы узнаём о работе

¹ Упомянув о Гомере, не могу умолчать о книге Алексея Федоровича Лосева. Несмотря на научные достижения последних десятилетий, этот труд сохраняет свое важное значение: *А.Ф. Лосев Гомер. / Предисл. А.А. Тахо-Годи. 2 изд., исправл. М., 2006.*

² Интересный образец работы александрийских филологов, полезный для неискушенного античного читателя, – краткие содержания греческих трагедий, приписываемые Аристофану Византийскому.

александрийцев³ из схолиев⁴ к «Илиаде», в гораздо меньшей степени – к «Одиссее» и лишь спорадически из других источников. В этой книге я буду основываться почти исключительно на схолиях к «Илиаде»: в условиях, когда каждый отдельный фрагмент может быть ошибочным, очень важно опираться на единый корпус свидетельств, где частные случаи подкрепляются или ставятся под сомнение общими закономерностями.

Главным героем этой книги стал Аристарх, о других я буду говорить лишь кратко и изредка. Дело в том, что непосредственный предшественник Самофракийца на посту руководителя Александрийской библиотеки настолько потерялся рядом со своим великим учеником, что о его вкладе, взглядах и методах можно судить лишь очень гадательно. Такая же гадательность подстерегает нас в суждениях о Зенодоте, но по другой причине: под его именем дошли сотни чтений, но некоторые из них очевидно абсурдны, другие загадочны, последователи уличали его в ошибках, и иногда, как я попытаюсь показать, были к нему несправедливы. Думается, что эта предубежденность и послужила причиной многих искажений, которые мешают нам увидеть подлинного Зенодота. Я же хотел бы обсуждать прежде всего те данные, о которых можно говорить с относительной уверенностью, поэтому ос-

Русский перевод этого небольшого текста опубликован в прекрасной книге Дмитрия Олеговича Торшилова (*Д.О. Торшилов Античная мифология: мифы и единство действия*. СПб., 1999. С. 300-305).

³ «Александрийцами» часто называют поэтов эллинистической эпохи или александрийских интеллектуалов, но в этой книге так будут именоваться только филологи.

⁴ Схолий – это «школьный» (от слова *σχολή*) комментарий в рукописи произведения: на полях (маргинальный) или даже между строк (интерлинейный). По-гречески *σχόλιον* среднего рода, а на русский язык его корректнее перевести мужским, наподобие *προσκήνιον* ‘просцений’, *βαπτιστήριον* ‘баптистерий’ и др.

новным материалом этой книги стали чтения Аристарха, относящиеся к «Илиаде».

Метод, который избран для анализа этих чтений, отвечает названию книги. Во-первых, в поле зрения (если специально не оговорено иное) попадают только те выдержки из схолиев, в которых упоминается Аристарх. Эта оговорка очень важна, потому что даже в самых полных изданиях «Илиады», снабженных аппаратом, приводятся не все сохраненные схолиями чтения филолога, но зато дается некоторое количество гипотетических вариантов⁵ (то есть тех, которые, по мысли издателя, ему принадлежат, но прямого указания на это нет). Здесь я основывался только на прямых указаниях схолиев, даже если они представлялись ошибочными. Мне кажется, только на таком фундаменте мы можем строить выводы, которые покажут, какие еще чтения предположительно принадлежат филологу. Разумеется, исследователями за последние два века с небольшим было высказано множество гипотез на этот предмет, однако, как кажется, пришло время заново пересмотреть чтения Аристарха.

Во-вторых, мне казалось важным разделить упоминания филолога в схолиях на формально выделяемые группы и анализировать их по отдельности. Насколько я знаю, раньше этот метод не применялся, а между тем представляется, что он может дать ответ на многие конкретные вопросы. Так, мое исследование метрических разночтений Аристарха показало, что принципы работы с теми вариантами, которые влияют на число стихов, и с теми, которые затрагивают лишь одно слово, различны. Итак, чтения Аристарха разделены на группы по объему, но вначале, во второй главе, представлены не варианты, а комментарии, при-

⁵ Слова «вариант» и «чтение» (реже «разночтение») обычно используются в этой книге как синонимы. Так же по стилистическим причинам «рукопись» иногда заменяется на «манускрипт».

званные ответить на вопросы, возникающие при чтении «Илиады», – так называемые гомеровские проблемы.

В-третьих, основные главы книги построены как серии отдельных цитат из схолиев и пояснений к этим цитатам. Вначале дается гомеровский текст (часто на греческом и русском языках), следом – русский перевод схолия, а затем – мой комментарий. Серии этих цитат обычно не объединены общей идеей, и может показаться, что это случайный набор не связанных друг с другом фрагментов. Однако такой метод, как мне кажется, навязан самим материалом: комментарии Аристарха крайне фрагментарны, часто посвящены отдельным случаям, не сводимым в систему, и нередко труднообъяснимы. Представляется, что такой подход позволит читателю представить разнообразие проблем, которые интересовали александрийца, и диапазон вопросов, на которые он пытался найти ответы. Но этот диапазон ограничен структурными рамками, о которых шла речь выше.

* * *

Для меня тема «Рождение филологии» – возможность напомнить о том, что античность была эпохой важнейших интеллектуальных свершений, которые продолжают служить для нас образцами, хотя о многом мы знаем несравненно больше древних. Мне кажется также, что понимание истоков филологии важно и для самоосознания представителей этой дисциплины, и для ответа на вопрос, каково ее место в современном мире – в противовес тем, кто считает, что филология должна уйти в прошлое вслед за геральдикой или, по крайней мере, занять предельно маргинальное положение в системе академического знания.

Возможно, многим филологам эта перспектива может показаться маловероятной, однако в интеллектуальной культуре современности происходят очень существенные изменения.

Во-первых, в наше время чтение все дальше отступает перед новыми медиа, а текст все чаще занимает подчиненную информацию по отношению к движущимся или неподвижным картинкам. Во-вторых, все более проблематичным становится понятие «классика»: зрители, читатели и слушатели распределяются по субкультурным аудиториям, и не остается никакой или почти никакой минимальной базы *обязательного*, которое бы объединяло эти разрозненные группы. Читателю все труднее объяснить, что какие-то книги «должен» прочесть каждый, а те, которые он предпочитает, все чаще не нуждаются в комментариях или другом филологическом аппарате⁶.

Состоит ли главная задача современной филологии в том, чтобы найти новые подходы и расширить область исследований, или в том, чтобы заново открыть традиционную филологическую методологию, – важно понимать, что внешние условия изменились. Пожалуй, обращение к далекому прошлому нашей науки может помочь такому самоосознанию в эпоху новых вызовов извне и богатейшего методологического разнообразия в самих науках о языке и тексте. Я убежден, что первые европейские филологи способны показать нам подлинные образцы – иногда прямолинейные и ошибочные (в силу недостатка знаний о предмете), но вместе с тем основанные на здравом смысле, изучении источников и их тонкой интерпретации.

* * *

Я благодарю Издательство Университета Дмитрия Пожарского и Научный фонд Национального исследовательского

⁶ Особенно важной в дискуссии о настоящем и будущем филологии мне кажется статья Сергея Леонидовича Козлова «Осень филологии» (Новое литературное обозрение. 2011. № 110. С. 15-22) и опубликованные там же комментарии к этой статье.

университета «Высшая школа экономики», которым эта книга в значительной степени обязана выходом в свет. Если читатель найдет в ней некоторые достоинства, то это будет во многом заслугой мудрых, внимательных и самоотверженных коллег, работавших с рукописью: рецензента Елены Леонидовны Ермалаевой, редактора Елены Александровны Савиной и научного редактора Анны Вячеславовны Усачёвой. Горячо благодарю их, а также Алексея Владиславовича Белоусова за помощь и прошу винить только меня во всех недостатках книги, которые не удалось исправить.

Посвящаю эту книгу Азе Алибековне Тахо-Годи, у которой я учился на классическом отделении филологического факультета МГУ. По-настоящему я не имею права называть себя учеником Азы Алибековны, но занятия древнегреческим языком под ее руководством и беседы с ней в Доме Лосева составили эпоху в моей жизни.

Глава I

PROLEGOMENA

Чтобы начать разговор о том, как в Александрии в III–II в. н.э. появилась филология, нужно вначале многое разъяснить. Разъяснению некоторых понятий и терминов посвящен раздел α , который я назвал так потому, что греки пользовались буквами для обозначения чисел.

Сам дух александрийской филологии призывает к конкретности; отвлеченно говорить о Зенодоте, Аристофане и Аристархе невозможно: нужно строить изложение на примерах, которые предполагают у читателя – пусть самые общие и поверхностные, но всё же – знания о древнегреческом языке и метрике гомеровского гекзаметра. Поэтому я постарался составить достаточно краткие и обобщенные экскурсы на эту тему для раздела β . В Приложении рассказывается о древнегреческих дериватах в русском языке.

α . Термины, понятия, персоналии и источники

Сведения об античных филологах, основании и работе Александрийской библиотеки довольно скудны. Ключевая книга на эту тему – «История классической филологии» Рудольфа Пфайффера¹, на нее я и буду в основном опираться². Наиболее

¹ *Pfeiffer R. History of Classical Scholarship from the Beginnings to the End of the Hellenistic Age. Oxford, 1968.* Ценное собрание ссылок в *Gudeman A. Syllabus on the History of Classical Philology. Boston, 1892*; современное введение в проблематику: *Dickey E. Ancient Greek Scholarship. Oxford, 2007.*

² Из недавних публикаций на русском языке можно назвать моно-

подробное изложение этого круга проблем на русском языке принадлежит Л.А. Фрейберг³.

Филологи, грамматики, критики

Разговор о рождении филологии филологу естественно начать с истории самого термина. Слова φιλόλογος и φιλολογία неоднократно встречаются уже у Платона, однако они указывают на человека словоохотливого или даже на болтливость: «Так ведь сам я люблю беседу (более букв. «отличаюсь деревенской любовью к разговорам» ὑπὸ φιλολογίας ἀγροικίζομαι), а потому и вас стараюсь заставить разговориться и получить удовольствие от беседы друг с другом»⁴; «все эллины считают, что наше государство словоохотливо и многословно (φιλόλογός

графию: *Поршнев В.П.* Мусей в культурном наследии античности. М., 2012. В ней Александрийскому святилищу муз и библиотеке посвящена одна из глав (с. 197-218). См. также: *Фролов Э.Д.* Античный Мусейон в его развитии от частно-правового института к государственному учреждению // Античное общество - IV: Власть и общество в античности. Материалы... СПб., 2001. (цит. по <http://centant.spbu.ru/centrum/publik/confcent/2001-03/frolov.htm>); *Серова М.Ю.* Александрия Египетская как научный и культурный центр эллинистического мира: Дис. канд. ист. наук. СПб., 2006.

³ *Фрейберг Л.А.* Литературная критика в эпоху александрийской образованности // Литературная критика классической и эллинистической эпох. М., 1975. С. 185–216.

⁴ *Платон.* Теэтет (146a), пер. Т.В. Васильевой. В этой книге я несколько отступаю от принятого способа ссылаться на тексты античных писателей. Обычно дают латиницей сокращенное имя автора и/или название произведения с добавлением цифр, указывающих точную адресацию, которая обычно совпадает во всех изданиях данного текста. Однако многим читателям в таких ссылках будет трудно разобраться, поэтому, например, вместо «*Ael. VH XIII, 14*» я пишу: «*Элиан. Пестрые рассказы (XIII, 14)*». Конкретного издания я не указываю, чтобы читатель мог консультироваться с любой доступной ему книгой (или даже переводом на какой-нибудь другой современный язык).

τέ ἐστὶ καὶ πολύλογος), что же касается Лакедемона, то он немногословен, а на Крите развивают скорее многомыслие, чем многословие»⁵.

Однако у того же Платона это слово упоминается не только иронически и указывает на настоящего диалектика: «То, что одобряет человек, любящий мудрость и доказательство (ὁ φιλόσοφος τε καὶ ὁ φιλόλογος⁶), непременно должно быть самым верным»⁷. У Аристотеля встречаем существительное «филология» в значении «любовь к учености (и литературе?)»⁸. Если верить Светонию, впервые филологом в современном значении глава Александрийской библиотеки Эратосфен Киренский назвал самого себя: «Имя Филолога, как кажется, он [римлянин Атей Претекстат] принял потому, что наподобие Эратосфена, который впервые приобрел это прозвище, он занимался многими и разнообразными науками»⁹. Наоборот, позднеантичный грамматик Фриних Аравийский, собиравший классические образцы аттического¹⁰ словоупотребления, пишет: «Филолог – [значит] «любящий речи (ὁ φιλῶν λόγους) и стремящийся к образованности». А нынешние [писатели] неправильно применяют это слово к знатоку (ἐπὶ τοῦ ἐμπείρου)». Итак, семантические поля слов φιλόλογος и φιλολογία включают и то значение, в котором употребляются соответствующие русские слова, но строгими терминами их назвать нельзя.

⁵ Платон. Законы (642e), пер. А.Н. Егунова.

⁶ В предпоследнем примере φιλόλογος – прилагательное, как и почти всегда по-гречески, но в последнем случае оно субстантивируется с помощью определенного артикля ὁ.

⁷ Платон. Государство (582e), пер. А.Н. Егунова.

⁸ Аристотель. Риторика (1398b).

⁹ О грамматиках и риториках (10), пер. М.Л. Гаспарова.

¹⁰ В позднейшую эпоху образцовым считался язык афинских авторов классического периода, и все стремились говорить и писать «по-аттически».

Наиболее точно русскому «филолог» соответствует греческий термин *γραμματικός*, который обычно переводят как «грамматик». Это слово первоначально обозначало грамотного человека, затем учителя грамоты, позднее – ученого. Вот платоновский контекст, в котором слово *γραμματικός* приближается к обозначению филолога: «...он нашел бы нас смешными, если бы на вопрос о твоём имени мы стали выговаривать его по складам и (...) сочли бы себя знатоками грамматики (*γραμματικούς*), располагающими грамматически точным объяснением имени Теэтета»¹¹. Согласно Клименту Александрийскому (II в. н.э.), первым термин «грамматик» в значении «критик» (*κριτικός*) употребил Антидор Кимский, а может быть, упомянутый Эратосфен, который написал две книги под названием «*γραμματικά*», или же Праксифан Митиленский¹². Если считать вслед за Р. Пфайффером, что Антидор жил примерно в то же время, что Праксифан (конец IV–начало III в.) и Эратосфен (сер. III в.), то можно примерно определить время возникновения у слова *γραμματικός* значения «филолог»¹³.

У Климента значение «грамматик» объясняется через «критик». Видимо, таково было первоначальное¹⁴ именование филологической специальности. Это слово не раз встречается у Аристотеля в значении «способный к различению, суждению», а Филит Косский, учитель первого главы Александрийской библиотеки Зенодота, называется у Страбона «поэт и одновременно критик» (*ποιητής ἄμα καὶ κριτικός*)¹⁵. Пергамский фило-

¹¹ Платон. Теэтет (207b), пер. Т.В. Васильевой.

¹² Климент Александрийский. Строматы (1.16.79).

¹³ Pfeiffer R. History... P. 157-158.

¹⁴ О том, что грамматики прежде назывались критиками, сообщает Дион Хризостом в речи о Гомере (53.1).

¹⁵ Страбон. География (14.2.19).

лог Кратет из Маллоса, современник и соперник Аристарха, старомодно называл себя критиком¹⁶.

Александрийская библиотека

Александрийский мусей (храм Муз), в котором, кроме всего прочего, была и библиотека, основал Птолемей I¹⁷. Вероятно, он велел создать библиотеку под влиянием Деметрия Фалерского, ученика Феофраста, который жил в Александрии начиная с 297 г. до н.э.¹⁸ В этом своего рода научном центре собирали и каталогизировали древнегреческие тексты, прежде всего поэтические. Нечто похожее стремились учредить и другие эллинистические правители; среди соперников Александрии наиболее известен Пергам, но он не оставил большого следа в нашей традиции.

В обязанности библиотекарей входили не только соби́рание и классификация книг, но и выбор хороших рукописей, а также исправление ошибок в имеющихся. Важнейшей задачей филологов стала именно работа над поэмами Гомера, которые были наиболее востребованы, в частности из-за важной роли в системе образования. Работа с гомеровскими поэмами была особенно трудна из-за большого объема текста и множества различающихся между собой вариантов, об изобилии которых

¹⁶ *Афиней*. Пирующие софисты (11.490e).

¹⁷ *Плутарх*. О том, что невозможно жить счастливо, если следовать Эпикуру (1095d); *Евсевий*. Церковная история (V. 8, 11).

¹⁸ Такой вывод делает Р. Пфайффер, основываясь на биографии Деметрия, свидетельстве Страбона, что Аристотель «научил царей в Египте устройению библиотеки» (*Страбон*. География. 13.608), «Письме Аристея», которое предположительно датируется II в. до н.э. (*Евсевий*. Евангельское приготовление. VIII 2.1-4), и византийских «Пролегоменах к Аристофану» (возможно, их автор – прозаик и поэт XII в. Иоанн Цец).

мы узнаем из схолиев и из наиболее ранних папирусных фрагментов. Доалександрийские гекзаметрические тексты были разделены на строки¹⁹, но писались без пробелов и диакритических знаков, а знаки препинания употреблялись редко.

В александрийской библиотеке работали выдающиеся поэты Каллимах и Аполлоний Родосский, ученый Эратосфен Киренский, но гомеровскими исследованиями прославились прежде всего Зенодот Эфесский, Аристофан Византийский и в особенности Аристарх Самофракийский.

«Золотой век» в истории библиотеки закончился в смутные времена Птолемея VIII Фискона. Он разогнал двор своего брата Птолемея VI, так что и Аристарх вынужден был покинуть Александрию в 144 г. до н.э. Он отправился на Кипр и вскоре скончался²⁰. Расцвет школы был позади, но грамматическая традиция не угасла.

¹⁹ Что же касается лирических текстов с более сложной метрической структурой, они, возможно, вначале писались без деления на строки. Аристофану Византийскому приписывается деление лирики на колоны – метрические единицы меньше строки (о колонах еще пойдет речь ниже). У нас нет данных о том, как выглядели стихи, например, Сапфо и Алкея, до эпохи Аристофана, но древнейший папирус IV в. до н.э. с фрагментом Тимофея Милетского написан сплошь, как проза.

²⁰ Вот, что сообщает об Аристархе Суда – византийская историко-литературная энциклопедия X в.: «Аристарх Александрийский по жительству, а по рождению Самофракийский, сын Аристарха. Он поселился [там] в 156 Олимпиаду при Птолемею [VI] Филометоре, сына которого он учил. Говорят, что он написал более 800 книг только одних комментариев. Он стал учеником грамматика Аристофана и много спорил с грамматиком Кратетом Пергамским в Пергаме. Учениками его были около 40 грамматиков. А умер он на Кипре, погубив себя голоданием, так как страдал водянкой. Лет же его жизни было 72. А детей он оставил Аристарха и Аристагора, но оба были бестолковые, так что Аристарх даже был продан: афиняне, когда он пришел к ним, выкупили его».

Александрийская библиотека – это, пожалуй, первый в античности пример института, занимавшегося централизованно, систематически и масштабно сбором и копированием рукописей. Параллельно в Египте развивался документооборот на греческом языке, который, видимо, заметно превосходил по объему переписку в греческих полисах классического периода²¹. Возрастание роли письменной коммуникации, надо полагать, влияло и на отношение общества к библиотеке и книжной культуре в целом.

Р. Пфайффер сравнивает революционную роль греческого письма, которое было доступно каждому, а не только закрытым сообществам писцов, как на Востоке, с не менее выдающимся прорывом: свободным доступом в библиотеку для всех желающих. Открытое александрийское собрание было «свободным миром духа даже в новых монархиях», и новое поколение «ученых поэтов, которые очень нуждались в текстах»²², получило к ним доступ. Этот факт сыграл выдающуюся роль в развитии эллинистической культуры в целом.

Источники

Раскопки в Александрии до сих пор не дали значительных результатов. Основными источниками об александрийской филологической традиции остаются фрагменты, прошедшие через множество источников-посредников и сохраненные до нашего времени в основном в виде схолиев на полях средневековых рукописей.

Важнейшим посредником, который соединил Аристарха и его предшественников с последующей традицией, стал Дидим, работавший в Александрии во второй половине I в. до н.э. и,

²¹ Cavallo G., Maehler H. *Hellenistic bookhands*. Berlin-NY, 2008. P. 17.

²² Pfeiffer R. *History...* P. 103.

вероятно, в самом начале I в. н.э.²³ За гигантскую продуктивность (ему приписывается 3,5 или даже 4 тысячи книг) он был прозван Χαλκέντερος «с медными внутренностями». Если эти цифры имеют какое-то отношение к реальности, то, вероятно, у него была группа ассистентов, а его работы носили компилятивный характер. Дидим не только обобщил достижения александрийской учености (включая последователей Аристарха), но и имел доступ к работам пергамской школы, а также, судя по всему, к доалександрийским изданиям Гомера²⁴. Когда в схолиях мы встречаем фразу ἐν τῇ ἐτέρᾳ τῶν Ἀριστάρχου εὔρομεν «в другой [рукописи]²⁵ Аристарха мы нашли» (схолий к Ил. 2.131²⁶), это, вероятнее всего, слова самого Дидима²⁷. Об-

²³ Pfeiffer R. History... P. 274-275.

²⁴ West M.L. Studies in the Text and Transmission of the Iliad. München–Leipzig, 2001. P. 84.

²⁵ В греческом оригинале существительное отсутствует, но по артикю и прилагательному видно, что подразумеваемое слово должно быть женского рода. Это может быть διόρθωσις – букв. «исправление» или ἔκδοσις – «издание». В силу некоторой неясности подразумеваемого (не всегда можно сказать, с чем мы имеем дело: с ученым сочинением ли, с построчным комментарием или с заметками на полях конкретного манускрипта) я во многих подобных случаях буду вставлять в русский перевод слово «рукопись», чтобы тем самым передать неопределенность оригинала и дать возможность для различных интерпретаций.

²⁶ Здесь и далее отсылки к конкретным стихам Гомера даются по стандарту: Ил./Од., номер песни, номер стиха. Схолии цитируются по прекрасному изданию Гартмута Эрбзе (Scholia Graeca in Homeri Iliadem, rec. H. Erbse. Vol. I–VII. Berlin, 1969–1988) и устаревшему, но ничем пока не замененному изданию Вильгельма Диндорфа (Scholia Graeca in Homeri Odysseam, ed. W. Dindorf. Vol. I–II. Oxford, 1855). В издании Эрбзе каждый схолий снабжен указанием, к какому автору он восходит, и эти указания в скобках будут предшествовать переводам схолиев в этой книге.

²⁷ West M.L. Studies in the Text... P. 63.

ращаясь прежде всего к наследию великого александрийца, усердный компилятор нередко цитирует и другие источники: «Такое [написание] мы нашли и в массильском, и в синопском, и в кипрском, и в антимаховом, и в аристофановом [изданиях]. И Каллистрат в [сочинении] «Об атетезах²⁸» [читает] подобным образом, и Сидоний, и Иксион в шестой песни «Об объяснениях»» (схолий к Ил. 1.423). Отнести эту цитату к Дидиму помогает характерное «мы нашли»²⁹.

Среди предшественников Дидима был Аристоник, который написал книгу «О знаках «Илиады» и «Одиссеи»». Под знаками имеются в виду отметки на полях рукописей гомеровских поэм, которые отсылали к отдельному комментарию; схолии, восходящие к Аристонику, обычно начинаются со слова ὅτι «так как», и далее следует разъяснение, почему поставлен этот знак. Подробнее о знаках см. ниже.

Из ученых, работавших после Дидима, важно упомянуть Геродиана, который жил при Адриане и посвятил свой труд просодии «Илиады», а также Никанора, деятельность которого относится ко временам Марка Аврелия и сводится к проблемам пунктуации. Оба они также ссылаются на Аристарха, и отдельные цитаты также сохранены средневековыми схолиастами.

Одновременно с Дидимом и, главным образом, после него развивается еще одна линия комментирования «Илиады» и «Одиссеи»; захватывает она и ранневизантийскую эпоху. Схолии этого периода принято называть «экзегетическими»; эти комментарии «иногда почти наивны, но в своих рамках они тем не менее демонстрируют живое восприятие некоторых важных аспектов гомеровского искусства»³⁰. Важно, что они дают иную

²⁸ Значение термина будет подробно разъяснено ниже.

²⁹ *West M.L. Studies in the Text...* P. 71.

³⁰ *Richardson N.J. Literary Criticism in the exegetical Scholia to the Iliad: a sketch // Classical Quarterly. N.S. 30. 1980. P. 265-287.*

точку зрения на Гомера, чем филологическая традиция, идущая из Александрии, и будут иногда предлагаться в этой книге для сравнения. Существуют и другие источники: «малые» D-схолии (*scholia minora*) – краткие и в основном разъясняющие лексику Гомера; труды позднеантичных ученых (прежде всего, это энциклопедист II-III в. н.э. Афиней); византийские словари. Однако основной промежуточный источник сведений об Аристархе – труды четырех авторов: Дидима, Аристоника, Геродиана и, в меньшей степени, Никанора.

Большая часть материала, восходящего к этим ученым, сохранилась в маргинальных и интерлинейных схолиях одной рукописи X века, которая хранится в библиотеке св. Марка в Венеции: *codex Venetus Graecus 822*, *Venetus A* или просто *A*; объем комментариев в этом роскошном манускрипте «Илиады» многократно превышает гомеровский текст, в чем может по цифровым фотографиям высокого разрешения убедиться каждый желающий³¹. В конце каждой песни «Илиады» в этой рукописи содержится ссылка на труды Аристоника, Дидима, Геродиана и Никанора. Вероятно, эти труды были доступны составителям схолиев *A* не непосредственно, а в виде компиляции, которая так и называется «комментарий четырех мужей» (*Viermännerkommentar*). Трудно сказать, кто был её автором. Не исключено, что некие Апион и Геродор, на которых ссылается ученый XII в. епископ Евстафий Фессалоникийский, пользовавшийся этой компиляцией независимо от *Venetus A*³². Нет сомнений, что многократные переработки привели к утрате огромного

³¹ Благодаря Центру греческих исследований Гарвардского университета кодекс *A* и другие рукописи Гомера доступны онлайн в очень хорошем качестве: <http://chs75.chs.harvard.edu/manuscripts/>.

³² Наиболее авторитетная работа на эту тему принадлежит Гартмуту Эрбзе: *Erbse H. Beiträge zur Überlieferung der Iliasscholien. Zetemata 24. Munich, 1960.*

количества материала, принадлежавшего Аристарху и его предшественникам. Даже в тех случаях, когда сохранилось чтение античного филолога, нет уверенности, что сопутствующее ему объяснение не изобретено последующими интерпретаторами.

Экзегетические схолии известны нам по ряду рукописей, главные из которых относятся к XII в. и обозначаются литерами T (Townleianus, Brit.Mus. Burney 86) и B (Venetus Graecus 821). Есть и другие манускрипты, которые похожи на B (но не на T), поэтому их вместе объединяют в группу, обозначаемую как b. В этой книге переводы схолиев будут иногда сопровождаться литерами A, b и T, которые помогут определить, из какой ветви традиции взят тот или иной комментарий.

В заключение раздела приведу пример того, как трудно иной раз бывает понимать такой сложный и иногда весьма лаконичный источник, как схолии. Значительная часть книги будет состоять из подобных примеров в виде таблицы: вначале будет приводиться греческий текст Гомера, затем его русский перевод (принадлежащий В.В. Вересаеву, если не оговорено иное³³), затем перевод схолия, относящийся к этому месту, и (уже вне таблицы) мой комментарий. Дополнения в переводе выделяются квадратными скобками:

Ил.12.26 συννεχῆς, ὄφρα κε θάσσον ἀλίπλοα τείχεα θείη
...непрерывно / Дождь проливал, чтобы смыть поскорей укрепления в море.
(Дидим) Аристарх и Аристофан [пишут συννεχῆς] через другое v . A.

³³ Перевод В.В. Вересаева удобен потому, что написан на довольно современном языке и отличается сравнительно большой точностью. Однако, разумеется, это не подстрочник. Несовпадения греческого и русского текста обычно не оговариваются, за исключением тех случаев, когда речь идет о каком-либо конкретном слове и т.п.

Здесь воспроизведено чтение рукописи А с двумя ν ; в большинстве других рукописей согласный только один. Согласно традиционной греческой орфографии, требуется один согласный, но по требованиям метрики здесь желательно (хотя и необязательно) использовать два. Что же все-таки обозначает «через другое ν » ($\delta\acute{\iota}\alpha\ \tau\omicron\upsilon\ \acute{\epsilon}\tau\acute{\epsilon}\rho\omicron\upsilon\ \nu$): «через одно» или «через два»?

Томас Аллен в аппарате издания «Илиады» 1920 г. приписывает александрийцам совпадающее с большинством рукописей чтение через одно ν . В этом случае «через другое ν » понимается как «через одно (из двух возможных) ν ». В издании же 1931 г. он дает противоположную трактовку: совпадение с А и меньшинством рукописей (тогда указание схолиев, видимо, следует переводить как «через второе (еще одно) ν »)³⁴. Противоположную эволюцию проделали интерпретации Мартина Личфилда Уэста: в комментарии к «Теогонии» (к 636 стиху) он приписывает Аристофану и Аристарху вариант с двумя ν , а в издании «Илиады» 2000 г. – с одной, признавая свою прошлую интерпретацию ошибочной³⁵. Я согласен с ранним Алленом и поздним Уэстом, так как имеется, например, такой схолий: «так $\phi\theta\acute{\alpha}\nu\epsilon\iota$ через другое ϵ ($\delta\acute{\iota}\alpha\ \tau\omicron\upsilon\ \acute{\epsilon}\tau\acute{\epsilon}\rho\omicron\upsilon\ \epsilon$), не $\phi\theta\alpha\nu\acute{\epsilon}\epsilon\iota$ » (к Ил. 21.262).

Таким образом, нельзя не признать, что сама по себе лаконичность источника вызывает трудности, а противоречивость схолиев нередко дезориентирует.

³⁴ *Homeri Ilias*. Ed. D.B. Monro and T.W. Allen. Vol. I-II. Oxonii, 1920; *Homeri Ilias*. Ed. T. W. Allen. Vol. I-III. Oxonii, 1931.

³⁵ *Hesiod. Theogony*. Ed. with prolegomena and commentary M.L. West. Oxford, 1966; *Homeri Ilias*. Ed. M.L. West. Vol. I. Stutgardiae et Lipsiae, 1998. Vol. II. Monachii et Lipsiae, 2000.

Вульгата

Выше я говорил о «большинстве» и «меньшинстве» рукописей. Для того чтобы идти дальше, необходимо прояснить эти важнейшие понятия истории текста гомеровских поэм. До нашего времени дошли десятки полных средневековых манускриптов «Илиады» и «Одиссеи», множество античных папирусных фрагментов, начиная с III в. до н.э., и бесчисленное количество цитат из Гомера у различных античных авторов. Обычно текстологи по сходным/различным чтениям сохранившихся рукописей восстанавливают возможно более древний вариант текста, представляя взаимоотношение рукописей в виде генеалогического древа, называемого «стемма». В случае с Гомером эта обычная практика дает не очень много: те, кто создавал и исправлял рукописи «Илиады» и «Одиссеи»³⁶, могли сравнительно легко сопоставить их с другими манускриптами, и, что не менее важно, помнили многие стихи наизусть. В этих условиях вместо обычного наследования чтений от оригинала к копии происходили более сложные процессы, которые не позволяют составить традиционную стемму.

При этом не следует думать, что варианты «Илиады» и «Одиссеи» представляют собой некий хаос. Почти всегда большинство (обычно – подавляющее большинство) источников дает один и тот же вариант, что позволяет говорить о гомеровской вульгате³⁷ – своего рода «обобщенном тексте», о совокуп-

³⁶ Справщиками могли быть писцы, торговцы книгами, владельцы рукописей, а если манускрипт создавался в рамках школьной практики, то и учителя, и ученики.

³⁷ Термин *Vulgata* «общераспространенный [текст]» произошел из библеистики. Так стали называть латинский перевод Библии, принадлежащий св. Иерониму Стридонскому, в противоположность более ранним версиям, ставшим неофициальными. К Гомеру этот термин применял уже Фридрих Август Вольф в своей знаменитой книге

ности чтений, которые все вместе не воплощены ни в одной из рукописей, но содержатся в большинстве наших источников в каждом конкретном случае. Чтения вульгаты обычно не уступают другим древним вариантам. Как пишет М.Л. Уэст, «существует лишь несколько мест, в которых средневековое чтение хуже какого-либо существовавшего в античности», причем обычно можно показать, что вариант большинства рукописей имеет древнее происхождение³⁸.

Чтения вульгаты в этой книге используются для сравнения с вариантами античных филологов. Вероятно, подавляющее большинство этих чтений были известны александрийцам, по крайней мере Аристарху, а немногие исключения едва ли возможно выделить с уверенностью. Для Аристофана это допущение уже более сомнительно из-за того, что его чтений дошло мало; о Зенодоте судить еще труднее.

Тем не менее, понятие «вульгата» является проблематичным, так как оно зависит от того, какой набор рукописей мы используем для подсчета. Если мы, как это сделано в издании Т. Аллена (1931 г.), рассматриваем максимальное количество рукописей вплоть до XV или даже XVI в., то М.Л. Уэст ограничивается несколькими наиболее ранними и ценными манускриптами. При этом оба используют папирусы: Аллен перечисляет

«Prolegomena ad Homerum» (*Wolf F.A. Prolegomena ad Homerum sive de opera Homericorum prisca et genuina forma variisque mutationibus et probabili ratione emendandi. Halis Saxonum, 1795*), которая дала начало «гомеровскому вопросу» и которая, как ни удивительно, в некоторых аспектах не устарела и сегодня. Обычно под «вульгатой» понимают чтение большинства средневековых рукописей, однако, поскольку большинство позднеантичных папирусов дает обычно те же самые чтения, я предлагаю понимать термин несколько шире.

³⁸ *West M.L. Vulgate // The Homer Encyclopedia. Ed. M. Finkelberg. Malden, Oxford, 2011. P. 926-927.*

122, а Уэст на порядок больше – 1569³⁹. Рассмотрим несколько примеров, когда столь разное количество привлекаемых рукописей ведет к неоднозначности ответа на вопрос: совпадает ли чтение античного филолога с вульгатой или нет?

Ил. 12.11 καὶ Πριάμοιο ἄνακτος ἀπόρθητος πόλις ἔπλεν
И не разрушен был город великий владыки Приама (букв. «неразрушенным был»).
(Дидим) Так [пишет] Аристарх ἔπλεν [«был»]. А. Аристарх ἔπλεν с ν из ἔπελεν, пользуясь синкопой. Зенодот ἔπλε апокопой [формы] ἔπλετο. Т

Прежде всего, прокомментирую эти схолии. Во-первых, форма ἔπλεν действительно происходит из ἔπελεν. Во-вторых, греческий глагол в некоторых формах по фонетическим причинам присоединяет так называемое приставное ν⁴⁰. Согласно современным грамматикам древнегреческого языка, это ν требуется перед последующим гласным или перед паузой (то есть в конце фразы); данное правило, вполне возможно, восходит к Аристарху⁴¹. У Зенодота эта тенденция еще не становится

³⁹ Аллен не пытался собрать все сохранившиеся папирусные фрагменты, а включал только те, которые, по его мнению, были достойны упоминания. Кроме того, очень многие папирусы еще не были известны в его время. Как бы ни относиться к изданию Уэста, его идею отказаться от поздних рукописей и привлечь максимально возможное число папирусов нельзя не признать удачной. Ведь даже если клочок позднеантичной «Илиады» дает тот же текст, что средневековая вульгата, это свидетельствует о сохранности древнего чтения.

⁴⁰ Некоторой аналогией в русском языке могут послужить такие пары, как *о–об*.

⁴¹ Э. Швицер пишет об этом так: «(Византийское) школьное правило... наблюдается уже около 400 г. до н.э. в некоторых надписях, однако в хороших рукописях, например, Демосфена, не выполняется» (*Schwyzler E. Griechische Grammatik. München, 1977. Bd. I. S. 405*).

регулярной, однако схолий Т объясняет его вариант совершенно неверным, можно сказать, абсурдным образом через форму медиопассивного залога⁴². Трудно сказать, к кому восходит это объяснение: к Аристарху, к Дидиму или к авторам более поздних периодов.

Перейдем теперь к тому, как это чтение отражается в изданиях XX века. Т. Аллен трактует чтения Зенодота и Аристарха как практически тождественные и совпадающие с вульгатой. Для М.Л. Уэста это два различных варианта, а большинство привлекаемых им рукописей (это довольно редкий случай) не объединяется вокруг какого-либо чтения. Таким образом, не только собственно чтение вульгаты и, соответственно, согласие с ней того или иного филолога зависит от мнения издателя, но даже совпадение чтений Зенодота и Аристарха может быть предметом различных трактовок. По моему мнению, и в данном случае прав Уэст.

Для чего же нам нужен ответ на вопрос: совпадает ли чтение античного филолога с вульгатой или нет? Для того, чтобы приблизиться к решению более важной проблемы: влияли ли александрийские ученые на рукописную традицию и если да, то как именно.

Теперь рассмотрим еще один пример фонетического *v*.

Ил. 13.713 οὐ γάρ σφι σταδίη ὑσμίνη μίμνε φίλον κῆρ
Милое сердце у них не лежало к борьбе рукопашной.
(Дидим) Так Аристарх [пишет σφι «у них»] без <i>v</i> . Аристофан же с <i>v</i> .

Согласно Т. Аллену, Аристарху принадлежит не совпадающее с вульгатой чтение, тогда как Аристофан Византийский со-

⁴² См. ниже грамматический очерк.

гласен с большинством рукописей. У М.Л. Уэста все наоборот. Кто же из них ошибается? На самом деле они оба правы для того набора рукописей, на котором каждый основывает свое издание. Из 11 рукописей Уэста только 4 (и еще одна в виде исправления) дают вариант Аристофана, причем три из этих четырех составляют одну семью и должны рассматриваться вместе. В издании Аллена, где учтено множество поздних рукописей, большинство их на стороне Аристофана и чтения σφι. Легко найти и обратный пример, то есть такой, в котором чтение Аристарха совпадает с вульгатой у Аллена и не совпадает у Уэста:

Ил. 13.785 ἡμεῖς δ' ἐμμεμαῶτες ἄμ' ἐψόμεθ', οὐδέ τί φημι
С одушевленьем мы все за тобою пойдем. Недостатка...
(Дидим) Так [δ' ἐμμεμαῶτες «и охотно» читает] Аристарх. Другие же δὲ ἐμμεμαῶτες.

Переводятся эти варианты одинаково, но отличаются приставкой причастия, которое у Вересаева переведено «с одушевленьем», а у меня «охотно», а также фонетическим исчезновением гласного у частицы δ' (см. ниже «Элизия»). В рукописях времен Аристарха эти два чтения выглядели еще более сходно и отличались лишь одной или двумя буквами. В отличие от предыдущих примеров, здесь по Уэсту Аристарх согласен с меньшинством рукописей (3 из 11), а по Аллену – с подавляющим большинством.

Итак, понятие вульгаты не является самоочевидным: если мы меняем набор рукописей, нередко меняется и чтение большинства из них. Это не уникальное явление: по моим подсчетам, во второй половине «Илиады» имеется 16 случаев, когда чтение Аристарха совпадает с вульгатой по Аллену и не совпа-

дает по Уэсту и наоборот⁴³. Я не сопоставлял две эти вульгаты более широко, но нет сомнения, что такого рода разногласия проявляются у Аллена и Уэста во многих десятках, если не в сотнях стихов. Итак, мы не всегда можем сказать, совпадает ли чтение Аристарха с вульгатой, поскольку в некоторых случаях неочевидно, каков вариант большинства рукописей.

«Дикие» папирусы

Не все рукописи «Илиады» входят в ту общую и почти всегда единообразную линию, которая задана понятием «вульгата». Наиболее древние папирусные фрагменты гомеровских поэм, находимые в Египте и относящиеся к III-II векам до н.э., существенно отличаются от остальной прямой традиции. Наиболее заметное из отличий – колебание в числе стихов, то есть добавление строк, которые не засвидетельствованы ни в каких или почти ни в каких других источниках на этом месте, и опущение других, которые имеются в вульгате. Такие папирусы получили название «диких» или «эксцентричных» (*wild/essentric*). Главная работа, посвященная древнейшим гомеровским рукописям, довольно давняя, но до сих пор не утратившая актуальности, – книга Стефани Уэст «Птолемеевские папирусы Гомера»⁴⁴.

«Дикие» папирусы – это очень небольшой набор рукописей (правда, некоторые из них достаточно пространные). Из полутора тысяч папирусов М.Л. Уэста к эпохе, предшествующей

⁴³ Эти примеры перечислены в моей статье: *Файер В.В.* Проблема гомеровской вульгаты и александрийская филология // *Индоевропейское языкознание и классическая филология*. Вып. XVI. СПб., 2012. С. 833–834.

⁴⁴ *West S.* The Ptolemaic Papyri of Homer (*Papyrologica Coloniensia* 3). Köln, 1967.

щей и современной Аристарху, относятся лишь очень немногие⁴⁵: III в. до н.э. – 9, III–II вв. до н.э. – 6, II в. до н.э. – 10, II–I вв. до н.э. – 4. Таким образом, фрагментов рукописей, которые теоретически мог держать в руках Аристарх, сохранилось не более 30⁴⁶, что составляет 2% от общего числа учтенных Уэстом папирусов и 4% от датированных. В большинстве из этих 30 нет добавочных или пропущенных строк (так называемых «вертикальных вариантов»), может быть, потому, что они довольно короткие. Около 10 рукописей можно отнести к «диким» папирусам. Хотя это очень мало на фоне полутора тысяч сохранившихся фрагментов, среди ранних папирусов они составляют треть, тогда как в поздних удаление или добавление строк⁴⁷ встречается крайне редко (хотя все же встречается). Тезис о заметной стандартизации традиции во II веке до н.э. не вызывает сомнения, однако нельзя с уверенностью говорить, что это произошло именно во время работы Аристарха, а тем более в год его изгнания или незадолго до того. Мнение, что эта унификация произошла в один момент, кажется, при всей его привлекательности, маловероятным.

Возникают вопросы: отражает ли эксцентричность «диких» папирусов древнюю рукописную традицию в целом? Были ли все рукописи Гомера до II века эксцентричными, то есть нестандартными? Или это локальная особенность египетской традиции (а других традиций мы не знаем и не узнаем, так как лишь климат Египта позволяет папирусу сохраняться

⁴⁵ Некоторые папирусы не датированы, но практически невероятно, чтобы они были древними. Полный их список см. в *West M.L. Studies in the Text...* P. 88–129.

⁴⁶ Для сравнения: примерно столько же дошло папирусов одного только I в. до н.э., не считая рукописей рубежа эр.

⁴⁷ Разумеется, «удалением» и «добавлением» считаются отличия от вульгаты.

сравнительно хорошо)? Или, может быть, эксцентричные папирусы отражают доалександрийский стандарт, вульгату классического времени, которая нам неизвестна и потому кажется «дикой»? Единственным материалом для сравнения могут послужить цитаты из Гомера у античных авторов, но особенности цитирования по памяти и текстологические сложности в произведениях самих этих авторов (ведь у нас нет собственных рукописей, например, Платона!) не позволяют дать однозначный ответ на поставленные вопросы. Но всё же косвенные данные о том, как выглядели гомеровские тексты до Зенодота, Аристофана и Аристарха, стоит рассмотреть.

Доалександрийская традиция гомеровых поэм

Мы не можем сказать с полной уверенностью, когда и при каких обстоятельствах были впервые записаны тексты «Илиады» и «Одиссеи», однако, вероятнее всего, они не передавались из уст в уста, а были надиктованы автором или авторами. С этим, казалось бы, труднодоказуемым утверждением согласно большинство гомероведов: это следует из так называемой «устной теории» Милмэна Пэрри и Альберта Лорда. Детальное сопоставление гомеровского текста с поэмами балканских сказителей показывает, что для обеих традиций характерна система особым образом устроенных формул, необходимая для устной импровизации. Поскольку у сказителя-импровизатора нет представления о фиксированном тексте и каждое исполнение – не повторение, а воссоздание, версия об авторской диктовке выглядит наиболее убедительной⁴⁸. Впрочем, в рамках

⁴⁸ Здесь аргументация М. Пэрри, А. Лорда и их последователей дана лишь пунктирно и потому малоубедительно. Знакомство с «устной теорией» можно начать с книги *Лорд А. Сказитель*. М., 1994, а продолжить, например, монографиями: *Hainsworth J. B. The flexibility of the*

той же устной теории существует и концепция постепенной кристаллизации гомеровского текста, однако мне она кажется весьма сомнительной⁴⁹.

До появления устной теории многие ученые придерживались мнения о так называемой «писистратовой редакции» (ее также называют «рецензия» вслед за латинским *recensio*). Действительно, ряд античных свидетельств можно трактовать таким образом, что поэмы Гомера были впервые собраны, приведены в порядок и записаны в Афинах во времена тирании Писистрата. Это прямо утверждает Цицерон и несколько более поздних авторов⁵⁰. Еще более раннее свидетельство приписывает сыну Писистрата Гиппарху установление на Панафинейских играх такого порядка, что следующий рапсод начинал recитировать поэму с того места, на котором закончил предыдущий. Именно так думал Ф.А. Вольф⁵¹, однако сейчас эту интерпретацию мало кто разделяет. Так, Р. Пфайффер доказывает, что представление о записи Гомера комиссией при Писистрате появилось в эллинистический период по аналогии с деятельностью тогдашних филологов, которых поддерживали

Homeric formula. Oxford, 1968; *Parry M. The Making of Homeric Verse: The Collected Papers of Milman Parry*. Ed. by A. Parry. Oxford, 1971; *Lord A.B. The Singer Resumes the Tale*. Ed. by M.L. Lord. Ithaca, 1995.

⁴⁹ См. *Nagy G. Poetry as Performance: Homer and Beyond*. Cambridge, 1996, особенно главу «Multiform Epic and Aristarchus' Quest for the Real Homer» на с. 117–152. Я согласен с мнением Е.Л. Ермолаевой о дискуссии вокруг этой концепции: «точка зрения Джанко, который считает, что гомеровский текст был записан – и записан, по меньшей мере, в VII в. до н.э., а возможно, и раньше, – представляется более убедительной, чем “эволюционная теория” Надя» (*Ермолаева Е.Л. II. XIX, 107: ψευστήσεις versus ψεύστης εἶς // Hyperboreus Vol.7(2001) Fasc.1-2. С. 60-61*).

⁵⁰ *Цицерон*. Об ораторе (III, 34 и 137); *Павсаний*. Описание Эллады (VII, 26, 6); *Элиан*. Пестрые рассказы (XIII, 14); *Либаний*. Речь I (1, 73).

⁵¹ *Wolf F.A. Prolegomena... . P. 142-150*.

правители (прежде всего Птолемеи в Египте)⁵². Р. Джанко отвергает легенду о Писистрате и представление о существенном влиянии Афин на текст Гомера: «Полноценная «Писистратова рецензия» – это, разумеется, научная теория, а не подлинная традиция; она была неизвестна во времена александрийцев. Если бы у кого-то был официальный писистратовский текст, мы бы об этом, конечно, знали. Слабое изображение афинян в обоих эпосах доказывает, что они мало меняли текст, если вообще меняли»⁵³. Как уточняет О. Андерсен, «распространение изображений на вазах с гомеровскими сюжетами со 2 пол. VI в. показывает, что гомеровские поэмы уже получили к этому времени особый статус», так что эпоха Писистратидов в Афинах стала временем «стандартизации и канонизации» «Илиады» и «Одиссеи»⁵⁴. Таким образом, свидетельство Цицерона и других не далеко от действительности, но буквально верить ему едва ли возможно.

Развивая гипотезу о надиктованном тексте, М. Л. Уэст полагает, что запись «Илиады» произошла при жизни поэта и была сделана им самим или его ассистентом на нескольких папирусных свитках (не исключен и пергамен) с помощью восточно-ионийского алфавита. Трудно сказать, как они хранились после смерти автора, но должно было существовать сообщество исполнителей, которые имели доступ к рукописи и исполняли фрагменты из поэмы. Видимо, благодаря им она и начала распространяться. При распространении возникали интерполяции, одной из которых Уэст считает «Долонию». Среди

⁵² Pfeiffer R. History... P. 6–8.

⁵³ Janko R. Introduction // The Iliad: A Commentary. General Editor G.S. Kirk vol. IV, Cambridge, 1985. P. 39.

⁵⁴ Andersen Ø. Pisistratean recension // The Homer Encyclopedia. Ed. M. Finkelberg. Malden, Oxford, 2011. P. 670.

малых интерполяций исследователь называет вставки, которые должны были усилить представление Афин в эпосе, исправить «ошибки», пояснить непонятное или более развернуто изложить краткую мысль по образцу другого фрагмента из эпоса. Установление Писистратом Панафинейских игр было важным событием в истории гомеровских поэм, так как впервые для большой аудитории появилась регулярная возможность слышать их полностью. Этот факт определил, по Уэсту, заметное влияние афинян на традицию⁵⁵.

Влияние Афин могло затронуть орфографические особенности «Илиады», хотя правописание текстов, попадавших в александрийскую библиотеку с разных концов ойкумены, очевидно, различалось. В схолиях встречаются указания на возможные ошибки при переписывании из одной орфографической системы в другую. В 403 году до н.э. в Афинах вместо прежнего аттического алфавита был законодательно введен ионийский, в котором различно отражались звуки долгий, краткий и закрытый [о], а также долгий, краткий и закрытый [е].

Ил. 7.238

οἷδ' ἐπὶ δεξιᾶ, οἷδ' ἐπ' ἀριστερὰ νωμῆσαι βῶν

Щит сухокожный умею ворочать и вправо, и влево.

(Дидим) Так [рукописи] Аристарха [дают] βῶν. [Рукопись] Аристофана – βοῦν. (...) В древних [рукописях] писалось ΒΟΝ, чего не поняли справщики.

Греческое слово βοῦς имеет значения *бык, корова; щит из воловьей шкуры*. В винительном падеже это дает форму βοῦν или редкую диалектную βῶν. Аристофан был сторонником первого варианта, Аристарх – второго, причем именно этот послед-

⁵⁵ West M.L. Studies in the Text... P. 3-32.

ний мы встречаем в средневековых рукописях, трех папирусных фрагментах и цитатах у античных авторов. Какое же чтение правильнее? Вероятно, $\beta\tilde{\omega}\nu$, так как иначе трудно объяснить, откуда взялась эта странная форма вместо ожидаемой $\beta\omega\nu$ ⁵⁶.

Однако к объяснению схолиев с отсылкой к орфографии древних манускриптов нужно отнестись критически. Если бы все рукописи «Илиады» прошли через староаттическую систему записи, то вариант $\beta\tilde{\omega}\nu$ вообще не сохранился бы из-за своей исключительной редкости: любой афинский переписчик транслитерировал бы BON как BOYN ($=\beta\omega\nu$ в современной графике), а не $\text{B}\Omega\text{N}$ ($=\beta\tilde{\omega}\nu$). Тот факт, что диалектная форма здесь вообще сохранилась, свидетельствует о слабом влиянии Афин на традицию.

Дополнительным аргументом в пользу правоты Аристарха может служить тот факт, что у поэта-филолога Каллимаха встречается форма $\beta\tilde{\omega}\nu$ («Гимн к Деметре», 108). Вероятно, Каллимах употребил необычный вариант, чтобы показать свое знакомство с редкими гомеровскими формами. Однако это не более, чем правдоподобное предположение: оно даже не доказывает, что Каллимах был сторонником чтения $\beta\tilde{\omega}\nu$ в обсуждаемой строке «Илиады».

В любом случае, ни этот, ни другие аналогичные случаи (а подобный пример мы встречаем, скажем, в схолии к Од. 1.275), как справедливо указывает М.Л. Уэст, не становятся необъяснимыми, «если отвергнуть версию о неправильной транскрипции с аттического текста»⁵⁷.

⁵⁶ Более трудные чтения (*lectiones difficiliores*) принято считать предпочтительными, так как в рукописной традиции гораздо чаще встречается упрощение, а не усложнение (например, непонятное переписчику слово заменяется на понятное). Ср., однако, ироническое замечание М.Л. Гаспарова о «текстологическом мазохизме» (*Гаспаров М.Л. Записи и выписки. М., 2001. С. 33*).

⁵⁷ *West M.L. Studies in the Text... P. 22-23.*

Как известно, и «Илиада», и «Одиссея» делятся на 24 части, каждую из которых по-русски обычно называют «песнь» или, реже, «книга». Название «песнь» не совсем точно: нет никаких оснований предполагать, что перед нами авторское деление поэм. Сказитель делал паузы в процессе исполнения «Илиады» (почти 16 тыс. стихов невозможно исполнить подряд), но число и места этих пауз установить невозможно. Едва ли устный импровизатор стал бы ориентироваться на 24 буквы ионийского алфавита, который сам по себе указывает на письменную фиксированную и завершённую форму текста. Да и существенные различия в длине частей (от 424 до 909 стихов в «Илиаде» и от 331 до 847 строк в «Одиссее») указывают на то, что текст поделен не для удобства устного исполнения, а по содержательным критериям. С другой стороны, пользоваться термином «книга» неудобно из-за омонимии: в обычном античном свитке («книге») помещалось несколько таких частей (об этом свидетельствуют, в частности, те папирусы, которые сохранились лучше других). Сами греки называли части гомеровских поэм «рапсодиями» (ῥαψῳδία)⁵⁸, но для нас этот термин неудобен хотя бы уже из-за ассоциаций с симфонической музыкой. Поэтому мы все же будем пользоваться наиболее привычным словом «песнь» для обозначения одной из 24 частей каждой из поэм.

Относительно вопроса, восходит ли деление на «песни» к александрийским или более древним временам, надежных данных и единства среди исследователей нет.

Критические знаки. Атетеза

Важнейшим изобретением александрийских филологов стали критические знаки: пометы на полях рукописей, которые

⁵⁸ Рапсодами назывались исполнители той эпохи, когда дословное сохранение древних песен пришло на смену устной импровизации.

отсылали к комментарию или просто указывали на текстологический статус строки. Первым из этих знаков, который был изобретен Зенодотом, стала черта, или обел (ὀβελός). Так помечались строки, которые филолог считал неподлинными; эта операция получила название «атетезы». Атетеза – не то же самое, что удаление строк; эта последняя операция отмечается схолиями иначе. Вот пример из 8 песни, где описывается подготовка богинь к битве:

Ил. 8.384-8.

Зевсом рожденная дева ж Афина в чертоге отцовском
Мягкий пеплос сняла и струей его на пол спустила,
Пестроузорный, который сготовлен был ею самою.
Вместо него же надевши хитон молневержца Зевеса,
Для многослезного боя в доспехи она облеклася.

(Аристоник/Дидим) Атетируются три стиха, так как в «Аристии Диомеда» [это] хорошо доведено до конца, так как [Афина] нечто делает. Здесь же она впустую надевает полное вооружение. Атетирует и Аристофан. Зенодот же не пишет. А

(Дидим) Аристофан атетирует три [стиха, т.е. 385-7], а Зенодот не пишет. Т

Во-первых, приведенный пример показывает нам, что атетеза и удаление («не пишет») – не одно и то же. Во-вторых, в схолиях А и Т эта информация сообщается по-разному: в первом случае есть обоснование сомнительности этих трех строк (835-837), которое заключается в том, что они уже встречались ранее (Ил. 5.734-6). Пристальное рассмотрение повтора приводит к выводу, что здесь эти строки не так уместны, как в описании подвигов Диомеда. Зенодот приходит к выводу, что три стиха надо удалить, а Аристофан и его последователи, несмотря на сомнения, предпочитают все же оставить их в тексте «Илиады», но снабжают знаком атетезы.

По подсчетам К. Никау, Зенодот исключает из «Илиады» около 140 строк, а атетезе подвергает около 350. Кроме того,

первый глава Александрийской библиотеки иногда вставляет стихи, которые отсутствуют в вульгате (после Ил. 13.808, после Ил. 14.136 и др.). Такое большое количество удаленных стихов, казалось бы, свидетельствует не в пользу Зенодота. Однако, если вспомнить о «диких» папирусах, в которых часто встречаются вставки из других гомеровских эпизодов, эта практика становится объяснимой, даже если остается ошибочной.

От текстологических решений Аристофана мало что сохранилось. Возможно, потому, что ряд вариантов Аристофана, принятых Аристархом, дальше бытовал только под именем последнего. Возможно, именно Аристофану принадлежит изобретение знаков ударений, которые совершенно необходимы во многих текстологически сомнительных случаях. Во всяком случае, ни одному из его предшественников схолии не приписывали разночтения в ударении (схолий к Од. 7.317). Примерно с I в. до н.э. акцентуация начинает иногда появляться в папирусных фрагментах; система сплошной акцентуации, принятая в современной практике, складывается уже в византийские времена.

Наряду с обелом Аристофан использовал знаки * (ἀστέρισκος, звездочка) для обозначения предполагаемой лакуны по смыслу, T для атетезы нескольких строк, Ω (ἀντίσιγμα, антисигма) для указания на излишнее повторение. Самым абстрактным знаком была > (δίπλη, дипле), которой отмечались стихи с интересными языковыми или смысловыми особенностями. Дипле – ближайший аналог современной звездочки, отсылающей к примечанию любого рода.

Говоря о деятельности Аристарха, обычно указывают на два ключевых его принципа: осторожность и аналогистический подход. Что касается осторожности, то Аристарх нередко отвергает чтения Зенодота, некоторые из которых кажутся слишком смелыми или иррациональными, и предлагает вариант, тождественный нашей вульгате. Характерен критический

знак Аристарха > (διπλή περιεστίμην; этот знак я буду здесь называть «дипле с точками»), который указывал на отличия от текста Зенодота; аналогичного знака для несогласия с Аристофаном или другими филологами не было. Нередко Аристарх атетирует (то есть оставляет в тексте, лишь снабжая указанием на сомнительность) стихи, которые Зенодот удалял. Что касается аналогизма Аристарха, формулировка «объяснить Гомера из Гомера», которую часто приводят в этой связи, принадлежит не ему, а Порфирию⁵⁹; ниже мы увидим, можно ли считать эту максиму всеобъемлющей.

Конъектуры и методика Зенодота

Одна из самых сложных проблем, связанных с текстологической деятельностью александрийцев, – это вопрос о принципах работы Зенодота. В какой степени он использовал конъектуры – не подтвержденные рукописями чтения, которые он придумывал сам, исходя из своих представлений? К сожалению, даже Аристофан и Аристарх едва ли смогли бы объективно ответить нам на этот вопрос. Во-первых, они не так уж много знали о деятельности предшественника⁶⁰, во-вторых, некоторые чтения Зенодота, видимо, были искажены последователями и подвергнуты не всегда справедливому суду.

Нередко можно встретить такую характеристику методов работы первого александрийца: чтения Зенодота – конъектуры⁶¹, причем плохие. Как пишет Р. Джанко: «такие чтения

⁵⁹ См. Pfeiffer R. History... P. 226.

⁶⁰ Разница в возрасте между Зенодотом и Аристофаном составляла не менее 60 лет. Даже если они встречались, едва ли второй мог быть учеником первого (подробнее см. Pfeiffer R. History... P. 172 и Nickau K. Zenodot von Ephesos // Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft, R.II, Hbd.19. München, 1972. S. 24–25.).

⁶¹ Хотелось бы подчеркнуть, что конъектуральная критика текста (то

свидетельствуют о плохом знании греческой грамматики и диалекта; они могли происходить из источников, которым его последователи не доверяли (возможно, у него было патриотическое пристрастие к ионийским рукописям). Большая часть остальных чтений Зенодота лучше всего объясняются как конъектуры», возникшие из-за «(i) непонимания грамматики или синтаксиса, (ii) удаления повтора или предполагаемой (iii) непоследовательности или (iv) непристойности или (v) из-за желания сделать текст единообразным»⁶².

Это мнение находит поддержку в схолиях, где часто критикуется Зенодот. Так, судя по схолию к Ил. 3.423-4, Зенодоту показались неподобающими слова, что Афродита подает Елене кресло. Другой пример относится к знаменитой сцене соблазнения Зевса Герой, где богиня так начинает речь к супругу:

Ил. 14.301-6

Я отправляюсь взглянуть на границы земли многодарной,
 Предка богов Океана проведать и мать Тефию,
 В доме своем воспитавших меня и вскормивших любовно.
 Их я проведать иду, чтоб уладить раздор бесконечный.
 Долгое время уже любви и совместной постели
 Оба они избегают. Вражда им вселилася в сердце.

Схолиаст указывает, что Зенодот атетирует стихи 304-306: ложные слова о намерении уладить ссору Океана с Тефией уже

есть исправление по гипотетическим вариантам) не плоха сама по себе и активно используется и в современной науке, хотя, конечно, ученые стремятся скорее объяснить сомнительный вариант, чем исправить его. Ср. у Квинтилиана: «Новички обычно меняют то, что нашли в древних книгах, и, желая осмеять переписчиков, показывают свое невежество» (Об ораторском образовании. IX, 4, 39).

⁶² *Janko R.* Introduction. P. 24. При этом исследователь признает заслуги Зенодота, который столкнулся с множеством интерполяций в отдельных рукописях и должен был как-то унифицировать традицию.

звучали выше в разговоре Геры с Афродитой. Зенодот якобы считал, что повтор нужно убрать, так как эти слова ослабляют любовное желание Зевса, в котором заинтересована Гера, на самом же деле, пишет схолиаст, дело обстоит ровным счетом наоборот. Как пишет Р. Джанко, схолии «правы, что история Геры не уменьшает желание Зевса, а задумана для того, чтобы заставить его думать о сексе и восстановлении супружеской гармонии, это также дает ей алиби для ее присутствия на Иде, чтобы защитить ее позднее»⁶³.

Сложности, как уже было сказано выше, связаны с тем, что наши источники неполны и часто недостоверны из-за того, что резоны Зенодота (по крайней мере, многие) были достаточно рано утрачены. «В схолиях нет такого места, где приводится ὑπόμνημα, т.е. комментарий, Зенодота, как происходит с Аристофаном и Аристархом. И очень редко привлекается нечто, к этому относящееся, и иногда из догадок грамматиков, объясняющих варианты Зенодота, иногда, как я предполагаю, из книги, в которой Зенодот объяснял трудные слова по обычаю глоссографов», – пишет Ф.А. Вольф⁶⁴. По словам Г. Дюнтцера, посвятившего монографию текстологической работе Зенодота, «ни Аристоник, ни Дидим не видели самого зенодотова издания (recensionem) Гомера, но черпали из Аристарха и его учеников, сообщения которых не всегда соответствовали действительности»⁶⁵.

Позднейшая интерпретация чтений Зенодота имела обвинительный уклон: не случайно для указания на различающиеся

⁶³ Janko R. Commentary // The Iliad: A Commentary, General Editor G.S. Kirk, vol. IV, Cambridge, 1985. P. 200.

⁶⁴ Wolf F.A. Prolegomena... P. 215. Р. Пфайффер замечает по этому поводу: «Хотя наш материал очень расширился со времени Ф.А. Вольфа, его утверждение... остается в силе» (History... P. 115).

⁶⁵ Duentzer H. Duentzer H. De Zenodoti studiis Homericis. Gottingae, 1848... P. 17.

варианты Зенодота и Аристарха понадобился особый текстологический знак⁶⁶. При этом ряд чтений, приписываемых первому руководителю александрийской библиотеки, слишком странны или даже иррациональны, что мешает толковать их как конъектуры. Их легко представить как ошибку традиции, результат непонимания или тенденциозного изложения позднейшими филологами. При этом в схолиях варианты Зенодота иногда приводятся явно не полностью⁶⁷. Покажу это на примере:

Ил. 5.263

Αἰνεῖαο δ' ἐπαῖξιαι μεμνημένος ἵππων

Сам же к энеевым кинься коням, – хорошо это помни!

(Аристоник) [Дипле с точками,] так как Зенодот пишет Αἰνεῖω

Ил. 5.323

Αἰνεῖαο δ' ἐπαῖξας καλλιτριχας ἵπλους

Бросился быстро к коням пышногривым героя Энея,

(Аристоник) [Дипле с точками,] так как Зенодот пишет Αἰνεῖω, но Эней [склоняется] не как Петей.

Итак, на первый взгляд в данном случае идет речь о типе склонения личного имени, причем Зенодот предлагает вариант,

⁶⁶ Впрочем, поскольку одним из двух важнейших источников чтений Зенодота для комментария четырех мужей был Аристоник (наряду с Дидимом), доля сохранившихся чтений, где Аристарх не согласен с Зенодотом, могла быть непропорционально велика. Аристоник общается в своем комментарии о знаках в аристарховом издании, так что чтения Зенодота попадают в его поле зрения прежде всего тогда, когда Аристарх ставит дипле с точками (см. *Nickau K. Zenodot... S. 29.*) И все же это не отменяет того факта, что знака для несогласия с другими филологами у Аристарха не было.

⁶⁷ *Duentzer H. De Zenodoti studiis... P. 19-20.*

который неудачен в грамматическом плане и, что еще удивительнее, противоречит метрике стиха: в варианте александрийца одним слогом меньше, чем нужно. Г. Эрбзе считает это место испорченным⁶⁸, но мне представляется, что, наоборот, в данном случае мы имеем дело с рациональной метрической правкой.

В версии вульгаты этот стих метрически аномален (хотя у Гомера изредка встречаются такие строки), так как в нем нет цезуры ни в третьей, ни даже во второй стопе. В варианте Зенодота недостающая цезура (после Αἰνεΐω) появляется, что делает строку более стандартной (см. ниже о цезурах гекзаметра).

Однако требует объяснения исчезновение слога в варианте Зенодота. Как мне представляется, здесь не требуется никаких конъектур, достаточно лишь считать, что частица δέ читается полностью (см. ниже об элизии). Поскольку систематическое обозначение элизии лишь начинает складываться во времена Зенодота, полное и неполное чтения δέ оказываются для филолога графически тождественными.

В предлагаемом мною объяснении может вызывать сомнение столкновение двух гласных в словоразделе: δὲ ἐπαΐξας (см. ниже о зиянии). Однако два ε на границе слов десятки раз встречаются у Гомера, и далеко не всегда в исторической перспективе их разделял согласный: ἦ τοῖοσδε ἔων ἐν ποπτοπόροισι νέεσσι (Ил. 3.46 «И вот такой-то, посмел ты, однако, в судах мореходных...»). Необходимо добавить, что александрийские филологи нередко избегали элизии, как это делали и поэты той эпохи, так что вариант Зенодота целесообразно рассматривать как коррекцию сразу двух нежелательных метрических явле-

⁶⁸ Вакернагель предполагает, что Зенодот читал Αἰνεΐω (*Wackernagel J. Kleine Schriften. Göttingen, 1953–1979. S. 1565*). Такого же мнения в своем издании придерживается и М.Л. Уэст.

ний. Впрочем, сказанное не означает, что первый александрийский филолог был прав. Скорее всего, его чтение неверно, но оно достойно серьезного обсуждения.

Важным аргументом в защиту методов Зенодота является тот факт, что он изобрел критический знак для атетезы. То, что он во многих случаях не решался удалить строки, казавшиеся ему неподлинными, свидетельствует о похвальной осторожности. Ф.А. Монтанари, подчеркивая различие между простым исправлением слов и созданием критико-методологического инструментария, называет открытие Зенодота «большим прорывом»⁶⁹. Очевидно, ряд чтений первого александрийского филолога (возможно, неправильных) происходил из более ранней традиции, но все же, по мнению Г. Дюнтцера, «часто то, что было лишь началом искусства критики текста, он приносит в жертву предположению». Половину сохранившихся чтений Зенодота, включая атетезы, исследователь считает неудачными конъектурами. При всей критичности, этот вывод о деятельности Зенодота заметно отличается от обвинительного вердикта Р. Джанко, который был процитирован выше.

Детальному анализу текстологической методики эфесца посвятил свой труд К. Никау. «Зенодот хотя случайно и ошибался, однако не привнес в текст несоответствующие <...> масштабы. Так, например, его трактовка повторяющихся стихов показывает удивительно хорошее знакомство с гомеровским стилем»⁷⁰, – пишет ученый, приходя к выводу о том, что Зенодот был склонен атетировать или удалять только нетипичные для Гомера виды повторов. Признавая, что у нас нет данных

⁶⁹ *Montanari F.A. Alexandrian Homeric Philology. The Form of the Ekdosis and the Variiae Lectiones // Epea pteroenta. Festschrift für Wolfgang Kullmann zum 75. Geburtstag. Stuttgart, 2002. S. 130.*

⁷⁰ *Nickau K. Zenodot... S. 35.*

для однозначного ответа на вопрос об источнике чтений филолога, исследователь приводит этот вопрос в «методически допускающую ответ форму: существуют ли, с одной стороны, ошибки, общие для чтений Зенодота и более древних свидетельств, и можно ли, с другой стороны, назвать ошибки Зенодота, которые могли бы впервые стать возможными в его время? На первый из двух вопросов, как мы думаем, можно ответить положительно, на второй следует ответить отрицательно»⁷¹.

Относительно атетезы Зенодота, упомянутой в схолиях к Ил.14.301-306, Никау указывает на то, что в одном из папирусов после 306 стиха идет явная интерполяция из первой аналогичной речи (=208–210); эти три дополнительных стиха совершенно не соответствуют контексту, и, по мнению исследователя, Зенодот решил, что и строки 304-306 также являются частью этой интерполяции⁷². Если так, то александрийский филолог тщательно исследовал рукописную традицию, в которой в его время было слишком много лишних стихов.

Особенно высоко оценивает вклад первого александрийского филолога в гомеровскую текстологию Р. Пфайффер, говоря, что его «несправедливо упрекали античные критики и следовавшие за ними современные ученые в том, что он делал произвольные изменения по ложным внутренним основаниям». Разумеется, Зенодот нередко ошибался, но «варианты такого типа несравненно менее частотны, чем другие». Предположения Дж. Сэндза о том, что Зенодот иногда вставлял в гомеровский текст стихи собственного сочинения, Пфайффер называет «недопустимым противоречием с духом новой учености»⁷³.

⁷¹ *Nickau K. Untersuchungen zur textkritischen Methode des Zenodotos von Ephesos. Berlin–New York, 1977. S. 253.*

⁷² *Nickau K. Untersuchungen... S. 93–96.*

⁷³ *Pfeiffer R. History... P. 114. Sandys J.E. History of Classical Philology. Vol. I. Cambridge, 1921. P. 120.*

Недоумение, возникающее при анализе деятельности Зенодота и знакомстве с разноречивыми оценками его деятельности, прекрасно выразила С. Уэст. С одной стороны, она призвала обратить серьезное внимание на эти чтения как на более трудные⁷⁴. Она предполагает, что некоторые зенодотовы варианты могут отражать древнейшее состояние текста, в котором были шероховатости, сглаженные позднейшими редакторами. С другой стороны, если это были конъектуры, то «они предполагают настолько своевольное отношение к тексту, что создают сильное предубеждение против всех его странных чтений»⁷⁵.

Чтобы лучше понять метод античного ученого, рассмотрим сообщения схолиев об атетезе и чтении Зенодота к двум стихам почти в самом начале «Илиады»:

Ил. 1.3 (о гневе Ахилла)

πολλὰς δ' ἰφθίμους ψυχὰς Ἄϊδι προΐαψεν

Много сильных душ героев пославший к Аиду...

(Дидим) Аполлоний Родосский пишет «голов» (κεφαλὰς). bT.

Вариант эпического поэта и руководителя Александрийской библиотеки Аполлония Родосского к тексту Гомера мог присутствовать в его художественных произведениях в качестве аллюзии или в каком-то специальном сочинении, посвященном гомеровской критике текста (сохранилось, например, упоминание о его книге «Против Зенодота»). В принципе ничего противоположного практике Гомера в этом нет, потому что в «Илиаде» встречается точно такая же строка со словом «голо-

⁷⁴ См. выше о более трудных чтениях в прим. 56.

⁷⁵ West S. The transmission of the text // A Commentary to a Homer's Odyssey. Edd. A. Heubeck, S. West, and J. V. Hainsworth. Vol. I. Oxford, 1988. P. 43.

вы»: πολλὰς ἰφθίμους κεφαλὰς Ἄϊδι προΐαψειν (Ил. 11.55: *Много могучих голов отправить в жилище Аида*). Однако проблема в том, что этот стих с изменением не вписывается в контекст первой песни, так как далее идет текст: «Их же самих на съеденье отдавший добычею жадным / Птицам окрестным и псам. Это делалось волею Зевса». Получается, что здесь головы героев как раз отправились псам, а не в Аид, и чтение Аполлония возможно только в том случае, если удалить эти два стиха 4 и 5⁷⁶. Зенодот атетировал эти стихи, но все же оставлял их в тексте, предлагая разночтение к одному из них. Чем же считать краткую ссылку на Аполлония: согласием с Зенодотом, полемикой с ним (с предложением убрать вовсе те стихи, в которых предшественник только сомневался), цитатой из несохранившегося сочинения или просто указанием на параллельное место в 11 песни? Сомнения остаются.

То чтение, которое предлагает Зенодот в 5 стихе, интересно само по себе:

Ил. 1.5

οἰωνοῖσι τε πᾶσι, Διὸς δ' ἔτελείετο βουλή

[букв.: и птицам всем; Зевса совершалась воля]

(Афиней, Пир мудрецов 1,21 К) И об одних только людях Поэт говорит δαῖτα («трапезу»), а о зверях – нет. Не зная значения этого слова, Зенодот в своем собственном издании пишет: «их же в добычу отдал псам и птицам в трапезу», называя таким образом пищу и коршунов, и других птиц (...).

(Экзегетические схолии) (...) Если же и не все [птицы] ели [трупы людей], то всем была свободно предложена такая возможность.

(Евстафий Солунский Комм. Ил. 1.32) Если же Зенодот вместо «всем» пишет «в трапезу», как говорят, он ошибается. Дело в том, что Гомер ставит [слово] δαῖτα («трапезу») об одних только людях.

⁷⁶ Pfeiffer R. History... P. 146-7. Kirk G.S. Commentary... Vol. I. P. 53.

Итак, во всех рукописях находим чтение «всем птицам», а Зенодоту приписывается вариант «в добычу птицам». На первый взгляд дело обстоит так: филолог, видя рукописное чтение «всем птицам», замечает, что не всем птицам свойственно есть мертвечину, и предлагает конъектуральное исправление: «в трапезу птицам», не задумываясь над тем, что слово «трапеза» у Гомера применяется только к людям. Это сообщение о Зенодоте бытовало со времен античности и сохранилось у византийского комментатора Евстафия, который, судя по дословному совпадению «об одних только людях», цитирует Афиней или его источник.

Дело, однако, обстоит гораздо сложнее. Есть основания предполагать, что Зенодот читал δαῖτα вслед за некоей достаточно древней и авторитетной, вероятно афинской, рукописью Гомера. Как пишет Р. Пфайффер: «Благодаря удачному стечению обстоятельств, чтение A 5 (=Ил. 1.5) прекрасно известно нам по редкому согласию трех трагиков», приводя цитаты из Эсхила (Прос. 800 сл.), Софокла (Антиг. 29-30) и Еврипида (Ион, 504 сл., Гек. 1078)⁷⁷. Правда, все эти цитаты неточны, и ни в одной из них не встречается слово οἰωνός, но по смыслу все они очень близки к гомеровскому стиху, в каждой из них есть словосочетание, которое переводится «в трапезу птицам», а в двух случаях упоминаются также псы.

Это предположение Р. Пфайффера убедило не всех; так, М.Л. Уэст приводит две параллели-контрпримера (впрочем, довольно далекие), одну из Софокла (Аякс 830), а другую – из Аристофана: «загаженный всеми птицами» (Птицы 1117). Уэст предполагает, что Зенодот вообще не занимался систематическим сличением манускриптов; он работал с казавшейся ему авторитетной ионийской рукописью IV в. до н.э., которая со-

⁷⁷ Pfeiffer R. History... P. 111.

держала множество явно неверных чтений. Эти варианты были впоследствии приписаны Зенодоту, так как в его комментариях не осталось указаний на их ошибочность⁷⁸. С другой стороны, рукопись Зенодота, полагает М.Л. Уэст, сохранила некоторое количество чтений, не связанных с аттической традицией, и в этом ее ценность⁷⁹.

В ответ Ф.А. Монтанари иронизирует над представлением о «парадоксальном Зенодоте, который, несмотря на свой вкус и интерес к гомеровскому тексту, старается не смотреть на другие копии, которые могли ему попадаться, не отмечать, в чем они отличаются от его копии, и не задается вопросом о причинах этих различий»⁸⁰. Действительно, судя по гомеровским реминисценциям у эллинистических поэтов, александрийцы должны были заниматься сопоставлением различных вариантов, а сверка рукописей была обычной практикой в скрипториях того времени⁸¹. «Вероятно ли, – задает риторический вопрос Ф.А. Монтанари, – если справщик скриптория сравнивал копии и исправлял их, как полагалось ремесленнику», что такой процедурой не пользовался образованный интеллеktуал Зенодот?⁸²

Итак, есть основания предполагать, что в некоторых случаях за странными вариантами Зенодота стоит надежная тра-

⁷⁸ Заметим, что в этом случае становится возможной несколько иная интерпретация атетезы: пропущенные Зенодотом строки – это те стихи, которые отсутствуют в этой рукописи, а атетированные – те, которые филолог хотел бы оттуда удалить. При такой интерпретации нет необходимости считать Зенодота осторожным.

⁷⁹ *West M.L. Praefatio // Homeri Ilias, ed. M.L. West. Vol. I. Stutt.–Lips, 1998. P. VII.*

⁸⁰ *Montanari F.A. Alexandrian Homeric Philology... P.134.*

⁸¹ *Rengakos A. Der Homertext und die hellenistischen Dichter. Hermes Einzelschriften 64. Stuttgart, 1993; West S. The Ptolemaic Papyri... P. 133, 137, 223, 263.*

⁸² *Montanari F. A. Alexandrian Homeric Philology... P. 135.*

диция (пусть даже и ошибочная с точки зрения «подлинного Гомера»), которой не стоит пренебрегать. Однако ко многим другим вариантам Зенодота сохранились лишь комментарии не знавших его резоны более поздних авторов или даже средневековых схолиастов; часто текст разночтения сокращен. В этих случаях правильнее всего с осторожностью предполагать, что или у Зенодота были какие-то серьезные причины читать именно так, или перед нами иррациональная ошибка традиции, возникшая в условиях суровой и во многом несправедливой критики первого александрийского филолога потомками.

Подытожить вышеизложенное можно было бы словами С. Уэст: «Современные ученые сильно расходятся в оценке работы Зенодота. Некоторые считают его осторожным и консервативным, другие – безответственным и эксцентричным»⁸³. Но при самом критическом отношении к чтениям Зенодота следует сравнивать его не с более удачливыми последователями, но скорее с предшественниками, и сразу станет ясно, какой огромный шаг совершила греческая мысль в сторону филологии во многом, вероятно, благодаря первому из александрийцев.

Особенно показателен пример Платона, который умер незадолго до рождения Зенодота (философ был примерно на сто лет старше). Платон, ценивший поэзию Гомера, как известно, считал невозможным допустить ее в идеальное государство⁸⁴. Казалось бы, ничто не связывает великого афинянина с филологией, но философ предлагает совершить над Гомером текстологические операции: «Вычеркнем же, начиная с первого же стиха, все в таком роде...»; «Значит, мы исключим сетования и жалобные вопли прославленных героев?»; «Следователь-

⁸³ West S. The transmission... P. 41.

⁸⁴ См. 2 и 3 книги «Государства».

но, мы не допустим и таких выражений Гомера о богах...»⁸⁵. Здесь Платон выступает как своего рода радикальный критик текста. Юлиус Моравчик сравнивает платоновскую критику с теми ошибками литераторов, которые сочтет достойными исправления и современный читатель: стилистическими или метрическими погрешностями, искаженными историческими фактами⁸⁶. Но эта критика совершенно другого рода, чем то, что делает Зенодот.

Аристотель, разумно отвечая на критику предшественников, фактически остается в русле того же подхода, что и Платон⁸⁷. Например, в сочинении «Гомеровские проблемы», от которого почти ничего не сохранилось, Аристотель «сравнивает жестокое обращение Ахилла с телом Гектора с более поздней фессалийской практикой»⁸⁸. Там же, вспомнив Эхепола, который вместо себя отправил под Троию коня (Ил. 23.295-8), Стагирит отмечает, что Агамемнон правильно предпочел хорошую лошадь никчемному человеку⁸⁹. Итак, отвечая на моральную критику, Аристотель прибегает к данным науки или здравого смысла, но не к авторитету рукописной традиции. Даже если Зенодот, как пишет Джанко, неверно понимал гомеровскую морфологию и слишком усердно удалял повторы, эти ошибки

⁸⁵ Платон. Государство (386c, 387d, 389a), пер. А.Н. Егунова,

⁸⁶ *Moravcsik J.M.* On correcting the poets // *Oxford Studies in Ancient Philosophy: Volume IV: A Festschrift for J.L. Ackrill*, 1986. P. 38-39.

⁸⁷ Ср. у Р. Пфайффера: «даже во времена Аристотеля, в конце IV в., еще не сложилось отдельное “грамматическое” направление, лингвистические вопросы, если они не были чисто логического свойства, должны были относиться к риторике или поэтике» (*Pfeiffer R. History... P. 76*).

⁸⁸ *Richardson N.J.* Aristotle's reading of Homer // *Homer's Ancient Readers: The Hermeneutics of Greek Epic's Earliest Exegetes*. Ed. R. Lamberton and J.J. Keaney. Princeton, 1992. P. 37.

⁸⁹ Там же.

лежали в методологической плоскости филологии. Сотни чтений первого александрийца, ошибочны они или нет, свидетельствуют о том, что в III в. н.э. пришло время филологической критики текста.

Можем ли мы отличить конъектуры от рукописных чтений?

Позволю себе в этом месте небольшое методологическое отступление, которое касается не только Зенодота, но и других филологов. Логическая ловушка, которая подстерегает исследователей работы александрийцев, состоит в невозможности определить, как выглядела вся совокупность текстов, доступных Зенодоту, Аристофану, Аристарху и их последователям. Есть все основания предполагать, что они (по крайней мере в некоторых случаях, а скорее всего регулярно) сравнивали различные версии текста гомеровских поэм. Раз так, некоторые варианты казались им предпочтительными именно по текстологическим причинам, хотя бы даже они не казались идеальными по другим параметрам.

Мы же имеем возможность сравнивать только сами варианты, и неминуемо параметры этого сравнения не будут текстологическими (опять-таки, кроме тех редких случаев, когда нам доступен текст ранних папирусов, но и он, нужно помнить, в некоторых отношениях случаен: едва ли хотя бы один из нескольких сохранившихся папирусов птолемеевского времени действительно был в руках у самого Аристарха). Итак, всякий раз, сравнивая достоинства чтений, влияющих на морфологию, синтаксис, лексику и т.д., нужно помнить, что в каких-то случаях выбор мог производиться по чисто текстологическим причинам, и все остальные аргументы нужно просто оставить в стороне.

Главной лазейкой, которая может позволить нам заглянуть в текстологическую кухню александрийцев, являются указания схолиев на «лучшие рукописи» и «большинство». Надо

полагать, что они обычно отражают представления Аристарха о лучших и наиболее распространенных чтениях, однако нередко эти указания возникают уже позже. Что же касается Зенодота, его текстологические резоны, видимо, вовсе не поддаются надежной реконструкции. Однако всякий раз, когда мы анализируем странное чтение этого филолога, нужно помнить, что каждое такое решение могло подсказываться ему источниками, которым он по каким-то причинам – может быть, вполне уважительным и для современного исследователя – доверял.

Методы работы Аристарха: «издание» и/или «комментарий»?

Во многих случаях схолии говорят об аристарховой традиции во множественном числе: «издания Аристарха», «в комментариях Аристарха», тогда как о других филологах – в единственном. Нередко нам известно о 2 мнениях Аристарха: «двойко (διχῶς) издания Аристарха». В некоторое противоречие с этими данными входит сообщение схолиев о сочинении Аммония, ученика Аристарха, под названием «О том, что не существовало нескольких редакций текста Аристарха». Ф.А. Вольф понимал это так: было только одно издание Аристарха, а ложное мнение об их множественности могло появиться из-за того, что уже после его смерти наследники по черновикам составили новую редакцию⁹⁰.

Иную точку зрения отстаивает К. Лерс. Существовало два издания Аристарха, иначе не имело бы смысла другое приводимое схолиями название сочинения Аммония «О доизданной редакции [Аристарха]». Тогда смысл названия первой книги Аммония в том, что изданий было не несколько, а только два⁹¹. Кроме

⁹⁰ *Wolf F.A. Prolegomena...* P. 143–4.

⁹¹ *Lehrs K. De Aristarchi studiis Homericis. Lipsiae, 1865. P. 27.*

того, доказывает Лерс, наряду с двумя изданиями были еще два комментария, один из которых относился к старому тексту Аристофана (о «комментариях Аристарха на Аристофана» упоминает схолий к Ил. 2.133), другой же – к тексту самого Аристарха.

Точка зрения К. Лерса о двух изданиях и двух комментариях Аристарха надолго стала общепринятой, пока ее не раскритиковал издатель схолиев к «Илиаде» Г. Эрбзе. Он полагает, что за множественным числом ὑπομνήματα («комментарии») скрывается всего одно сочинение Аристарха с таким названием. Более того, термин ἐκδόσεις означает не «издания» как целые сочинения, а изданные (то есть ставшие доступными для переписывания) поправки Аристарха к отдельным местам Гомера, которые содержались в тех же самых комментариях. Комментарии отсылали к стандартному тексту из александрийской библиотеки, и Аристарху не нужно было делать новое издание, когда можно было комментировать существующее. Если принять объяснение Эрбзе, формулировку схолиев «в комментариях Аристарха к Аристофану» следует понимать как «в части комментариев Аристарха, касающейся Аристофана» и т.п. Что касается двойных чтений, то для их объяснения не обязательно предполагать, что изданий было несколько и Аристарх менял со временем свою точку зрения. Так, в схолии к Ил. 9.222 Аристарх пишет, что вместо чтения вульгаты лучше бы подошел один из двух вариантов: «лучше было бы, говорит Аристарх, чтобы было написано ἄψ ἐπάσαντο или αἴψ' ἐπάσαντο». Очевидно, здесь филолог предлагает читателю на выбор две собственных конъектуры, не настаивая на каком-то одном варианте⁹².

Признавая достоинства объяснения Эрбзе, Р. Пфайффер возражает против «неосознанной контрреволюции», вернувшей «Вольфа на трон, с которого его согнал Лерс»⁹³. Действи-

⁹² Erbse H. Über Aristarchs Iliasausgaben // Hermes 87, 1959. S. 275–303.

⁹³ Pfeiffer R. History... P. 217.

тельно, формулировку схолиев, как «и [рукописи] Аристарха, и Зенодота, и Аристофана читают πορφύρεην [«пурпурную»] а не μαρμαρέην [«сияющую»]», трудно понять как указание на комментарий Аристарха. Если в ней идет речь об изданиях Зенодота и Аристофана, то в однородной связи с ними должны стоять именно издания Аристарха в том же самом смысле слова ἐκδόσεις. Ряд других мест в схолиях также трудно понять в рамках концепции Эрбзе: формулировка «в редакциях и в комментариях» обе составляющие работы филолога явно различает.

Отметим также мнение Г. ван Тиля, который подчеркивает, что «издание» в нашем смысле слова, то есть полный критически установленный текст, «не могло возникнуть до изобретения книгопечатания, когда стало возможным создавать абсолютно точные копии текстов». Исследователь считает неисторичным мнение, что аппарат античного издания мог строиться на пословном сличении различных рукописей, так как происхождение вариантов уже для первой копии становилось проблематичным⁹⁴.

Влияние Аристарха на рукописную традицию

Наряду с прямой традицией «Илиады» и «Одиссеи» (то есть средневековыми рукописями и папирусными фрагментами), существует и косвенная, представленная многочисленными цитатами у античных авторов, многие из которых не могут похвастаться точностью. Так, две строки из «Одиссеи» в «Государстве» Платона (424b-c), как отмечает Н.П. Гринцер, сознательно изменены при цитировании, и подобные случаи нередки⁹⁵.

⁹⁴ *van Thiel H.* Introduction // *Homeri Odyssea*. Ed. H. van Thiel. Hildesheim–Zürich–New York, 1991. P. XXVIII.

⁹⁵ *Гринцер Н.П., Гринцер П.А.* Становление литературной теории в Древней Греции и Индии. М., 2000. С. 241.

Какое влияние александрийцы оказали на традицию, неясно: на этот счет есть два противоположных факта. С одной стороны, в середине II века до н.э. исчезают «дикие» папирусы⁹⁶. Естественно предположить, что эта унификация как-то связана с деятельностью Аристарха, тем более что его издание по числу стихов соответствует вульгате⁹⁷. С другой стороны, чтения александрийцев сравнительно редко встречаются в позднеантичных папирусах и средневековых манускриптах. Согласно подсчетам Т. Аллена, среди 413 чтений Зенодота только 6 представлены во всех рукописях, 34 в большинстве, а 240 – только в схолиях. Из 83 вариантов Аристофана только 1 содержится во всех рукописях, 6 – в большинстве, а 42 не встречается ни в одной рукописи. Наибольшее влияние на традицию оказал Аристарх. Но и среди его 874 чтений только 80 встречается во всех рукописях, 160 – в большинстве. Остальные варианты (73%) не попали в вульгату⁹⁸.

Итак, «выбор чтений александрийцев мало влиял на античные рукописи», пишет Р. Джанко⁹⁹, однако «в отношении числа строк папирусы очень близко соответствуют тексту Аристарха». Получается парадокс: Аристарх одновременно повлиял и не повлиял на вульгату. Предлагались различные решения этого парадокса. Особенно популярно книготорговое объяснение: покупатели папирусов стремились получить лучший аристарховский вариант Гомера, освобожденный от добавочных стихов, и соответствие этому стандарту проверялось путем подсчета числа строк. Научные вопросы книготорговцев и

⁹⁶ См. *West S. The Ptolemaic Papyri...*

⁹⁷ *Apthorp M.J. The Manuscript Evidence for Interpolation in Homer. Heidelberg, 1980.*

⁹⁸ Подсчеты Аллена приведены в первом томе его трехтомного издания «Илиады» 1931 г. (Р. 199–204).

⁹⁹ *Janko R. Introduction... P. 22; West S. The transmission... P. 47.*

их клиентов не интересовали, поэтому в традицию не попало большинство горизонтальных вариантов александрийцев.

Допустим, что это так. Но отчего же переписчики, если они имели свободный доступ к эталонному варианту, не копировали его полностью? Если же они не имели к нему доступа, то как они узнавали, какие стихи лишние, а какие – нет? Книготорговое объяснение можно принять только в одном случае: если Аристарх не стремился вставить свои варианты в текст «Илиады», а писал их на полях или где-то отдельно¹⁰⁰. «Эта гипотеза, – уточняет М. Хэзлам, – подчеркивает проблему «аристархова издания». Если мы задаемся вопросом, какую форму принимало античное критическое издание, мы скорее должны думать о комментариях или маргинальных схолиях, чем о новописанном тексте с учеными чтениями»¹⁰¹.

Как было показано выше, некоторые строки (вероятнее всего те, которые были плохо засвидетельствованы) Аристарх удалял из своего издания. Другие, которые вызывали у него сомнение, он удалять не решался, вероятно потому, что они встречались во многих рукописях. Означает ли приведенная выше цитата из Хэзлама, что Аристарх, который иногда не останавливался перед такой операцией, как вычеркивание стиха (или создание новой рукописи без данного стиха), не решался исправить ударение или одну букву в своем эталонном тексте (или непосредственно в нем, или в переписанном заново), а выносил эти исправления на поля? Между тем, как будет показано ниже, подавляющее большинство чтений Аристарха затрагивают только одно слово. Мне трудно представить, как

¹⁰⁰ Это вполне разумное объяснение, но все-таки оно не годится для всех случаев. Подробно об этом будет говориться ниже.

¹⁰¹ *Haslam M. Homeric papyri and transmission of the text // A New Companion to Homer. Leiden–New York–Köln, 1997. P. 84.*

книготорговое объяснение вписывается во все те факты, которые обсуждались выше.

Какое же объяснение можно предложить? Прежде всего, необходимо убедиться, что подсчеты Т. Аллена верны. Как мы видели выше, понятие вульгаты проблематично. Может быть, с большинством рукописей М.Л. Уэста Аристарх будет совпадать чаще, чем с множеством поздних манускриптов Т. Аллена. Мои подсчеты показывают, что это действительно так, хотя таких случаев и немного. Далее, оказывается, что некоторые чтения Аристарха не учтены в статистике. Во-первых, это самоочевидные малые варианты. Приведу два примера:

Ил. 16.129

δύσσο τεύχεα θᾶσσον, ἐγὼ δέ κε λαὸν ἀγείρω

Вооружайся скорее, а я соберу наше войско

(Геродиан) Похоже на форму ἀγερῶ... Так Аристарх.

Очевидно, Аллен не стал считать этот случай полноценным вариантом, так как здесь не указано альтернативное чтение, просто говорится, с чем соглашается Аристарх. Однако в рукописях встречается и разночтение ἐγείρω «разбужу» или «построю»; видимо, именно этот второй вариант имел в виду Геродиан, когда подчеркивал, что великий александриец читал «так».

Ил. 16.185

Ἑρμείας ἀκάκητα, πόρεν δέ οἱ ἀγλαὸν υἱὸν

С нею заступник Гермес, и ему родила она сына

(Геродиан) Аристарх ставит [в ἀκάκητα] ударение на третий слог от конца.

Причины пропуска этого чтения в аппарате издания Аллена для меня еще менее очевидны, чем в предыдущем случае. Однако сходство в том, что выбор правильного варианта не вызывает сомнений, и чтения лишь незначительно отличаются

друг от друга. В большинстве подобных случаев, когда Аллен не учитывает чтение Аристарха, последний согласен с вульгатой, и это искажает статистику Аллена.

Не все детали методики подсчета вариантов Зенодота, Аристофана и Аристарха ясны, так как Аллен не пишет об этом подробно. Однако очевидно, что пропущена большая группа чтений Аристарха: двойные чтения (как те, по поводу которых схолии в явном виде пишут διχῶς, так и те, которые терминологически не оформлены). Таких случаев насчитываются десятки, и почти всегда одно из этих чтений совпадает с вульгатой. Это тоже влияет на статистику, хотя не решающим образом.

Самый метод подсчета Аллена как будто бы предназначен для того, чтобы ослабить гипотезу о влиянии Аристарха на вульгату. Дело в том, что исследователь ведет отдельный подсчет по довольно дробным группам: «все рукописи», «большинство рукописей», «половина», «меньшинство», «несколько», «ни одной». Утверждение, что менее 10% чтений Аристарха (а именно 80) присутствуют во всех рукописях, и это означает, что повлиять на традицию ему не удалось, выглядит очень наглядно и убедительно. Однако нельзя считать самоочевидным, что для установления чтения большинства нужно привлекать множество поздних рукописей. Итак, я решил перепроверить подсчеты Аллена, внося следующие изменения в методику: (1) я делил чтения только на три группы: совпадающие, не совпадающие с вульгатой и сомнительные; (2) если изменения в одной строке логически не связаны друг с другом, я считал, что это два отдельных чтения; (3) я учитывал все упоминания Аристарха в схолиях и не учитывал те варианты (какими бы они ни казались убедительными), которые не снабжены прямой ссылкой на великого александрийца.

Также я подсчитал чтения, которые считает принадлежащими Аристарху М.Л. Уэст, по аппарату его издания «Илиады». Эти две серии подсчетов предлагается сравнить со статистикой

Аллена, памятуя о том, что его группа «около половины» в основном распределяется между другими группами при несколько ином понимании вульгаты. Таким образом, спорные чтения по Аллену и по моим данным – это различные случаи, поэтому в таблице для них выделены два разных столбца IIIa и IIIb. В первом столбце указаны чтения Аристарха, совпадающие с вульгатой, во втором – не совпадающие.

Издания Аристарха и совпадение с вульгатой.

	I	II	IIIa	IIIb	Всего
Т. Аллен	240	558	76		874
М.Л. Уэст	1021	677		92	1790
Схолии	387	516		80	983
%					
Т. Аллен	27,5%	63,8%	8,7%		100,0%
М.Л. Уэст	57,0%	37,8%		5,1%	100,0%
Схолии	39,4%	52,5%		8,1%	100,0%

Повторю, что различия в моих подсчетах по схолиям со статистикой Аллена возникли не из-за чьих-либо арифметических ошибок. Хотя Аллен не формулирует принципов подсчета во всех деталях, но, насколько мне удалось установить, его данные вполне соответствуют аппарату его трехтомного издания. В чем же тогда причина отличий моих подсчетов (строка «Схолии») от данных Аллена?

1. Он учитывает несколько десятков гипотетических чтений, которые вполне могут принадлежать Аристарху, но в схолиях это явно не сказано. Большинство этих чтений не совпадает с вульгатой.

2. Он не учитывает несколько десятков небольших чтений (видимо, некоторые из них представляются ему не вариантами, а констатациями без альтернативы).

3. Его вульгата чаще отличается от Аристарха, чем вульгата Уэста, на которую я ориентировался.

4. Он, насколько я понял, не считает разночтениями случаи типа «Зенодот не читает, Аристарх атетирует», а ведь в этих случаях Аристарх всегда согласен с вульгатой.

Приведу конкретный пример. В 11 песни «Илиады» Т. Аллен учел 46 чтений Аристарха: 11 имеются во всех рукописях, 3 в большинстве, 2 в половине, 10 в меньшей части манускриптов, 12 в нескольких, 8 ни в одном¹⁰².

В аппарате Аллена я нашел 52 чтения, но 6 из них в том или другом отношении сомнительны, что дает 46 в остатке. Сомнительные варианты Аллен, очевидно, не рассматривает; в некоторых из них не до конца понятно, что именно читает Аристарх, а в других сохранилось два чтения. Не учтенных Алленом случаев в 11 песни 8 (что довольно много), причем 7 из них представляют согласие филолога с большинством рукописей. Эти неучтенные случаи затрагивают диакритические знаки, а также орфографию редкого слова, выбор местоимения. В двух случаях идет речь об атетезе строки вместо вычеркивания. Итак, Аллен учел 14 случаев, в которых Аристарх согласен с вульгатой, и опустил 7 случаев, когда происходит то же самое. В масштабах «Илиады» в целом такой подход оказывает заметное влияние на статистику¹⁰³.

При этом различие в 12 единиц между моими подсчетами и статистикой Аллена (в группе I приведенной выше таблицы) не кажется таким уж значительным по сравнению с тем, что в

¹⁰² *Homeri Ilias*. Ed. T.W. Allen. Vol. I. P. 199.

¹⁰³ Эти примеры более подробно разбираются в моей статье *Fayer V.V. Did Aristarchus of Samothrace Influence Homeric Vulgate? // Working papers HSE. Series "Humanities". 2012. No. 11.*

издании М.Л. Уэста Аристарх чаще согласен с вульгатой, чем оппонирует ей. Чем это вызвано? Множеством гипотетических чтений, которые упоминаются в аппарате Уэста. Можно ли доверять этим гипотезам? Рассмотрим еще раз схолий к Ил. 1.5, а также свидетельства Афиней и Евстафия, которые защищают чтение рукописей «всем птицам» против варианта Зенодота «в трапезу птицам». Схолии молчат о том, какую позицию здесь занимает Аристарх, но Уэст совершенно справедливо *по умолчанию* считает, что великий александриец расходится со своим предшественником. Десятки атрибутированных примеров в схолиях показывают, что Аристарх почти всегда согласен с рукописями, когда Зенодот предлагает некоторое редкое или странное чтение. Как говорилось выше, критика Зенодота в наших источниках восходит, прежде всего, именно к Аристарху. Во множестве подобных случаев великий александриец, видимо, согласен с вульгатой, и статистика по изданию Уэста показывает, какую примерно долю чтений могут охватывать эти гипотетические – но предполагаемые с большой долей уверенности – варианты.

«По-моему, никто, – пишет знаменитый исследователь героического эпоса Грегори Надь, – до сих пор не смог успешно опровергнуть наблюдение Т. Аллена, что издательские предпочтения Аристарха не оказали практически никакого эффекта на гомеровский текст в том виде, как он сохранился в средневековой рукописной традиции «вульгаты»»¹⁰⁴. Мои подсчеты, кажется, позволяют утверждать, что статистика Аллена недостаточно надежна. Ученый не опирается последовательно ни на твердо установленные факты, ни на те знания об Аристархе, которые можно назвать правдоподобными предположениями. Однако, даже если принять гипотетические указания Уэста и

¹⁰⁴ Nagy G. Homeric questions. Austin, 1996. P. 97.

считать, что 60% чтений Аристарха повлияли на рукописи, то почему 40% горизонтальных вариантов остались без внимания? Может быть, наиболее убедительной по-прежнему остается гипотеза о том, что никакого влияния не было, а просто Аристарх в некоторых случаях соглашался с традицией, которая существовала и развивалась помимо него, а в некоторых случаях нет? Эта точка зрения вполне возможна. В таком случае окажется, что стандартизация египетских рукописей или иллюзия, или результат каких-то других факторов, не связанных напрямую с деятельностью александрийских филологов. Что это могли бы быть за факторы?

Одно из возможных объяснений принадлежит М. ван дер Фальку, который полагает, что «дикие» папирусы – чисто египетский феномен, связанный с региональной изолированностью. Когда Египет становится полноправным культурным центром греческого мира, в нем получает распространение версия Гомера, стандартизованная по архаической вульгате. Таким образом, по мнению Фалька, все боллинговы аргументы: и стандартизация папирусов во II в. до н.э., и совпадение их в числе строк с нашей вульгатой – имеют иное убедительное объяснение. Однако эта гипотеза Фалька, как кажется, не находит поддержки у большинства специалистов.

Другим фактором, который привел к стандартизации папирусов, могла быть царская воля Птолемея. В статье «Региональные тексты и распространение книг: случай Гомера» другой знаменитый гомеровед Маргалит Финкельберг выдвинула следующее предположение: исчезновение «диких» папирусов связано с изгнанием Аристарха из Александрии и объясняется действиями Птолемея VIII. Она ссылается на факт, что правитель Египта был в свое время учеником Аристарха и что сохранилась его конъектура к Од. 5.72. Следовательно, он интересовался гомеровской текстологией и, изгнав ученых и поставив во главе библиотеки какого-то офицера, видимо, имел амби-

ции, которые никто не должен был заслонять. «Можно предположить, что именно из-за личной инициативы этого птоломеевского правителя произошло курьезное явление: принятие числа стихов, установленного Аристархом, и отклонение тех чтений, которые он предлагал»¹⁰⁵.

Эта гипотеза вполне может быть верной, да и в целом в судьбе гомеровского эпоса есть события, которые могли быть связаны со вмешательством властей. Так, запись каждой из поэм требовала стольких ресурсов, что вполне естественным выглядит предположение о том, что некий правитель, возможно, связывавший себя с троянцами, решил зафиксировать на письме текст устной «Илиады». О роли Писистрата в истории рецепции поэм говорилось выше. Однако правдоподобное предположение М. Финкельберг все же не кажется мне понастоящему убедительным.

«Вертикальные» и «горизонтальные» варианты:

единая методика

Варианты, которые влияют на количество строк, Г. Надь удачно назвал «вертикальными» в противоположность обычным – «горизонтальным».

Для исследования вертикальных вариантов много сделал Дж. Боллинг, доказывавший, что число стихов в издании Аристарха (как и Зенодота) основано на традиции, а не на конъектурах. Он убедительно показал, что вульгата, освобожденная от плохо засвидетельствованных строк, полностью совпадает по числу стихов с изданием Аристарха¹⁰⁶.

¹⁰⁵ *Finkelberg M. Regional Texts and the Circulation of Books: the Case of Homer // Greek, Roman, and Byzantine Studies. 46. 2006. P. 235.*

¹⁰⁶ *Bolling G.M. The External Evidence for Interpolation in Homer. Oxford, 1925.*

Аргументацию в пользу влияния Аристарха на число строк вульгаты обобщает М.Дж. Апторп, который подверг данные Боллинга взвешенной перепроверке. Его выводы таковы: (1) принимаемые Аристархом строки имеются в вульгате, даже если они были слабо засвидетельствованы ранее; (2) исключаемые Аристархом строки или вовсе отсутствуют в вульгате, или плохо в ней засвидетельствованы; (3) строки, плохо засвидетельствованные после Аристарха, не упоминаются в схолиях (кроме тех случаев, когда говорится, что у Аристарха их не было); (4) после смерти Аристарха исчезают «дикие» папирусы¹⁰⁷, которые отражают сравнительно беспорядочное состояние доалександрийской традиции.

Таким образом, объяснение Апторпа предполагает, что деятельность Аристарха заключалась преимущественно в изучении множества рукописей, в которых было немало разнообразных интерполяций; александриец выделял в них общее ядро, которое и стало основой его издания, радикально повлиявшего на число стихов во всей последующей традиции. Аналогичного мнения о строках, отсутствовавших в издании Аристарха, придерживается и Р. Джанко: «Критерии аристарховых пропусков явно документальны: если стих хорошо засвидетельствован, но вызывает сомнение по внутренним причинам, он, наоборот, атетировал этот стих»¹⁰⁸.

Как отмечалось выше, Р. Джанко разделяет наиболее влиятельную точку зрения о том, что большинство чтений александрийцев представляет собой конъектуры¹⁰⁹. Г. Надь видит в этой концепции парадокс: гомероведы различным образом объясняют происхождение «горизонтальных» и «вертикаль-

¹⁰⁷ *Apthorp M. J. The Manuscript Evidence...* P. 1.

¹⁰⁸ *Janko R. Introduction...* P. 27.

¹⁰⁹ *Janko R. Introduction...* P. 24–5.

ных» вариантов александрийских филологов. Ученый предлагает схему, снимающую этот парадокс:

«1) Вертикальные варианты

1а) Аристарх сохранял в своем издании вариант «вульгаты», который он атетировал, оставляя свое суждение о неаутентичности этих стихов для обсуждения в *hypomnēmata* <...>.

1б) Только когда рукописная поддержка данного стиха была слабой, он мог удалять («пропускать») его скорее, чем атетировать, возможно, подтверждая удаление в *hypomnēmata*.

2) Горизонтальные варианты

2а) Аристарх сохранял в своем издании слова «вульгаты», оставляя свое суждение о правильности такого варианта для обсуждения в *hypomnēmata* <...>.

2б) Только когда рукописная поддержка данного чтения была слабой, он мог удалять («пропускать») его и заменять на другой вариант, возможно, подтверждая замену в *hypomnēmata*»¹¹⁰.

Итак, подобно тому, как у нас есть две группы вертикальных чтений Аристарха, должны быть и две группы горизонтальных. К первой относятся изменения конкретного образцового текста, то есть те коррективы, которые вносятся непосредственно в рукопись, ко второй – пометы в отдельном комментарии. Если чтения первой группы филолог с уверенностью вставлял в текст, то вторые он оставлял в комментарии из осторожности или потому, что они и не были предназначены для замены.

В этом контексте интересна гипотеза, которую предлагает издатель «Илиады» и «Одиссеи» Г. ван Тиль. Он обращает внимание на то, что квалификация Зенодота должна была гаранти-

¹¹⁰ Nagy G. [Review on:] M.L. West (ed.), *Homeri Ilias. Volumen I*, 1998 // *BMCR*, 2000.09.12.

ровать его чтения от метрических неправильностей. Филолог «был учеником поэта Филита и коллегой поэта Каллимаха, которого он процитировал в своем издании Гомера (schol. П 234). От него дошли две эпиграммы безупречными дистихами»¹¹¹. Дополнительным аргументом в пользу того, что оба стихотворения (VII, 117; XVI, 14) греческой антологии принадлежат именно Зенодоту Эфесскому, служит еще одна эпиграмма (VII, 315), которая приписана «Зенодоту или Риану» – другому филологу, издававшему Гомера в то же самое время.

В таком случае требуют объяснения некоторые метрически неприемлемые чтения Зенодота. «Должно быть, – предполагает ван Тиль, – Зенодот записывал неэпические формы и глоссы не как варианты, а для сравнения». Исследователь предлагает считать многие необычные варианты не разночтениями Зенодота, которые тот хотел внести в текст, а параллельными местами. Может быть, «неуспех» александрийских филологов по внесению изменений в рукописную традицию – это не поражение, а победа: еще одно свидетельство их предельной осторожности при внесении изменений в гомеровский текст.

Эта идея ван Тили вызвала большой интерес, но многие авторитетные исследователи с гипотезой не согласились. М. Шмидт в особой статье подверг построения ван Тили подробному разбору и последовательной критике¹¹². Однако гипотеза ван Тили хороша уже тем, что ее можно принимать в различной степени. Если существовал отдельный коммен-

¹¹¹ *van Thiel H. Zenodot, Aristarch und andere // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. 90, 1992. S. 4.*

¹¹² *Schmidt M. Variiae Lectiones oder Parallelstellen: Was notierten Zenodot und Aristarch zu Homer? // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. 115, 1997. Там же обзор высказываний специалистов об идее ван Тили.*

тарий Аристарха к «Илиаде», то в нем могли указываться в основном варианты или, наоборот, преимущественно параллельные места. Думается, что хотя бы некоторые странные «разночтения» наилучшим образом объясняются именно как материал для сравнения, а уж насколько регулярной была практика такого выписывания параллелей, можно спорить. Иногда случаи, которые традиция обозначает как варианты, принадлежащие александрийским филологам, на самом деле не предлагались в качестве замены для основного текста «Илиады». Один из наиболее очевидных случаев, когда схолий подтверждает такое объяснение, находим в Ил. 9.222 (он будет обсуждаться ниже).

Очень много полемики и в XIX, и в XX веке велось вокруг вопроса о конъектуральном или рукописном происхождении чтений Аристарха. Однако в том объяснении, которое предложено здесь, вопрос стоит иначе: к этой оппозиции добавляется третья опция «параллельные места», которая заведомо стоит вне рукописной традиции и не претендует на вхождение в гомеровский текст. Итак, если мы примем такую точку зрения, вполне может оказаться, что наша вульгата (с учетом более поздних инфильтраций) представляет собой достаточно полное приближение к изданию Аристарха, просто значительную часть своих вариантов великий александриец решил оставить в аппарате, не вводя в основной текст, другие же вовсе для этого не предназначались. Мне эта схема кажется наиболее вероятной, и я в дальнейшем буду из нее исходить, однако нужно помнить, что это – всего лишь одна из возможных гипотез. Мнение, что Аристарх хотел повлиять на вульгату, но не смог этого сделать, остается возможным.

Чтобы понять, какие из «горизонтальных» чтений Аристарха предназначались (а) для основного текста, а какие (б) для аппарата, необходимо разделить их на группы и посмотреть соотношение с рукописной традицией. Если окажется,

что некоторая единообразная группа вариантов слабо поддерживается рукописями, можно предположить, что она относится к классу (б). При этом ясно, что для каких-то чтений такая классификация мало что даст, так как они связаны с данным конкретным контекстом. Конкретные примеры подобного рода будут рассмотрены ниже.

* * *

В книге А. Лорда «Сказитель»¹¹³ приводится 6 вариантов начала песни о Марко Королевиче, сделанных от одного и того же сказителя в 1933 и 1934 годах под диктовку и на фонограф, причем варианты 803а и 803б представляют собой технические пробы фонографа перед записью версии 804. Различия этих вариантов очень красноречивы; что уж говорить о сравнении текстов «одной и той же песни», сделанных от разных сказителей-импровизаторов в разное время. Мы можем только догадываться по косвенным данным о том, какими могли быть другие «Илиады» и «Одиссеи», звучавшие до или после единственного зафиксированного исполнения. На фоне огромных различий, которые, должно быть, разделяли разные версии, тонкие рассуждения александрийских филологов, нужно ли писать в таком-то слове две или только одну букву *v*, могут показаться ничтожными. Но именно благодаря такому исключительно бережному отношению к гомеровскому тексту, благодаря трудам самих этих филологов, мы можем читать очень хорошо сохранившиеся версии «Илиады» и «Одиссеи», предельно близкие к тому единственному варианту, который был некогда записан под диктовку великого автора.

¹¹³ С. 88-91 русского перевода.

β. О греческом языке и метрике гекзаметра

β.α. Греческий язык: несколько слов

Древнегреческий язык во многих отношениях похож на современный русский благодаря общему происхождению из индоевропейского праязыка и заметному консерватизму восточнославянских языков. Так, и древнегреческий, и русский относятся к языкам флективного типа¹¹⁴, тогда как родственный им обоим английский уже нельзя назвать флективным.

Древнегреческий по праву считается одним из самых сложных языков Европы. Это связано с рядом факторов:

(1) от античности нас отделяет значительная культурная дистанция; в частности, фоновые знания слушателей Гомера, Демосфена или Лукиана существенно отличаются от наших, и многое в их текстах нам непонятно, так как в принципе неизвестно;

(2) греческая литература существовала на различных диалектах, хотя и достаточно близких друг к другу; в частности, диалект «Илиады» и «Одиссеи» называют гомеровским¹¹⁵, а авторы схолиев писали или пытались писать на аттическом диалекте;

(3) разработанность литературного языка, высокий уровень античной аудитории, ее готовность (начиная со времени клас-

¹¹⁴ В таких языках часто используются морфемы, одновременно выражающие сразу несколько грамматических значений. При этом у разных слов одинаковые грамматические значения нередко выражаются различными морфемами. Упомянув о грамматических значениях, не могу не порекомендовать прекрасное современное изложение этой проблематики в книге: *Плунгян В.А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира.* М., 2011.

¹¹⁵ Часто его описывают как сочетание ионийского и эолийского диалектов в некоторой пропорции; такое описание предполагает, что гомеровский диалект существенно отличался от какого-либо разговорного языка.

сики) к восприятию на слух сложных риторических структур, – все это также усложняет наш путь к греческому подлиннику.

Этот очерк совершенно не претендует на то, чтобы хотя бы познакомить читателя с древнегреческим языком – для этого его следует изучать систематически – а только предназначен для того, чтобы были в какой-то степени понятны анализируемые примеры. Поэтому он содержит упрощения, огрубления и даже неточности, неизбежные при столь кратком изложении. За более корректной консультацией можно обратиться к книге А.Н. Попова «Краткая грамматика греческого языка» и грамматическому справочнику к учебнику Ф. Вольфа «Древнегреческий язык», составленному Ю.А. Шичалиным и А.А. Глуховым.

Фонетика и графика

В древнегреческом языке все гласные могли быть как *долгими*, так и *краткими*; на этом построена система стихосложения. Кроме простых гласных существовали двугласные (*дифтонги*), которые обычно были долгими. Иногда гласные, различавшиеся долготой/краткостью, записывались разными буквами (ε/η – краткий/долгий [э]; ο/ω – краткий/долгий [о]), иногда – одной и той же (α [а], ι [и], υ [ü]¹¹⁶). В последнем случае могла возникнуть неясность: какой перед нами гласный – долгий или краткий? Впрочем, в некоторых греческих алфавитах долгие и краткие не различались вовсе (см. выше на с. 36 пример, когда александрийцы предлагали исправления, основанные на возможных ошибках при переписывании с одного алфавита на другой).

Ударение в древнегреческом было музыкальным, то есть различалось повышением и понижением тона на ударном слоге. Обозначения ударений «´» (*острое, акút*), «`» (*тупое, гра́вис*) и «~» (*облеченное, циркумфлэкс*) оформились как раз

¹¹⁶ Как в русском слове *тюль*.

в александрийскую эпоху. В византийские времена ударение стало обязательным элементом греческой графики: над каждым словом стоял один из этих трех знаков. Впрочем, некоторые слова имели общее ударение с соседним словом (то есть являлись клитиками). Острое ударение может стоять на одном из трех последних слогов, обличенное – на одном из двух последних слогов и только на долгом гласном или дифтонге. Тупое ударение может стоять только на последнем слоге, но не в конце предложения, так как оно передает интонацию незаконченности. Если слово с грависом цитировать вне контекста, нужно заменить гравис на акут.

В греческом языке был особый звук [h] – как в английском house или немецком Haus «дом». Он называется «придыханием» и обозначается не буквой, а надстрочным знаком «(» над гласным, которому предшествует. Когда слово начиналось с гласного, над ним тоже ставили знак придыхания «)», который не читался, но помогал визуально разделить текст на слова. Например: ἄ читается [ha], а ἄ – просто [a]. Знак «(» называется «густым придыханием», а знак «)» – «тонким придыханием». Визуальное разделение на слова было особенно важно для текстов, написанных без пробелов.

Греческий алфавит		Название		Русское произношение
Буква				
А	α	ἄλφα	альфа	а
В	β	βῆτα	бета	б
Г	γ	γάμμα	гамма	г
Д	δ	δέλτα	дельта	д
Е	ε	ἔψιλόν	эпсилон	э
З	ζ	ζῆτα	дзета	дз
Н	η	ἦτα	эта	э
Θ	θ	θῆτα	т(х)ета	т (или тх)
Ι	ι	ἰῶτα	йота	и

Κ	κ	κάππα	каппа	к
Λ	λ	λάμβδα	лямбда	л
Μ	μ	μῦ	мю	м
Ν	ν	νῦ	ню	н
Ξ	ξ	ξῖ	кси	кс
Ο	ο	ὄ μικρόν	омикρόн	о
Π	π	πῖ	пи	п
Ρ	ρ	ῥῶ	ро	р
Σ	σ, ς	σίγμα	сигма	с
Τ	τ	ταῦ	тау	т
Υ	υ	ῦ ψιλόν	ÿпсилόν	ÿ
Φ	φ	φῖ	фи	ф
Χ	χ	χῖ	хи	х
Ψ	ψ	ψῖ	пси	пс
Ω	ω	ὦ μέγα	омéга	о

Примечания:

1. Названия букв достаточно поздние и, видимо, отражают уже ту эпоху, когда на слух долгие и краткие гласные перестали различаться (отсюда необходимость названий ὦ μέγα «о большое» и ὄ μικρόν «о малое»). Уточнение ψιλόν «простое, одиночное» для ε и υ помогало в более позднюю эпоху отличать их от дифтонгов αι и οι, которые стали произноситься точно так же.

2. ς используется в конце слова (сигма очень частотна в конце слова, и такое написание очень помогает читать тексты без пробелов).

3. Буквы Θ, Φ и Χ обозначают особые придыхательные звуки. Может быть, правильнее было бы произносить их [тх], [пх] и [кх], но тогда бы, например, пришлось бы читать φιλολογία как «пхилология», а это слишком непривычно.

4. Перечень основных греческих дифтонгов: αι [ай], ει [эй], οι [ой], αυ [ау], ευ [эу], ου [у].

Имена существительные и прилагательные

Существительные и прилагательные, в отличие от имен русского языка, склоняются практически одинаково. Падежей меньше, чем в русском (нет творительного и предложного, но есть звательный для обращений), а чисел больше: имеется двойственное число для обозначения двух предметов. Впрочем, вместо двойственного может стоять и множественное число.

Артикль

В гомеровском языке слово, которое позднее станет определенным артиклем, обычно употребляется как указательное местоимение. Если говорить уже не о гомеровском диалекте, а о греческом языке более позднего периода, в нем артикль становится важнейшим инструментом производства новых понятий и придания тексту более лаконичной формы.

Во-первых, с помощью артикля можно субстантивировать, превратить в существительное любой сегмент текста. В таком случае в подстрочном переводе у нас появится нечто вроде: «те, которые на Делосе и соседних островах», где «те, которые» будет передавать форму артикля. Поскольку артикль изменяется по родам и склоняется, получившийся сегмент удобно использовать в любых синтаксических позициях. Во-вторых, артикль удобен для эллипсиса, так как позволяет не повторять многократно ключевое слово. Приведу глоссированный пример из схолия к Ил. 1.169:

αἱ	Ἀριστάρχου	καὶ	ἡ	Ζηνοδότου ¹¹⁷
арт., ж.род, им.пад., мн.ч.	‘Аристарх’, род.пад.	‘и’	арт., ж.род, им.пад., ед.ч.	‘Зенодот’ род.пад.

¹¹⁷ В этом разделе будут приводиться фонетические транскрипции некоторых примеров, чтобы читатель мог проверить себя на начальном этапе знакомства с греческой графикой. Транскрипция примера: [хай Аристарху кай хэ Зенодоту]

Здесь подразумевается некое слово в женском роде, причем во множественном числе при имени «Аристарх» и в единственном при имени «Зенодот», но напрямую это слово не названо (см. выше сноску 12 на с. 55–57).

Глаголы: вид, время, залог

В древнегреческом языке наряду с настоящим и будущим есть несколько времен, которые примерно соответствуют русскому прошедшему: *имперфект*, *перфект*, *аорист* и *плюсквамперфект*. Может быть, правильнее сказать, что перфект обычно передает состояние в настоящем, которое связано с некоторым событием в прошлом (ср. рус. прост. «он выпимши»). Остальные прошедшие времена имеют особую морфему, которая ставится перед корнем и называется *аугмент*.

Обычно аугмент представляет собой слог ε [э]; если корень начинается с гласного, аугмент выражается в удлинении этого гласного (ὀτρύνει «он побуждает» – ὤτρυνε «он побуждал») ¹¹⁸.

В перфекте и плюсквамперфекте начальный согласный корня удваивается; в формах будущего и аориста у большинства глаголов имеется суффикс σ. Приведем примеры всех времен с транскрипциями и переводами:

Настоящее	Имперфект	Будущее	Аорист	Перфект	Плюсквамперфект
γράφει	ἔγραφε	γράψει	ἔγραψε	γέγραφε	ἐγγέγραφε
[графэй]	[эграфэ]	[грапсэй]	[эграпсэ]	[геграфэ]	[эгеграфэй]
он пишет	он писал	он напишет	он написал	он написал (и вот результат)	он (уже до этого) написал

Кроме действительного и страдательного залога, у греческого глагола есть средний (медиальный) залог. Он указывает, что объект и субъект действия совпадают, что кто-то совершает действие над самим собой или в собственных интересах.

¹¹⁸ [отрюнэй – отрюнэ]

У глаголов также порою встречаются формы двойственного числа.

Главный недостаток структуры, которую я представил в этом параграфе, – ее жесткость, которая к текстам Гомера применима лишь с большими оговорками. Например, аугмент в «Илиаде» и «Одиссее» часто отсутствует. Нередко глаголы встречаются лишь в небольшом числе форм, и иногда даже нет полной уверенности, в каком времени стоит такой глагол, например: ἦ «говорил/сказал» (то ли имперфект, то ли аорист от ἦμι «я говорю»), – поскольку для определения времени нужно, чтобы были противопоставления, то есть аналогичные формы других времен. Гомеровская глагольная система – довольно лабильная и пестрая, она благоприятствует вариативности и соответствует нуждам техники устной импровизации.

Частицы

Одна из примечательных особенностей древнегреческого языка – изобилие частиц, которые часто трудно перевести на русский язык. Самая распространенная из них, δέ, составляет почти 2,5% от общего числа слов в «Илиаде»; чаще всего она вводит вторую часть двухчастного высказывания. Иногда ей соответствует русское «и, а, но», а иногда ее приходится оставлять без перевода. Частицы тяготеют к началу синтагмы, но многие, в том числе и δέ, занимают в синтагме вторую позицию.

Тмесис

В гомеровском диалекте элементы, которые в классическом древнегреческом определяются как приставки, еще не стали в полной мере частями глагольных форм. Они в чем-то похожи на отделяемые элементы немецких глаголов, с той только разницей, что строгие законы их отделения для поэм Гомера сформулировать едва ли возможно. Можно даже сказать, что мы наблюдаем в «Илиаде» и «Одиссее» предпоследнюю фазу

превращения группы наречий в предлоги (при существительном) и приставки (при глаголе). Позднейшими слушателями/читателями Гомера эта особенность эпического языка воспринималась как поэтическая вольность.

Ил. 1.437

ἐκ δὲ καὶ αὐτοὶ βαῖνον ἐπὶ ῥηγμῖνι θαλάσσης¹¹⁹

Вышли на берег крутой, многошумным кипящий прибоем...
(букв. «вы- (ἐκ-) и сами –ходили (-βαῖνον) к берегу моря»)

β.β. Греческий гекзаметр¹²⁰

Преамбула

Древнегреческое стихосложение строится на чередовании *долгих* и *кратких* слогов (а не ударных и безударных, как русское). Оно называется *квантитативным* (от лат. *quantitas* «количество»): долгота или краткость слога обычно называется его *количеством*. Долгий слог на метрических схемах показывается знаком «–»; краткий – знаком «U». В некоторых позициях возможен как долгий, так и краткий слог; такая позиция

¹¹⁹ [ἐκ δε кай аутой ба́йнон э́пὶ рэгμῖνι тхалáссэс]

¹²⁰ Данный раздел основан на главе «Структура греческого гекзаметра» моей монографии «Греческий гекзаметр: метрика и фонетика», которая в настоящее время находится в печати и к которой я отсылаю за дальнейшими подробностями. Основная книга по греческой метрике на русском языке – небольшая работа выдающегося филолога Александра Иосифовича Зайцева: *Зайцев А.И.* Греческая метрика. СПб., 2010. Более специальный характер имеют краткие труды: *Снелль Б.* Греческая метрика / Пер. Д.О. Торшилова, предисл. А.И. Зайцева. М., 1999; *Зайцев А.И.* Формирование древнегреческого гексаметра. СПб, 1994.

называется *обоудной*¹²¹ и изображается на схемах знаком «×». Есть позиции, в которых возможен долгий или два кратких; такая позиция именуется *бикепс* (лат. *biceps* «двухголовый») и обозначается \curvearrowright . Единицей измерения длительности гласного является *мора* (от лат. *moa* «промедление, промежуток времени»). Долгий гласный состоит из двух мор, краткий – из одной. Ударение, которое в древнегреческом было музыкальным, никак не использовалось в системе стихосложения.

Традиционная метрика различает слоги, долгие «по природе» и «по положению». К первому типу относятся все слоги с долгим гласным (в частности, с дифтонгом¹²²), а ко второму – закрытые слоги с кратким гласным. Открытый слог с кратким гласным краток. Деление на слоги происходит в рамках одной строки, а не слова; если после гласного идет более одного согласного, значит, этот гласный принадлежит к закрытому слогу:

Пример строки	ἄνδρα μοι ἔννεπε, Μοῦσα, πολύτροπον, ὃς μάλα πολλὰ
Деление на слоги	Αν-δρα-μοι-εν-νε-πε-Μου-σα-πο-λυτ-ρο-πο-νος-μα-λα-πολ-λα
Схема	- U U - U U - U U - U U - U U - U
Перевод	Мужа воспой мне, Муза, хитроумного, который очень много... ¹²³ (Од. 1.1)

В форме *πολύτροπον* последний слог закрытый, однако в этой строке после него идет гласный. Поэтому конечный *-ν* отходит к последующему слогу, и *-πο-* оказывается открытым, а значит, кратким слогом.

¹²¹ Также используют термин *анкепс* от лат. *aneps* «двухголовый».

¹²² Впрочем, некоторые дифтонги могут быть в определенных случаях краткими.

¹²³ В этом разделе даются подстрочные переводы.

Для понимания принципа греческого стихосложения важно не только противопоставление долгих и кратких, которое существует и, например, в английском языке¹²⁴, но и членимость долгого гласного. При акуте ударной является последняя мора гласного, а при циркумфлексе – непоследняя (поэтому краткий гласный не может иметь облученное ударение). Например, в δῶρον «дар» (nom./acc. sing.) ударение падает на первую из двух мор гласного ω [ō] (циркумфлекс), а в δῶρων «даров» (gen. plur.) – на вторую из двух (акут). В слове δόρυ ‘копье’ (nom./acc. sing.) ударение падает на единственную мору гласного ο [ō] (акут). Таким образом, важнейшей особенностью долгого гласного является возможность разделить его на две моры; эта возможность и позволяет приравнять долгий гласный к двум кратким¹²⁵. На этом принципе и построена метрика гекзаметра.

В каждом из древнегреческих стихотворных размеров свое правило чередования долгих и кратких слогов, однако есть и общие особенности. Например, у всех размеров последний слог в стихе обоудный.

Общая характеристика гекзаметра

Греческое слово ἑξάμετρος (лат. hexameter) можно перевести как «шестимерник». Действительно, стихи, написанные этим размером, состоят из шести стоп. Первые пять описываются как идентичные: каждая из них заполнена последовательностью – UU (дактиль) или – – (спондей). Шестая стопа двухслож-

¹²⁴ Собственно, и в русском языке можно в каком-то смысле говорить о противопоставлении долгих и кратких гласных, так как длительность произнесения ударного гласного отличается от длительности безударного.

¹²⁵ Подробнее о морях в греческом и латинском языке см., например, работу Белов А.М. Вопрос о морях // *Discipuli magistro* (к 80-летию Н.А. Фёдорова). М., 2008. С. 52-73.

ная, и последний слог по общему правилу греческой метрики обоюдный: — X. Таким образом, схему гекзаметра можно представить так: — ∪ — ∪ — ∪ — ∪ — ∪ — X

Приведем теперь примеры:

Пример: Μῆνιν ἄειδε θεὰ Πηληϊάδεω Ἀχιλῆος

Схема примера: — ∪ — ∪ — — — ∪ — ∪ — ∪ — ∪

Перевод: Гнев воспой, богиня, Пелеева сына Ахилла (Ил. 1.1)

Пример: ἐξ οὗ δὴ τὰ πρῶτα διαστήτην ἐρίσαντε¹²⁶

Схема примера: — — — — — ∪ — — — — ∪ — ∪

Перевод: С того времени, как впервые противостояли в споре... (Ил. 1.6)

Вероятность встретить долгий слог на месте двух кратких в той или другой стопе неодинаковая, спондей в пятой стопе встречается особенно редко.

Гласные и слоги в эпическом размере подвергаются позиционным изменениям: долгий слог может стать при определенных условиях кратким и наоборот; гласный может соединиться в один слог с другим гласным или вообще исчезнуть. Поскольку в течение долгого времени еще до появления гомеровских поэм греческий гекзаметр отшлифовывался устной традицией в бесчисленных импровизациях, к моменту появления «Илиады» и «Одиссеи» он обладал значительной гибкостью, которая позволяла адаптировать слова и словосочетания к данным метрическим условиям. Позднее эта принципиальная вариативность гекзаметра стала осознаваться как совокупность «поэтических вольностей», позволенных слагателю стихов.

¹²⁶ [мэнин айде тхеа пелеиэдэо ахилеос], [экс ну дэ та прота диастэтэн эрисантэ]

Среди этих изменений – сокращение долгого гласного в конце слова перед последующим гласным, произнесение двух соседних гласных внутри слова в один слог (например, последние два гласных в Πηληϊάδεω произносятся в один слог), удлинение краткого слога в определенных позициях и др. Одно из явлений поэтической фонетики – это *элизия* (лат. *elisio*), исчезновение краткого гласного на конце слова перед начальным гласным последующего слова. Еще с античных времен она обозначается апострофом на месте исчезнувшего гласного:

Пример: λυσόμενός τε θύγατρα φέρων τ' ἀπερείσι'
ἄποινα¹²⁷

Схема примера: — ◡ — ◡ — ◡ | ◡ — ◡ — ◡ — ◡ — ◡

Перевод: И, чтобы освободить дочь, неся
несметный выкуп... (Ил. 1.13)

«Восстановленный» вид строки: λυσόμενός τε θύγατρα φέρων τε ἀπερείσια
ἄποινα

Схема «восстановленной» строки: — ◡ — ◡ — ◡ | ◡ — ◡ — ◡ — ◡ — ◡

В наиболее ранних рукописях знак элизии не использовался. Иногда элидируемый гласный просто пропускался, а иногда – записывался. В позднеантичных папирусах знак элизии встречается уже систематически; это особенно важно потому, что, в отличие от латинского гекзаметра, в греческом эпическом стихе элизия встречается не везде, где она в принципе возможна. Поэтому использование апострофа избавляет читателей гекзаметра от возможной неправильной метрической интерпретации стиха.

¹²⁷ [люсómэнός тэ тхióгатра фэрон т апэрэйси áпойна]

Словоразделы гекзаметра: частотные и редкие

Важный элемент структуры гекзаметра – *цезуры*, регулярные словоразделы, не совпадающие с границами стоп. Чаще всего у Гомера встречается цезура после пяти половин стопы (то есть в середине третьей стопы), которую так и называют *пятиполовинной*. Также выделяют *трехполовинную* и *семиполовинную* цезуры, которые обычно употребляются вместе и делят гекзаметр на три части. Еще один частотный словораздел между краткими слогами третьей стопы называется цезурой *после третьего трохея* (≈ «после хорей третьей стопы»).

Вот как цезуры, показанные знаком «:», располагаются на схеме гекзаметра: — ∪ — : ∪ — : ∪ — : ∪ — ∪ — ∪ — X

Отметим цезуры в приведенных выше примерах:

Пример:	Μῆνιν ἄειδε θεὰ Πηληϊάδεω Ἀχιλῆος
Схема примера:	— ∪ — ∪ — ∪ — — ∪ — ∪ — ∪ — ∪
Вид цезуры	Пятиполовинная цезура
Пример:	ἐξ οὗ δὴ τὰ πρῶτα διαστήτην ἐρίσαντε
Схема примера:	— — — — — ∪ ∪ — — — — ∪ — ∪
Вид цезуры	Цезура после третьего трохея
Пример:	Ἄτρεΐδης ὁ γὰρ ἦλθε θοὰς ἐπὶ νῆας Ἀχαιῶν ¹²⁸
Схема примера:	— ∪ — ∪ — ∪ — ∪ — ∪ — ∪ — ∪ — ∪ — —
Вид цезуры	Трехполовинная цезура в сочетании с семиполовинной
Перевод:	...Атрид; дело в том, что когда тот пришел к быстрым кораблям ахейцев... (Ил. 1.12)

¹²⁸ [атрэйдес но гар элтхэ тхоас эпí нэас ахайón]

Кроме цезур, одна из которых обязательно должна встретиться в гекзаметре, существуют, наоборот, и избегаемые словоразделы. Во-первых, гекзаметры очень редко оканчиваются односложными словами, что связано с особенностями греческого языка: большая часть односложных словоформ – это служебные слова, в особенности частицы, многие из которых невозможны в конце синтагмы. При этом в гекзаметре чрезвычайно часто (хотя далеко не всегда) членение на строки совпадает с синтаксическим делением текста.

Во-вторых, в эпическом стихе крайне редок словораздел между двумя краткими слогами четвертой стопы. В честь первооткрывателя этого явления Готфрида Германна запрет на использование такого словораздела получил название «мост Германна»¹²⁹. Вот пример нарушения этого правила:

Пример: Πηλεύς θήν μοι ἔπειτα γυναῖκα | γαμέσσεται αὐτός⁸
 Схема примера: — — — ∪ ∪ — ∪ ∪ — ∪ | ∪ — ∪ ∪ — ∪
 Перевод: Конечно, сам Пелей мне потом сосватает жену.
 (Ил. 9.394)

Вслед за Германном исследователи стали находить в греческом гекзаметре другие редкие словоразделы, но они уже совершенно выходят за рамки «школьного» описания эпического стиха.

¹²⁹ Orphica. Ed. G. Hermann. Lipsiae, 1805. P. 692 sqq. Можно также встретить термин «перемычка Германна».

Глава II

ГОМЕРОВСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Когда перед нами художественный текст, который служит предметом школьного изучения, материалом для обсуждения и источником информации неминуемо служат «вопросы к тексту». Это тот вид рецепции Гомера, который существовал уже в классический период и который эллинистические ученые унаследовали от предшествующей эпохи вместе с греческой системой образования. Эта система широко распространилась в негреческих государствах, возникших на руинах империи Александра Македонского.

Здесь рассматриваются некоторые из таких «гомеровских проблем» в том виде, как они отразились в схолиях с упоминанием Аристарха. Иные из этих проблем очень простые и, несомненно, были замечены гораздо ранее александрийцев: прежде всего это касается интерпретации некоторых непонятных или явно изменивших свое значение слов, а также противоречий в тексте. Другие же приведенные здесь проблемы предполагают очень глубокое проникновение в текст, интерпретацию деталей, отнюдь не лежащих на поверхности.

Выше шла речь о вариантах, подписанных именем Аристарха. В этой главе представлены упоминания Аристарха в схолиях, не связанные с разночтениями. Таких случаев насчитывается несколько десятков.

1. Кого Гомер называет эллинами?

Ил. 9.395-7 (Ахилл говорит послам ахейцев)

Много в Элладе, во Фтии ахеянок есть, у которых
Знатны отцы и свои города охраняют отважно;
Сделать любую из них я могу моей милой женою.

Ил. 9.477-9 (Рассказ Феникса)

Скрывшись легко и от стражи мужской, и от женщин-невольниц,
После того я бежал далеко через просторы Эллады.

(букв. «через широкоземную Элладу»)

И в плодородную Фтию, кормилицу стад густорунных.

(Схолии D) Аристарх говорит, что вся Фессалия у Гомера называется Элладой «широкоземной». А.

Очевидно, что в первом примере речь идет не о том, что Ахилл может взять в жены любую греческую девушку, а говорится о подвластных герою областях. Второй подтверждает, что Эллада и Фтия – топонимы одного порядка. Итак, единственно возможное в классическую и пост-классическую эпоху общее наименование греков – «эллины» – Гомер использует в ином, очень узком значении. «Эллада» у него – одна из областей мирмидонян возле Фтии, и это не могло не привлекать внимания античного читателя¹. Страбон, например, предполагает даже, что она была городом («География» 9.5.5–14).

¹ «Названия [Эллада и Фтия] относятся скорее к областям, чем к городам» (*Simpson R.H., Lazenby J.F. The Catalogue of the Ships in Homer's Iliad. Oxford, 1970. P. 128-9.*)

2. Что такое *νεμεσητός*?

Ил. 11.648-50. (Патрокл говорит Нестору)

«Не до сиденья теперь, не упросишь, питомец Зевеса!

Грозен и слишком высок (*νεμεσητός*) пославший меня поразведать,
Кто это раненый тот, кого ты везешь».

(Экзегетич.) *νεμεσητός*: Аристарх *μεμψίμοιρος* (букв. «недовольный судьбой»): и каждому уделяющий должное, откуда и воздаяние (*νέμεσις*). Итак, он [Патрокл] говорит это, чтобы они не вздумали его проигнорировать. Т

Патрокл характеризует Ахилла, пославшего его в палатку Нестора разузнать, кто еще из ахейцев был ранен. Эта характеристика необычна тем, что слово *νεμεσητός* должно бы по смыслу обозначать «мстительный, гневливый, карающий», но обычно (в том числе у Гомера) оно встречается в значении «вызывающий гнев, достойный гнева». Аристарх поясняет редкое значение слова подходящим синонимом, а также пытается объяснить, почему выбрано именно оно: трудности ахейцев связаны с «воздаянием» – Ахилл бездействием мстит им за обиду. Кроме того, александриец указывает, зачем вообще Патрокл дает Нестору эту характеристику Ахилла: чтобы собеседники не оставили без внимания вопрос, исходящий от такого «воздаятельного» человека. Итак, при решении этой «гомеровской проблемы» Аристарх не только комментирует лексику, но и обращается к коммуникативной тактике персонажа.

3. Сколько человек было на кораблях мирмидонцев?

Ил. 16.168-170. (Ахилл собирает мирмидонцев в помощь Патроклу)
Зевсом любимый Пелид пятьдесят кораблей быстролетных
Вместе с собою под Троию привел, и при веслах (букв. «уключинах»)
на каждом

По пятьдесят человек находилось бойцов превосходных.

(Экзегетич.) Почему, говорят [иные], [Гомер,] во всем прославляя Ахилла, преуменьшительно утверждает, что у него были корабли всего лишь по 50 воинов? Некоторые считают, что доблесть не во множестве, но что она возвеличивается теми, кто к ней причастен. А Аристарх говорит, что через «приключениях» [поэт] показал, что только гребцов было 50, а оставшееся множество воинов, которое несли корабли, он не упоминает. b. (Экзегетич.) И Пиндар (fr.259) говорит, что корабли ахейцев были пятидесятивесельными. T.

Во второй песни «Илиады» в Каталоге кораблей говорится, что на каждом корабле было по 120 воинов (Ил. 2.509-10). Правда, там вместимость судна указывается только для первой, беотийской дружины, а далее называется только число кораблей. Итак, перед нами нечто похожее на противоречие.

Скорее всего, это противоречие мнимое. Во-первых, если считать, что «Илиада» – устный импровизационный эпос, то можно предположить, что сказитель просто забыл эту деталь, точнее, дважды по-разному ее сочинил. Вообще, в импровизации многие детали в мире героического эпоса каждый раз возникают заново; в данном случае эпическая дистанция побуждает к гиперболе, а здравый смысл и нежелание делать повествование слишком сказочным призывают к более реалистичным описаниям. Во-вторых, жесткого несоответствия между фрагментами из 2 и 16 песней нет, потому что 50 и 120 могут быть диапазоном, в котором колеблется число воинов на каждом корабле. Именно такой точки зрения придерживаются Фукидид («История» 1.10.4) и Дионисий Фракиец (в схолии T).

Еще одно объяснение, принадлежащее неназванным «некоторым», придает этому вскользь брошенному упоминанию несвойственную значимость, предлагая считать, что поэт намеренно уменьшает размер Ахилловой дружины, чтобы показать, что доблесть мирмидонцев состоит не в числе воинов.

Аристарх не следует ни одному из этих двух объяснений, а предлагает свое. У него получается, что Гомер не только помнит первое упоминание о числе воинов, но и манипулирует им, вовлекая слушателя в своего рода игру. Достоинство версии Аристарха в том, что она в наибольшей степени основана на тексте Гомера. Ее сходство с остальными объяснениями в том, что она оправдывает Гомера, отличие в том, что она дает объяснение не на основе здравого смысла, как Фукидид, не на основе каких-то умозрительных построений, как «некоторые», а на упомянутых в тексте «уключих», которые позволяют разместить оставшихся 70 воинов на каждом корабле вне мест для гребцов.

Почему же Аристарх не удовлетворяет объяснение Фукидида, которое должно было быть ему известно? Вероятнее всего потому, что оно оказывается разрушительным для понимания Каталога. Действительно, если 120 воинов было только на беотийских кораблях, а на других могло быть чуть ли не втрое меньше, то в чем тогда вообще смысл этого перечисления? В контексте Троянской войны корабли – лишь транспортное средство, которое разумно заполнять полностью (тем более что аркадцы не имеют своих кораблей и вынуждены пользоваться чужими), поэтому настоящее значение имеют не они, а число воинов, которое удобно измерять в одинаковых кораблях. Если вслед за Фукидидом предположить, что количество воинов на корабле может различаться чуть ли не втрое, тогда возникает вопрос: зачем Гомер вообще об этом упоминает? Одна из важнейших функций Каталога в том, чтобы сравнить между собой вождей и дружины, собственно она и называется прямо в заключительной его части: «Вот у данайцев какие вожди и властители были. / Кто же особо среди них выдавался, скажи мне, о Муза» (Ил. 2.760-1). Если считать эту функцию важной, с объяснением «от здравого смысла» нельзя согласиться, и нужно искать иной выход, который Аристарх и находит в казуистическом понимании «при уключих».

Современные представления об импровизационном эпосе не позволяют придавать большое значение вопросу о числе воинов на кораблях мирмидонцев. Однако с точки зрения аудитории классического и, тем более, эллинистического периода – это противоречие представляет собой проблему. Из трех упоминаемых в схолиях решений этой проблемы подход Аристарха в наибольшей степени ориентирован на текст Гомера, в наибольшей мере филологичен. Цитирование поэта V в. до н.э. Пиндара показывает то внимание, которое уделялось вопросам реального комментария в поздней античности. Парадоксально, что цитируемое сочинение этого хорового лирика не сохранилось, а уцелела из него только эта отсылка к Гомеру.

4. Сколько было Пилеменов?

Среди противоречий и несостыковок в «Илиаде» иногда приводят в пример царя Пилемена, который трижды упоминается в поэме. Во второй песни он упоминается как глава одной из троянских дружин, в пятой песни описывается его гибель, а в тринадцатой Пилемен горюет над телом своего сына Гарпалиона:

Ил. 2.851

Рать пафлагонцев вело Пилемена суровое сердце.

Ил. 5.576-7

Был Пилемен ими наземь повергнут, подобный Аресу,
Вождь щитоносных мужей-пафлагонцев, не знающих страха.

Этого мужа Атрид Менелай, знаменитый копейщик,
Пикой, стоявшего, сбил, поразивши его под ключицу.

Ил. 13.643-5, 653-9 (О Гарпалионе, сыне «Пилемена-владыки»)

Тут же он наземь упал. И в руках у товарищей милых,
Дух испуская, лежал, как червяк дождевой, растянувшись;
Черная кровь выливалась и землю под ним увлажжала.

Захлопотали вокруг пафлагонцы, высокие духом.

На колесницу его положив, повезли к Илиону,
Грустные; шел между них и отец, обливаясь слезами.

Но искупленьем за сына убитого было б не это!

(букв. И не было никакого наказания за убитого сына)

(Аристоник к Ил. 2.851) Так как это тот Пилемен, по поводу которого многие из древних проводили исследования.

(Экзегет. к Ил. 5.576) Итак, как он следует за сыном, проливая слезы, в битве у кораблей? Очевидно, это омонимия. И один [из Пилеменов] вождь, как «Иас же был предводитель афинского войска» (Ил. 15.337), а другой – царь (...). b.

Как же Гарпалион здесь не заступился за отца, если он был сын Пилемена? Форма «Пилемена» (Πυλαίμενεα) же [имеет ударение] как «Диомеда» (Διομήδεα) T.

(Экзегет. к Ил. 13.643²) Некоторые считают, что это тот самый [Пилемен], убитый в 5 [песни]. Очевидно, существует омонимия, когда один вождь, а другой царь. Дело в том, что у поэта имеются многочисленные тезки: два Схедия, ведущие фокейцев: один [сын] Перимеда: «Схедий, сын Перимеда, начальник фокейского войска» (Ил. 15.515), другой – Ифита: «Пика попала в Схедия, Ифитова храброго сына, / Очень знатного мужа-фокейца. Он жил в Панопее, / Городе славном, и там многочисленным правил народом» (Ил. 17.306-8). Два возницы Эвримедонта: один Агамемнона (Ил. 4.228), другой – Нестора (Ил. 8.114). И два вестника Эврибата: один Одиссея (Ил. 2.184), другой – Агамемнона (Ил. 1.320). И три варвара³ Адраста: один сын «перкосийца Меропа» (Ил. 11.329), убитый Диомедом, другой – Менелаем (Ил. 6.37 слл.), третий – Патроклom (Ил. 16.694). Два Акаманта: один – [сын] Евсора (Ил. 6.8), другой – Антенора (Ил. 2.823). Два Астиноя: один – убитый Диомедом (5.144), а второму Полидамант дает коней (Ил. 15.455 слл.). И три варвара Фоона: ведь на одного нападает Диомед, так как [Гомер] говорит «с Фооном, рожденным Фенопом» (Ил. 5.152), другого убивает Одиссей (Ил.11.422), а третьего – Антилох (Ил. 13.545). Три Меланиппа: одного убивает Тевкр в 8 [песни], другому Гектор велит напасть на корабли (Ил. 15.546), третьего убил Патрокл (Ил. 16.695). Два Офелеста: [один убит Тевкром (Ил. 8.274), другой – Ахиллом (Ил. 21.210), два Аписаона:] один [убит] Еврипилom (Ил. 11.278), другой – Эне-

² В переводе этого схолия пропущены некоторые цитаты.

³ Это уточнение добавлено, потому что в «Илиаде» есть еще и грек Адраст (2.572).

ем⁴ (Ил. 17.348). Два Пиларта, из которых один повержен Аяксом вместе с Пирасом (Ил. 11.491), другой – Патроклом (16.696). Два Писандра, из которых один повержен Агамемноном (Ил. 11.143 сл.), другой – Менелаем (Ил. 13.611 слл.). бТ.

(Дидим к 13.643) В 5 [песни] Зенодот написал «Πυλαίμενεα» (Пилемена). Т.

(Евстафий к 13.658) Когда Гомер говорит, что Пилемен и сам хлопотал вокруг павшего сына Гарпалиона (...), некоторые говорят, подразумевая Пилемена, убитого в 5 песни вождя пафлагонцев, что нужно понимать, что душа отца Пилемена следует за сыном, которая еще не похоронена и из-за этого еще находится не под землей, согласно верованиям греков, описанным в «Одиссее», которые иллюстрирует и «Полидор» у Еврипида⁵. Поэтому и не было наказания от него, вставшего на защиту, что он не был жив. Зенодот же пишет не «Пилемен», а «Килемен», не удовлетворяясь предложенным решением [проблемы]. Другие же и здесь видят причину в омонимии, что был другой Пилемен наряду с тем убитым, приводя в пример и многие другие совпадения имен у поэта, например: два Схедия, два Эвримедонта, три Адраста, два Офелеста и т.д. Следует знать, что [Гомер] мог бы решить двусмысленность в словах «сын Пилемена царя Гарпалион», если бы добавил, какого царя: пафлагонцев или других. Ведь тогда было бы ясно, говорит ли он о пафлагонском Пилемене или о каком-то другом.

«Воскресение» Пилемена привлекало к себе внимание многих древних комментаторов. Судя по схолиям, обсуждались четыре варианта: ошибка Гомера («это тот самый Пилемен»), ошибка традиции, которая привела к ложной омонимии («Пилемен»-«Килемен»), существование двух тезок и предположение, что Гарпалиона оплакивал не отец, а его призрак.

⁴ В рукописи стоит «Аяксом»; ошибка, видимо, возникла из-за лакуны и/или из-за соседства с Аяксом в следующей фразе.

⁵ Имеется в виду Полидор, сын Приама, призрак которого произносит пролог трагедии Еврипида «Гекуба».

Есть еще одно решение: Пилемен мог просто оправиться от раны, но оно, кажется, нигде не обсуждается. Многочисленные смерти в бою, описанные точно так же, как низвержение вождя пафлагонцев, создают инерцию восприятия, препятствующую этой оптимистической версии. В любом случае, современному читателю не стоит присоединяться к поискам ответа на этот вопрос, потому что, согласно «устной теории», его постановка сомнительна: ни сказитель-импровизатор, ни его аудитория, очевидно, не стремились уследить за мельчайшими деталями повествования.

Позиция Зенодота в этом споре не вполне ясна. Если пытаться построить непротиворечивую версию из сообщений Дидима и Евстафия, получится, что в пятой песни первый александрийский библиотекарь писал «Пилемен», а в 13 – «Килемен». Впрочем, это один из тех случаев, когда мнение Зенодота едва ли возможно с уверенностью установить.

В приведенных схолиях не указывалось мнение Аристарха, однако оно явствует из комментария к другому месту «Илиады»:

Ил. 2.835-7

Тех же, которые в Сеете, в Перкоте и в Практии жили,
Тех, что владели Арисбой божественной и Абидосом, –
Их предводителем был Гиртакид, властительный Асий...

(Аристоник) Потому что этот Асий – тезка брату Гекубы. Аристарх объяснял омонимию в том, что касается Пилемена. И по поводу одинаковых имен, так как они изобилуют в «Илиаде». А.

Итак, Аристарх также принимал участие в дискуссии о Пилемене; он считал, что это два разных персонажа, и, похоже, именно великому александрийцу принадлежит список многочисленных гомеровских тезок, названных выше в экзегетическом схолии. Обратим внимание на отличия этой версии от остальных. Аристарх не обвиняет Гомера в невнима-

тельности и не предлагает никаких изменений в тексте; он пытается дать объяснение тому трудному чтению, которое сохранила традиция. Версия о тени отца-Пилемена не претендует на исправление «Илиады», но она апеллирует к реальности, лежащей за пределами гомеровского текста: религиозным убеждениям древних греков и трагедии Еврипида. Если оценивать эту версию с современных позиций, трудно представить себе, что Гомер описал сцену оплакивания сына отцом, не упомянув о том, что последний был так же мертв, как и первый.

Аристарх не только исходит из правильности гомеровского текста, но и ищет ответ на проблему в самой поэме. Проведя небольшое исследование, он обнаруживает, что у Гомера действительно очень часто встречаются тезки. Даже если этот ответ Аристарха на «проблему Пилемена» и неверен⁶, то, несомненно, его решение – самое филологичное.

5. Был ли Патрокл любовником Ахилла?

Предлагаемый фрагмент «Илиады» изобилует схолиями с упоминанием Зенодота и других филологов, так что ниже цитаты из схолиев будут разделены на части в соответствии с конкретным вопросом, который в них обсуждается.

⁶ Пожалуй, с устной теорией Пэрри-Лорда лучше всего согласуется мнение, что «воскресение Пилемена» – ошибка сказителя. Точнее, естественная особенность устной импровизации, где герои второго и третьего ряда часто будут иметь одинаковые имена, а внимательно следить за судьбой многочисленных статистов ни поэт, ни его слушатели просто не в состоянии.

Ил. 16.88-100. (Речь Ахилла к Патроклу)

«Если бы даже и дал тебе славу Кронид громовержец,
 Все же один, без меня, не стремися преследовать дальше
 Войнолюбивых троянцев. Меня этим чести лишишь ты.
 Гордым охваченный пылом войны и кровавого боя,
 (92) Трои сынов истребляй, но полков не веди к Илиону;
 Чтобы бессмертный какой-нибудь бог, на Олимпе живущий,
 В бой не вмешался; уж очень любимы они Аполлоном.
 Спасши суда от троянцев, ко мне возвращайся обратно,
 Тем же всем предоставь на равнине сражаться и дальше.
 (97) Если бы, Зевс, наш родитель, и вы, Аполлон и Афина, –
 Если бы, сколько ни есть их, никто из троян и ахейцев
 Смерти избегнуть не смог, и лишь мы, от гибели спасшись, –
 Мы бы одни развязали повязки священные Трои!».

А.

(Аристоник к Ил. 16.89-90) Так как Зенодот этот и следующий стих удалил, а [затем] сделал так: μή ού γ' ἀγαλλόμενος πολέμῳ καὶ δῆϊοτῆτι (≈ 91), чтобы появилась связность. Но они необходимы: дело в том, что цель Ахилла – не потерять честь, если тот (Патрокл) заслужит большую славу. А.

(Аристоник к Ил. 16.89-90) Два стиха атетирует Зенодот. Т.

Б.

(Аристоник, к Ил. 16.92 πρὸτὶ Ἴλιον ἠγεμονεύειν «вести к Илиону») [Знак дипле с точками,] так как Зенодот [читает] πρὸτὶ Ἴλιον αἰπὸν δίεσθαι [«гнать к высокому Илиону»]. А.

В.

(Аристоник к Ил. 16.97-100) [Знак дипле с точками,] так как Зенодот удаляет следующие четыре после этого [стиха], а вместо них пишет такой: «Пусть тебя, обнажив, не захватит шлемоблещущий Гектор». Этот стих негодный (букв. «дешевый») и по выражению, и по мысли. А

(Дидим? к Ил. 16.97-100) Эти четыре стиха Зенодот атетирует и вместо них пишет «Пусть тебя, оставшегося в одиночестве, не захватит шлемоблещущий Гектор». Эту строку высмеивает Дионисий Фракиец, читая вместо «не захватит» – «не покусает». Т

(Аристоник к Ил. 16.97-100) Атетируются 4 стиха (Ил. 16.97-100), потому что по внешности кажется, что они были написаны кем-то из считавших, что Ахилл был любовником (букв. «любил» ἐρᾶν) Патрокла, ведь таковы слова: «пусть все погибнут, кроме нас». И Ахилл не такой, а сочувствующий [ахейцам]. А

(Экзегетич. к Ил. 16.97-100) Нужно полностью исключить эти четыре стиха: во-первых, потому что это желание ребяческое и собственное слабым, во-вторых, потому что завистливое, в-третьих, потому что эротическое. Чем же виноваты мирмидонцы? Почему он обращается к Фебу, о котором слышал от Фетиды, что тот его убьет? А что дивного захватить пустой город? И ломать стены – дело строителей[, а не воинов]. (...) Итак, правильно говорит Аристарх, что Зенодот подозревал, что эти стихи были вставлены считавшими, что у Гомера идет речь о гомосексуальных отношениях, и предполагавшими, что Патрокл был любовником (παῖδικά) Ахилла. Т.

А. В первом приближении вопрос, которому посвящены эти схолии, можно сформулировать так: боялся ли Ахилл, что Патрокл захватит Троию и тем самым отберет у него славу? Зенодот отвечает положительно и то ли атетирует эти стихи (схолий Т), то ли удаляет их с небольшим изменением в соседней строке (схолий А). Аристоник возражает: эти стихи полностью соответствуют образу Ахилла, гнев которого, собственно, и привел к битве у ахейских кораблей. Это возражение обычно приписывают Аристарху⁷.

Отметим, во-первых, что схолии А и Т противоречат друг другу, причем, видимо, правильная формулировка содержится в А, так как если верно, что Зенодот предложил исправление к стиху 91, значит, он не атетировал, а именно удалил строки 89-90. Во-вторых, критики Зенодота не замечают еще одной сложности в тексте, с которой пытается справиться эфесец: сначала

⁷ *Bolling G.M. The External Evidence...* P. 159-160; *Janko R. Commentary...* P. 327-328.

Ахилл проявляет эгоизм по отношению к Патроклу (90), а через две строки – заботу о нем (93-5). Конечно, противоречивые чувства вполне могут уживаться в одном человеке⁸, и, значит, в исправлении этого места нет необходимости. Однако схолии (видимо, вслед за Аристархом) представляют дело в невыигрышном для Зенодота свете, и этот лежащий на поверхности аргумент в них отсутствует.

Б. Вначале необходимо дать буквальный перевод стихов 91-92: «И не, наслаждаясь войной и опасностью, / Троянцев истребляя, к Илиону полководствуй». Зенодот заменяет последнее слово ἡγεμονεύειν на αἰπὸ δίεσθαι. Словосочетание Ἴλιον αἰπὸ «высокий Илион» встречается в «Илиаде» еще один раз (Ил. 15.71). Необычно в нем то, что название города идет в среднем роде (как и согласованное с ним прилагательное), а не в привычном женском⁹. Слово δίεσθαι означает «обращать в бегство» и требует винительного падежа. Видимо, идея Зенодота заключается в замене глагола, который употреблен с необычным падежом. Действительно, ἡγεμονεύω неоднократно встречается у Гомера с родительным или дательным в значении «возглавлять кого-л.», со словом «путь» в винительном (т.е. «показывать»¹⁰), а также без дополнения в смысле «предводительствовать, начальствовать». Возможно, в глазах эллинистических филологов протὶ Ἴλιον ἡγεμονεύειν выглядело так же странно, как русский перевод «предводительствуй к Илиону».

⁸ Можно было бы также сказать, что Ахилл спохватывается и выдвигает аргумент с учетом интересов собеседника.

⁹ Однако часто определить род этого существительного невозможно.

¹⁰ К этому случаю примыкает выражение «показывать воде русло» в Ил.21.258.

Если считать, что этот вариант Зенодота – конъектура, то, как обычно бывает в таких случаях, замена получилась неидеальной: глагол $\delta\acute{\iota}\epsilon\sigma\theta\alpha\iota$ в значении «обращать в бегство» требует прямого дополнения, и на его роль может претендовать только Τρῶας «тroyнцев», которое уже заполняет аналогичную валентность у причастия $\acute{\epsilon}\nu\alpha\iota\rho\acute{o}\mu\epsilon\nu\omicron\varsigma$ «истребляя». Можно увидеть в этом примере зевгму: фигуру красноречия, когда одно слово относится одновременно к двум другим. Тогда получается, что Зенодот исправил этот стих в соответствии со своими представлениями о гомеровском словоупотреблении, причем заменил «аномалию» на «законную» поэтическую вольность. Однако все это недоказуемые предположения.

В. Здесь вновь схолии противоречат друг другу: Зенодот то ли удаляет 4 стиха, то ли атетирует их. Судя по тому, что в обоих случаях появляется замена, речь все же идет о вертикальном разночтении. В таком случае, это один из ряда примеров, когда Зенодот удаляет стих, а более осторожные филологи (Аристофан? Аристарх?) лишь отмечают сомнительное место. Чтение Зенодота также выглядит различно в схолиях А и Г: в одном случае Патрокл «обнаженный», в другом – «оставшийся в одиночестве». Критический выпад против первого александрийского филолога «дешевый» исследователи приписывают Аристарху.

Главная проблема этих схолиев: в чем же состоит шутка знаменитого грамматика Дионисия? В том ли, что Гектор уподобляется собаке? Это было бы просто остроумием, но не высмеиванием чтения Зенодота. Видимо, разгадка шутки лежит в ответе на вопрос: что и вместо чего читает эфесец.

Здесь необходимо дать буквальный перевод стихов 97-100 в чтении вульгаты: «О если бы, о отец-Зевс, и Афина, и Аполлон, / никто из тroyнцев, сколько их есть, [не] избежал бы смерти / и никто из аргиев, а мы оба уклонились бы от гибели, / чтобы смогли священные стены Трои разрушить».

По словам Аристарха, Зенодот видит в этом стихе непристойные намеки на отношения Ахилла и Патрокла и решает их удалить. Современному читателю ни в литературном, ни даже в подстрочном переводе ничего подобного не померещится. Вполне возможно, что Аристарх вольно или невольно подменил истинную причину исправления мнимой в ущерб филологической репутации¹¹ предшественника.

При этом вопрос о любовных отношениях Ахилла и Патрокла активно обсуждался в древности¹². Тот факт, что они принадлежали к различным поколениям, лишь усиливал это впечатление, поскольку в Афинах классической эпохи гомосексуальные отношения были именно связями взрослого мужчины и мальчика/юноши, который назывался παιδικά. Не случайно А. Рёмер предлагает исправление в схолии Т: вместо «Патрокл был любовником Ахилла» – «Ахилл был любовником Патрокла». Старший¹³ друг Ахилла Патрокл странно выглядел бы в

¹¹ Ущерб репутации Зенодота состоит в том, что текст Гомера редактируется по явно неосновательным причинам. Впрочем, не следует забывать, что мы не знаем, какой текст стоял в рукописях первого александрийца.

¹² См. например, свидетельство Афиней: «И до такой степени все тогда увлекались любовными предметами, что никто не считал это низменным, так что даже великий Эсхил и Софокл изображали любовников в своих трагедиях: один – Ахилла с Патроплом, другой же в «Ниобе» – мальчиков» («Пир мудрецов», XIII, 75, пер. Н.Т. Голинкевича). В «Пире» Платон вкладывает в уста одного из персонажей развернутое суждение на эту тему: «Ахилл смело предпочел прийти на помощь Патроклу и, отомстив за своего поклонника, принять смерть не только за него, но и вслед за ним» (179d–180a, пер. С.К. Апта). Далее обсуждается, что Патрокл не мог быть παιδικά Ахилла, а только наоборот. Подробнее об этой теме см. *Clarke W. Achilles and Patroclus in Love // Hermes. 106. 1978. P. 381–396.*

¹³ Менетий так напутствует Патрокла перед отплытием в Троию: «Сын мой! Родом своим тебя Ахиллес превышает, / Ты же старше го-

этой роли; с другой стороны, и Ахилл не похож на παῖδικά, так как он выше по статусу.

Кроме мнимой непристойности, в «молитве Ахилла» есть и другие странности, перечисляемые в схолиях. Предлагаемая Зенодотом замена для четырех стихов, хотя и не встречается у Гомера, не выглядит чужеродной: первая часть этой строки есть в «Одиссее» (10.301), а в конце идет формула «шлемоблещущий Гектор». Однако следующие поколения филологов исправление Зенодота не убедило, и они, предпочитая атетировать, а не уничтожать эти строки, критиковали или даже высмеивали первого александрийца. Шутка Дионисия требует разъяснений: она должна была содержаться не только в слове «покусает», которое предлагает фракиец, но и в намеке на что-то из чтения Зенодота, что должно было вызвать его иронию. Видимо, это слово ἀπογυμνωθέντα «обнаженного».

Что имел в виду Зенодот в своем чтении? Ахилл у него предостерегает Патрокла от того, что фактически и случилось: Гектор снял с последнего доспехи («обнажил») и получил его тело («захватил»), за которое пришлось сражаться ахейцам. Однако предположение Аристарха, что Зенодот предложил исправление во избежание непристойности, направила мысль комментаторов в соответствующее русло. И действительно, «невинный» вариант Зенодота располагает к сомнительным толкованиям. В словах, что Гектор разденет Патрокла и захватит его, гораздо легче усмотреть эротический смысл, чем в первоначальном гомеровском варианте. Подчеркивая тот факт, что Зенодот заменил меньшую непристойность большей, Дионисий Фракиец вместо «захватил» дает «покусал», что, види-

дами. Но он тебя много сильнее. / Руководи же им словом разумным и мудрым советом» (Ил. 11.786-8).

мо, имело явные для аудитории эротические коннотации агрессивного свойства.

Гомер не дает никаких ясных указаний на то, была ли эротическая составляющая в отношениях Ахилла и Патрокла. Аристарх также не дает никакого ответа на этот вопрос, он только стоит на страже гомеровского текста, отвергая неосновательные исправления Зенодота. Его критику подхватывает Дионисий Фракиец, высмеивающий первого руководителя александрийской библиотеки за то, что тот якобы, исправляя меньшую непристойность, допускает бóльшую.

6. Сражался ли Нестор с сямскими близнецами?

Ил. 23.638-42 (Рассказ Нестора о былых подвигах)

Акторионы одни лишь меня на конях обогнали.

Верх они взяли числом, на мои раздражившись победы

(букв. «бросаясь вперед превосходящим числом»),

Так как крупнейшие там на арене призы оставались.

Было их двое (букв. «близнецы»); один непрерывно

лишь правил конями, –

Только правил конями, другой же бичом подгонял их.

(Аристоник) Это место указывает на проблему, относящуюся к Молионидам; проблема же такова: что означает «верх они взяли числом», и каковы они были по природе, что говорится о них «они были близнецы», и каков был характер колесничного состязания, и в чем причина победы. Итак, говорит Антидор Кимский, [поэт] не пытается сообщить об их природе, какова бы она ни была, и о том, каковы [они], а [только говорит,] что они послали больше упряжек на состязание, которыми они препятствовали [движению] соперников, а это и есть «верх взяли числом». Другие же говорят, что при выпуске колесниц судьи помогали сыновьям Актора, поэтому они позволяли значительно раньше стартовать их колесницам, и это и есть «бросаясь вперед превосходящим числом». А Аристарх понимает, основываясь на свидетельстве Гесиода, что близнецы были не такими, как мы привычно понимаем, каковы были и

Диоскуры, а двойные <имеющие два тела и сросшиеся между собой>¹⁴. Таким образом и сказанное о них лучше всего проясняется: ведь действительно, когда встал Нестор на состязание, и они встали. Тогда Нестор сказал, что несправедливо состязаться имеющим другую природу, а народ подсуживал им и говорил, что они оба – один человек и поэтому они должны взойти на одну колесницу, так как они же срослись вместе, и управляют вдвоем: и это обозначает «верх они взяли числом».

Эти близнецы уже упоминались в 11 песни в развернутом рассказе Нестора о его победах над эпейцами. Тогда они избежали гибели от рук героя только потому (по его собственным словам), что им помог Посейдон. Они называются Акторионами по имени отца Актора, а Молионами – по имени Мола, деда по матери. Впрочем, их настоящий отец, по Гомеру, не Актор, а бог Посейдон, поэтому, видимо, традиция и вспоминает о деде по матери. Имена близнецов – Ктеат и Эврит – мы узнаем из Каталога кораблей, где упоминаются их сыновья Амфимах и Фальпий, «потомки Актора».

В этом схолии интересен тот факт, что возможность более свободных условий соревнования, когда на колесницу может восходить один или два человека (ведь коням тяжелее нести двоих седоков, поэтому такие колесницы получают не только преимущества) даже не рассматривается. Нарушение правил состязания со стороны судей кажется более естественным объяснением, чем вариативность числа жокеев. Видимо, этот вариант казался комментаторам Гомера фантастически несправедливым. Предлагаются следующие объяснения: (1) братья были на разных упряжках, и один только мешал соперникам, а другой стремился к финишу; (2) судьи помогали братьям; (3) это были сиамские близнецы, которые просто не могли участвовать

¹⁴ В скобки заключена предполагаемая интерполяция.

В любом случае, указание на число конечностей свидетельствует в пользу «сиамского» объяснения. Совершенно неясно, зачем говорить, что у близнецов имеется обычное количество ног и голов на двоих, если речь не идет об описании какой-то физической аномалии.

Итак, достаточно странная на первый взгляд интерпретация Аристарха основана не на фантастических домыслах, но на авторитете Гесиода, который считался современником автора «Илиады». Там, где нельзя «объяснить Гомера из Гомера», великий александриец прибегает к свидетельствам других авторов древнего эпоса.

7. Какое расстояние проходят полуослы?

Ил. 10.351-4

Но лишь прошел расстоянье, которое мулы проходят
Без передышки под плугом (они несравненно пригодней
Плуг составной волочить, чем волы, по глубокому пару), –
Бросились следом герои.

(Схолии D) Аристарх объяснял так: Если, говорил он, кто-либо вместе и одновременно выпустит и отправит упряжку полуослов и упряжку коров¹⁸, полуослы опередят и обгонят коров (так как они быстрее коров) настолько, насколько, говорил он, дав пройти расстояние, повернувшись, [Одиссей и Диомед] преследовали Долона. Т.

Проблема понимания этого фрагмента состоит в интерпретации словосочетания ἐπί οὄρα; οὄρων несколько раз встречается у Гомера, но его значение не совсем ясно. Поскольку понятно, что δίσκου οὄρα – это расстояние, которое пролетает

¹⁸ «Быки» и «коровы» по-гречески различаются только артиклем, которого у Гомера нет.

диск, то οὗρα ἡμίονων должно по идее означать максимальную длину пути мула по пашне. Однако в принципе «дальность мула» может быть бесконечной, поэтому приходится ее чем-то ограничивать. Например, в переводе Вересаева добавлено «без передышки», которое отсутствует в оригинале.

Б. Хайнсворт предлагает считать это расстояние стандартной длиной участка пахотной земли, т.е. равным примерно 20-30 метрам. В этом случае непонятно, зачем упоминать быков и противопоставлять их мулам; впрочем, можно предположить, что собственно сравнение мулов и быков – это небольшое отступление сказителя. Ученый также полагает, что приводимое Евстафием рассуждение о том, что Гомер хорошо разбирается в сельском хозяйстве, поскольку мулы действительно быстрее быков справляются со вспашкой, если только она делается не по целине, принадлежит Аристарху. Мне кажется, что для этой гипотезы нет оснований, хотя оно и представляет собой дальнейшее развитие идеи александрийца. В качестве контраргумента можно отметить, что у Евстафия для обозначения мула употребляется не ἡμίονος, как в процитированном фрагменте Аристарха, а ὄρεύς¹⁹.

Итак, Аристарх полагает, что οὗρα ἡμίονων – это расстояние преимущества мулов перед быками. То, что это преимущество существует, сказано у Гомера, а идея обгона задана самой ситуацией: ведь этот фрагмент – часть эпизода, когда Одиссей и Диомед преследуют Долона. Таким образом, интерпретация Аристарха не только объясняет неясное οὗρα, но и обосновывает появление в тексте быков: в таком случае получается, что перед нами еще одно сравнение, где троянский лазутчик упо-

¹⁹ *Hainsworth J.B. Commentary // A Commentary to a Homer's Odyssey*, edd. A. Heubeck, S. West, and J.B. Hainsworth. Vol. I. Oxford, 1988. P. 354; *Hainsworth J.B. Commentary // The Iliad: A Commentary*, General Editor G.S. Kirk. Cambridge, 1985. Vol. IV. P. 190.

доблен неповоротливому быку, а ахейские герои – проворным полуослам. Я не уверен, что мы должны согласиться с толкованием Аристарха, но его преимущество в очень тесной связи с текстом «Илиады»; оно исходит из гомеровских формулировок и стремится объяснить все тонкости данного фрагмента, тогда как альтернативное объяснение в большей степени апеллирует к внетекстовой реальности.

8. Сколько было ворот в стенах Трои и ахейского лагеря?

Аристарх был автором не только комментариев к Гомеру, но и отдельной книги «О стоянке кораблей». Вот несколько упоминаний об этом труде:

Ил. 10.54

Вот что, однако: беги поскорей к кораблям, позови-ка
Идомея с Аяксом, а сам я отправлюсь к Нелиду.

(Аристоник) Так как из этих и подобных сообщений Аристарх написал [книгу] «О стоянке кораблей», ведь [здесь] определенно говорится, что Идомея вытащил [корабли] возле Аякса.

Ил. 11.165-7

Яро Атрид наседал, за собой призывая ахейцев.
Мимо могилы потомка Дарданова, древнего Ила,
Мимо смоковницы толпы троянцев по полю бежали...

(Аристоник) [Дипле], потому что это изображение к [книге] «О стоянке кораблей», так как [Гомер] говорил, что могила Ила в середине поля.

Ил. 11.806-8

Он добежал до судов Одиссея, подобного богу,
Где для суда и народных собраний собирались люди,
Где алтари у них также бессмертным воздвигнуты были.

(Аристоник) К рисунку поля битвы, так как предполагается в середине стоянки кораблей театровидное место для собрания народа.

Ил. 12.256-8

Знаменью Зевса и силе своей доверяя, троянцы
 Стали пытаться сломать великую стену ахейцев,
 Балки башен сорвать напрягались и брустверы сбросить.

(Аристоник) Так как «зубцы» (κρόσσας) в комментариях [Аристарха] – это «главы» (κεφαλίδας), а в [книге] «О стоянке кораблей» – «лестницы» (κλίμακας). А.

Итак, по мелким деталям текста Аристарх в своей книге «О стоянке кораблей» пытается реконструировать схему местности, где происходило действие «Илиады». Оказывается, корабли Идоменея и Аякса стояли рядом, могила Ила находилась в середине поля боя, а театровидное место для собраний было в центре ахейского лагеря. Последний пример нуждается в пояснении: слово κρόσσαι могло значить «выступы» (и тогда речь идет о растаскивании укреплений), а могло указывать на «ступени» лестниц. В последнем случае буквальный перевод начала 258 строки получился бы таким: «Лестницы [для] башен тащили»; видимо, на этом варианте останавливается Аристарх. Редкие и расплывчатые упоминания стены вокруг кораблей были предметом особенно пристального внимания комментаторов, так как кое-где может возникнуть впечатление, что Гомер забывает об этом сооружении. Например, так иногда трактуются стихи Ил. 11.823-4²⁰, но все же ни одного примера, где отсутствие стены было бы очевидным, в «Илиаде» нет.

Ниже пример еще более тонкого анализа гомеровского текста, когда из характера раны персонажа делаются топографические выводы.

²⁰ Эврипил жалуется Патроклу: «Богорожденный Патрокл! Никакого спасенья ахейцам / Больше уж нет. В корабли они черные ринутся скоро!».

Ил. 15.445-52

Клит был им поражен, блистательный сын Писенора,
Пулидаманта товарищ, Панфоева славного сына,
Вожжи державший в руках; конями тогда был он занят,
Правя туда колесницу, где гуще теснились фаланги,

- * Тем угождая троянцам и Гектору; быстро, однако,
- * Гибель пришла к самому, и никто от нее не избавил.
- * Сзади Клиту вонзилась (букв. «попала») стрела многостонная в шею.
Он с колесницы упал.

(Аристоник) Атетируются три стиха [449-451] и ставятся рядом астериски, так как он подходит к воину Гиппофоою, в 17 песни [291-2] (...), а в этом случае то же самое не подходит, так как он угождает не Гектору, а себе и отцу. И анаколуф с ударом: ведь как, находясь лицом к лицу с [враждебными] возницами, он поражается в заднюю часть шеи? Позднее в [книгах] «О стоянке кораблей» [Аристарх] отвечает на возражения: он говорит, что как возница [Клит] поворачивался к полю и коням, а в качестве воина на колеснице – к кораблям, чтобы битва происходила равным образом. И можно предполагать смену падежа вместо «сзади шеи»²¹. А

(Экзег.) Атетируются три стиха (449-51), во-первых, потому, что помощники и так были обязаны помогать Гектору (...). Во-вторых, Аристарх говорит, что не подходит для согражданина [выражение] «угождая троянцам». И из-за удара следует атетировать стих, ведь как возницу ранят «сзади... в шею»? Ведь нелепо, что он отвернулся от колесниц, так как воины, стоявшие на основании колесницы, могли упасть только при движении коней. (...) Поэтому Аристарх подозревает, что эти стихи были добавлены. На это следует возразить, что он [Клит] равным образом угождает и Гектору в качестве помощника, так как он был дарданец: [поэт] говорит об Эвфорбе – брате Полидаманта «дарданский муж, Пантоид» (Ил. 16. 807-8). А у Гомера одно дело – Троя, а другое – Дардания. И разве не вероятно, что он хвалит усердие,

²¹ αὐχένος (родительный) ὄπισθεν вм. αὐχένι (дательный) ὄπισθε (в тексте).

если он один, взойдя на колесницу, без второго воина сражается, как Автомедон (Ил. 17.459-542). А «сзади» он ранен, может быть, потому что обернулся, ведь движение в бою разнообразно, как и сам [Гомер] говорит: «В спину – одни из бойцов, у которых спина открывалась» (Ил. 12.428) (...). бТ

Рассуждения о том, могли ли воина во время битвы ранить в шею сзади, могут показаться довольно наивными, но резоны Аристарха все-таки достаточно серьезны. Главная причина, почему эти стихи оказываются под вопросом – тот факт, что они встречаются в 17 песни в более подходящем контексте. Именно поэтому филолог начинает внимательно сравнивать эти случаи: какой из них мог бы быть интерполяцией? Именно так ставится вопрос, потому что в итоге Аристарх не удаляет, а лишь атетирует стих, сохраняя его в своем издании. Еще раз обратим внимание: вопрос о ране Клита рассматривается в книге «О стоянке кораблей»; отсюда следует, что даже такие третьестепенные детали, как характер ранения героя, александрийцы использовали для возможно более полного описания топографии «Илиады».

Ил. 12.175-80.

Рати других пред другими воротами билися боем.
Трудно об этом о всем рассказать мне, как бог рассказал бы.
Битва камнями повсюду вокруг стен, как огонь, разгоралась.
Хоть и скорбели ахейцы, однако суда защищали
Волей-неволей. И боги бессмертные духом скорбели, –
Все, что в сражении этом помощники были данайцам.

(Дидим) Зенодот не пишет [стих 175], а Аристофан атетирует.

(Экзегетич.) Аристарх атетирует. Во-первых, потому что там упоминаются другие ворота. Дело в том, что он полагает, что в стене были одни ворота (...). бТ

Пий, защищая атетезы Аристарха, говорит, что Асий сражался у единственных ворот, годных для проезда, а его спутники – возле

малых ворот, ведь против того, что были другие малые ворота, и сам Аристарх не возражает. А иначе как такое множество при отступлении вошло бы в одни? Он говорит, что «трудно об этом о всем» сказано очень уместно, так как, произнося перечень убитых мужей, и способы убийства, и слова победителей и павших, и повороты судьбы, и многообразную битву, [Гомер] справедливо показывает трудности такого повествования. bT

В этих схолиях идет речь о том, сколько было ворот в стене, окружавшей ахейский лагерь. Зенодот решительно против вторых ворот, и Аристарх сомневается в подлинности единственной строки, где они упоминаются. Автор экзегетического схолия предлагает компромиссный вариант: считать, что выходов из лагеря могло быть и больше, но большие проезжие ворота – только одни. По мнению схолиаста, и Аристарх согласен на такую уступку. Б. Хайнсворт считает версию о единственных воротах невероятной²².

Аналогичный вопрос о количестве и местах ворот в самой Трое также не остается без внимания александрийцев. В «Илиаде» чаще всего упоминаются Скейские (букв. «Левые»?) ворота (Σκαίαι πύλαι), но были ли еще и правые? Аристарх отвечает на этот вопрос отрицательно.

Ил. 2.807-810

Вмиг он собранье закрыл. За оружие схватились троянцы.

Настежь (букв. все) раскрылись ворота. Из них выходили отряды

Пешие, конные.

(Аристоник) Так как есть видимость, что ворот много, а они одни, и сказано «все» вместо «полностью». а

²² *Hainsworth B. Commentary... P. 337.*

Ил. 5.789-91

Нет, никогда из Дарданских ворот не дерзали троянцы

Выступить: все трепетали его сокрушительной пики.

Нынче ж далеко от стен пред судами троянцы воюют!

(Аристоник) «Скейских ворот», потому что [в 10.354] он говорит «[Гектор от стен вдалеке не решался завязывать битву,/] Только до Скейских ворот доходил и до дуба». бТ

Исходные данные таковы: греческое πύλαι обычно употребляется во множественном числе; в тексте Гомера 12 раз упоминаются Скейские и 3 раза Дарданские ворота (πυλάων Δαρδανιάων – всегда в родительном падеже). Может показаться, что это и есть ответ на поставленный в данном разделе вопрос, но «дарданские» можно понимать как просто «троянские». Важнее, что в цитате из 5 песни Дарданские ворота упоминаются как место выхода троянцев на поле боя, хотя именно Скейские ворота, как справедливо указывается в схолии, были ближайшими к ахейской стоянке. Другие два упоминания Дарданских ворот не дают возможности их локализовать, и получается, что у Гомера говорится только об одном выходе из Трои. «Мнение Аристарха вполне может быть верным», – заключает Дж. Кёрк²³.

Действительно, гипотеза Аристарха выглядит вполне правдоподобно. С точки зрения устной теории, сказитель-импровизатор систематически прибегает к метрически различным наименованиям одних и тех же объектов, а перед нами как раз такой случай. Микенские крепости были, несомненно, известны Гомеру; наличие только одних больших ворот в подобном городе кажется вполне естественным, а представление о нескольких воротах Трои, видимо, имеет более позднее происхождение и может восходить к «семивратным Фивам».

²³ *Kirk G.S. Commentary... Vol. I. P. 283.*

* * *

Александрийские филологи были не чужды той практике обсуждения гомеровских поэм, которая существовала в предшествующие века. Прояснением непонятных мест «Илиады» и «Одиссеи», поиском и решением действительных и мнимых противоречий – всем этим может заниматься любой внимательный читатель, и эта деятельность еще не свидетельствует о появлении собственно филологической методики.

Однако, как я попытался показать в этой главе, александрийские филологи решали и более специальные задачи. В этом разделе прежде всего представлен метод реального комментария (то есть объяснения реалий) на основе тонкого филологического анализа, комментариев, который может разрастаться до специальной работы о гомеровской топографии. Эта последняя задача, которая может решаться историко-археологическими методами, здесь решается сугубо филологически. Можно ли на основе упоминания ранений гомеровских героев определить расположение поля боя относительно города и ахейского лагеря? Можно ли, пользуясь только упоминаниями троянских ворот в тексте «Илиады», уточнить количество и местоположение этих ворот? Таковы вопросы, задаваемые александрийскими филологами, и ответы на них иногда выглядят вполне современно.

Другие задачи оказываются на стыке реального комментария и литературоведческого анализа. Чтобы разъяснить странное выражение «дальность полуосла», нужно, с одной стороны, обратиться к сельскохозяйственной тематике, а с другой – понять, зачем вообще Гомеру понадобилось упоминать быков и полуослов в сцене поимки греческими лазутчиками троянского шпиона. При этом «гомеровские проблемы» явно не были основным занятием александрийцев; удельный вес примеров, подобных тем, что разобраны в этой главе, невелик: около трех

десятков на фоне почти тысячи вариантов Аристарха, упоминаемых в схолиях.

Тонкий и изощренный анализ как средство решения «гомеровских проблем» типичен для александрийской учености как метода мышления. Такую же интеллектуальную изощренность мы находим и в других направлениях эллинистической науки, и в александрийской поэзии. Некоторые вещи мы понимаем сейчас лучше, чем Зенодот, Аристофан и Аристарх: связь гомеровского эпоса с устной импровизационной традицией дает совершенно иную перспективу. Однако, с другой стороны, принятие «устной теории» не должно привести к легкомысленному отношению к мельчайшим деталям фонетики гомеровского диалекта или орфографическим особенностям птолемеевских папирусных фрагментов. Можно сказать, что современное гомероведение, пусть и на совершенно ином уровне, обращается к методикам александрийцев.

Глава III

ВЕРТИКАЛЬНЫЕ И БОЛЬШИЕ ЧТЕНИЯ

В этой главе обсуждаются чтения Аристарха, которые затрагивают более чем одно слово. Они подразделяются на вертикальные, то есть влияющие на число стихов, и те из горизонтальных, которые я обозначаю как «большие».

Удельный вес вертикальных вариантов в деятельности великого александрийца ничтожен: из почти тысячи чтений к этой группе относятся всего 14, из которых некоторые случаи демонстрируют обращение Аристарха к рукописной традиции через отказ от чтения предшественника. Однако я решил, что, так как содержательно такие чтения бывают достаточно интересными, я рассмотрю все эти случаи.

Что касается больших чтений, то их выделение более спорно, потому что нужно вначале определить, что считать одним словом, а что несколькими. Во-первых, я считал словом последовательность знаков от пробела до пробела в современной графике; при таком подходе средняя длина слова получается минимальной, так что даже замена одной пары фонетически несамостоятельных частиц на другую пару должна считаться большим разночтением. Во-вторых, если в одном из вариантов заменяется только одно слово, хотя бы в другом на этом месте стояло несколько, это чтение я не отношу к числу больших. В-третьих, я не причислял к большим чтениям те, которые, влияя на одно слово, лишь незначительно затрагивают соседнее (например, подвергают его минимальным фонетическим изменениям вроде элизии).

α. Вертикальные чтения

1.

Ил. 5.806-8 (Афина обращается к Диомеду)
 αὐτὰρ ὃ θυμὸν ἔχων ὄν καρτερὸν ὡς τὸ πάρος περ
 κούρους Καδμείων προκαλίζετο, πάντα δ' ἐνίκα
 ῥηϊδίως τοίη οἱ ἐγὼν ἐπιτάρροθος ἦα.

Но и тогда, как и раньше, был духом могуч он безмерно.
 Юношей вызвав кадмейских, во всяких он их состязаньях
 Очень легко победил. Сама я ему помогала.

(Аристонику к 807) [Дипле с точками,] так как Зенодот прибавляет к этому стиху «Очень легко победил. Сама я ему помогала». Но есть возражение: ведь Афина не подстрекает, а удерживает. И [этот стих] неправильно выведен из речи Агамемнона [: «Очень легко победил. Помогала герою Афина» Ил. 4.390].

(Экзегетич. и Дидим к 808) Этот стих полностью отсутствует в [рукописях] Аристарха (808), так как он противоположен предыдущим. бТ.

(Дидим? к 808) Говорят, что этот стих полностью отсутствует в [рукописях] Аристарха, так как он и противоречит «Я пировать ему с ними велела спокойно в чертогах», и не мог продолжить «Также и возле тебя я стою и тебя охраняю» (809). А.

Нужно отметить, что «победил» в русском переводе стоит в 808 стихе, а в оригинале – в 807, так что с точки зрения синтаксиса последняя строка этого отрывка может быть незаметно удалена. Аристарх действительно исключает ее на основаниях, которые можно считать чисто содержательными. Дж. Боллинг, который отстаивал мысль о сугубо текстологических причинах подобных исключений александрийца, считал, что здесь налично искажение. Он полагал, что на самом деле предыдущий вариант этого схолия должен был гласить, что Аристарх якобы не принял этот стих в свое издание, на самом же деле все обстоя-

ло наоборот¹. Он находит некоторые косвенные свидетельства этому в схолиях к другим местам.

Однако новые папирусные находки хотя и выявили неправоту Боллинга в частности, но подтвердили общую правильность его концепции. Из трех папирусов, в которых представлено это место, в двух отсутствует стих 808; эти источники датируются II и III/IV вв. н.э. Папирус II/III в. содержит этот стих². Кроме того, указания на этот стих отсутствуют в схолиях D и в одной из наиболее древних средневековых рукописей XII в.³ М. Апторп резюмирует: «Если мы все еще хотим принять соблазнительное предположение Боллинга 1916 г. о различии между двумя изданиями Аристарха в этом месте, нужно уточнить его предположением, что этот стих был в *первом* издании и отсутствовал во *втором*, так как мы видели, что именно на последнем основан наш *numerus versuum*» (то есть количество стихов в наших рукописях).

Если мы согласны с Апторпом, окажется, что бывают случаи, когда чтение Аристарха принимается рукописями, но иной вариант не исчезает полностью, а постепенно распространяется, так что лишь немногие средневековые рукописи остаются верными Аристарху. Итак, если мы заявляем: «Текст вульгаты восходит к изданию Аристарха» или, наоборот, «Аристарху не удалось повлиять на рукописную традицию», мы должны помнить об этом прецеденте, то есть о том, что чтение большинства папирусов после Аристарха не всегда тождественно средневековым манускриптам.

¹ *Bolling G.M. External Evidence...* P. 89-90.

² Pак 765, 736 и 755; у Уэста указано, что все три папируса (183, 400, 408) не содержат этот стих, но, очевидно, это ошибка выдающегося английского филолога. См. *Apthorp M.J. Manuscript Evidence...* P. 4-6.

³ W Vat.gr. 1319.

2.

Ил. 10.349-50 (Одиссей договаривается с Диомедом, как поймать Долона)

ᾠς ἄρα φωνήσαντε παρέξ ὁδοῦ ἐν νεκύεσσι
κλινθήτην· ὃ δ' ἄρ' ὤκα παρέδραμεν ἀφραδίησιν.

Так сговорившись, они близ дороги меж грудями трупов
Оба приникли. В своем безрассудстве он мимо пронесся.

(Дидим) Так Аристарх. И нет ничего удивительного, если, хотя Одиссей говорил один, Гомер сказал для краткости «так сговорившись», так как у него это обычное дело. По крайней мере, в битве у реки Посейдон один говорит: «Ибо такие тебе мы защитники между бессмертных, / Я и Паллада-Афина, с согласия полного Зевса» (Ил. 21.289-90), а Гомер прибавляет: «Так они оба сказали и вместе вернулись к бессмертным». Однако в [издании] Аристофана и других читается иначе: «Так он сказал, и повиновался могучеголосый Диомед. / А идя с обеих сторон близ дороги меж грудями трупов, / Оба приникли». Т

Итак, Аристофан Византийский предлагает сделать из 349 стиха две строки; судя по сообщению схолиев, этот вариант должен был снять проблему, что Одиссей говорит один, а затем сказано так, как будто они беседовали (в оригинале использовано причастие в двойственном числе). Нигде, кроме этого схолия, вариант Аристофана не встречается; очевидно, это была конъектура, не принятая ни Аристархом, ни рукописями.

3.

Ил.13.807-8 (Гектор атакует ахейцев)

εἶ πῶς οἱ εἴξειαν ὑπασπίδια προβιβῶντι·
ἀλλ' οὐ σύγχει θυμὸν ἐνὶ στήθεσσιν Ἀχαιῶν.

Всюду испытывал их, не расстроит ли натиском смелым.
Духа, однако, в груди не смутил у ахейцев отважных.

(Аристоник, Дидим) Так как Зенодот добавляет: «Ведь он сильно состязался с ними в большой смелости» (λίην γάρ σφι<v> πᾶσιν ἐκέκрито θάρσει πολλῶ). Но это разъясняется в последующем. И Аристарх об этом стихе говорит так, что он сохраняется в зенодотовых [стихах?]. А.

Это один из примеров иррациональной правки Зенодота, которая ставит в тупик современных интерпретаторов. Дж. Боллинг недоумевает, Г. Дюнтцер отмечает, что «в большой смелости» (θάρσεϊ πολλῶ) у Гомера не встречается, Н. Веклейн подозревает, что цитата из Зенодота оборвана, и предлагаемый им фрагмент был на самом деле длиннее⁴.

Пожалуй, этот фрагмент может служить примером того, что мы плохо понимаем источники и резоны Зенодота. Аристарх здесь согласен с традицией, и трудно сказать, повлияла ли его позиция на полное исчезновение этого варианта из рукописей.

4.

Ил. 8.492-7 (Гектор выступает на совете троянцев)

ἔξ ἵππων δ' ἀποβάντες ἐπὶ χθόνα μῦθον ἄκουον
τόν ῥ' Ἔκτωρ ἀγόρευε Διὶ φίλος· ἐν δ' ἄρα χειρὶ
ἔγχος ἔχ' ἐνδεκάπηχυν· πάροιθε δὲ λάμπετο δουρὸς
αἰχμὴ χαλκείη, περὶ δὲ χρύσεος θέε πόρκης,
τῶ ὃ γ' ἐρειαμένοσ ἔπεα Τρώεσσι μετήύδα·
«κέκλυτέ μευ Τρῶες καὶ Δάρδανοι ἠδ' ἐπίκουροι»

С коней сошли они наземь и слушали, что говорил им
Гектор, любимый Зевесом. В руке он держал, многомощный,
Пику в одиннадцать целых локтей, и сияло над нею
Медное жало ее и кольцо вокруг него золотое.
Он, опираясь на пику, с такой обратился к ним речью:
«Слух преклоните, троянцы, дарданцы и рати союзных!»

(Аристоник) [Дипле с точками,] так как Зенодот удаляет отсюда
четыре стиха (493-6) для того, чтобы записать в другое место
(Ил. 6.318-20). А Аристарх говорит, что это более уместно здесь в
разговоре с войском. А.

⁴ *Bolling G.M. External Evidence...* P. 141-2; *Duentzer G. De Zenodoti...* P. 158; *Weklein N. Zusatzung und Auslassung von Versen in Homerischen Texte. Sitzungsberichte Der Bayerischen Akademie Der Wissenschaften. Philosophisch-Historische Klasse. Munchen, 1918. S. 73.*

Зенодот удаляет эти строки, так как они, по его мнению, более удачно появляются ранее в другом контексте (в частности, может казаться неуместным описание огромной пики, которая не нужна на собрании), а Аристарх защищает их. Это не значит, что последний предлагает уничтожить четыре стиха в шестой песни (вероятно, там он их атетирует⁵), но про текстологические предложения первого сказано вполне ясно.

Этот пример иллюстрирует очень важную составляющую работы Зенодота: удаление из традиции многочисленных вставных стихов, которые, судя по папирусным свидетельствам, изобиловали в источниках, доступных первому александрийскому филологу. Пожалуй, этот случай – пример неудачи, исправленной последователями, но сама эта работа, видимо, была совершенно необходима и предшествовала деятельности Аристофана и Аристарха как неперенный подготовительный этап.

5.

Ил. 16.466-8

Σαρπηδῶν δ' αὐτοῦ μὲν ἀπήμβροτε δουρὶ φαεινῷ
 δεύτερον ὀρμηθεὶς, ὃ δὲ Πήδασον οὐτάσεν ἵππον
 ἔγχεϊ δεξιὸν ὦμον· ὃ δ' ἔβραχε θυμὸν αἴσθων,

Но Сарпедон, вторым на Патрокла напав, промахнулся
 Пикой блестящей. Коню Ахиллеса Педасу попала
 Пика в плечо; закричал он пронзительно, дух испуская.
 (букв. он же ~ранил коня Педаса копьем в правое плечо)

(Аристоник) Так как из-за повторения он взял артикль о том же самом лице и не говорит о другом вместо «Педаса он ранил». И так как кажется, что [Гомер] ошибся в οὐτάσε, так как [Сарпедон] бросил копье. А

⁵ Homeri Ilias. Ed. M.L. West. Vol. 1. P. 194.

(Дидим) Кажется, что из-за этих вещей смешалось различие [глаголов] «бросать» [βαλεῖν] и «ранить» (οὐτάσαι), так как Педас был ранен путем бросания. И нигде не передавался вариант, в котором Гомер сохранил обычное значение слова, так как Аристарх не оставил бы это безнадежным. А в [рукописи] Филемона текст такой: «А он вонзил (ἤλασεν) в коня Педаса». [...]. А (Экзегетич.) οὐτάσαι означает «ранить из руки». Здесь же [Гомер] воспользовался глаголом «бросать» (βαλεῖν). (...) И поэтому пишет Аристарх: «А Педасу, блестящему коню (Им завладел Ахиллес, гетионов разрушивши город: / Смертный, вполне за конями бессмертными мог поспевать он (Ил. 16.153-4)) Его же он ранил в правое плечо». Т

Глагол οὐτάζω/οὐτάω «ранить» в греческой литературе редок. Он неоднократно встречается у Гомера, иногда – у поздних эпических поэтов и у грамматиков, почти никогда в других текстах. Поэтому схолиасты обсуждают вопрос, может ли это слово указывать на ранение, полученное в результате метания копья.

Кроме того, Аристоник обращает внимание, что в стихах 467 и 468 дважды употреблено местоимение ὁ «этот, он»: сначала применительно к человеку, а затем к коню. Дидим выражает уверенность, что если бы где-то (в каких-либо источниках) сохранилось правильное значение слова, Аристарх исправил бы обсуждаемое чтение. Затем он добавляет, что в варианте Филемона встречается более нейтральный глагол.

Схолий Т сообщает об интерполяции Аристарха, что входит в решительное противоречие и с предыдущим комментарием, и с его обычной текстологической практикой. Если, по Дидиму, Аристарх не принимает даже осторожное исправление Филемона, которое отсутствует в рукописях, то здесь ему приписывается решительная правка гомеровского текста даже с изменением количества стихов. Кому же принадлежит это необычное чтение? Г. Дюнтцер полагает, что Зенодоту, но более

вероятна гипотеза, что перед нами вариант Аристофана⁶. Действительно, имена учителя и ученика похожи, а ошибки такого рода в схолиях встречаются неоднократно.

Дж. Боллинг выдвигает иное предположение: схолии Т иногда доносят до нас сведения о конкурировавшей с александрийцами пергамской школе, и нельзя исключать, что перед нами правка, принадлежащая кому-то из пергамцев.

6.

Ил. 9.456-7 и 462-3 (Феникс рассказывает об отцовском проклятии)
 ἔξ ἐμέθεν γεγαῶτα θεοὶ δ' ἐτέλειον ἐπαράς
 Ζεὺς τε καταχθόνιος καὶ ἐπαινὴ Περσεφόνηα.
 ἔνθ' ἐμοὶ οὐκέτι πάμπαν ἐρητύετ' ἐν φρεσὶ θυμὸς
 πατρὸς χωόμενοιο κατὰ μέγαρα στρωφᾶσθαι.

«...Мною рожденного на свет». Проклятье исполнили боги:
 Зевс, что царит под землей, и ужасная Персефонея.
 С этого времени духу в груди моему не под силу
 По дому стало бродить, встречаясь с отцом раздраженным.

(Плутарх 26f-27a) И Феникс, проклятый отцом из-за наложницы, говорит: «Острою медью отца моего умертвить я решился. / Бог какой-то, однако, мой гнев успокоил, внушивши, / Сколько рассказов и сколько упреков мне будет в народе, / Если отцеубийцей начнут меня звать аргивяне». Итак, Аристарх исключил эти слова из страха, а они в данном случае уместны, так как Феникс обучает Ахилла, как силен гнев и на что из злобы осмеливаются люди, которые не прибегают к рассуждению и не слушают советчиков.

Эти четыре стиха Плутарх приводит в трактате «Как юноше следует слушать поэзию»; кроме процитированного места, он более кратко ссылается на этот фрагмент еще в двух своих сочинениях (биография Кориолана и «Как отличить льстеца от друга»). Ни в папирусах, ни в рукописях, ни в цитатах других

⁶ *Duentzer H. De Zenodoti... P. 160 f.; Janko R. Commentary... Vol. IV. P. 378.*

античных авторов нет никаких следов этих четырех стихов, которые даны здесь в переводе Вересаева. В 1707 году они появились в издании «Илиады» И.Г. Ледерлина, а Ф.А. Вольф, поместив их в свой текст поэмы, придал им канонический статус и снабдил номерами, которыми мы и теперь пользуемся. Так как эти строки публикуются в русской «Илиаде» и в варианте Н.И. Гнедича, и в переводе В.В. Вересаева, то для русского читателя они стали органичной частью поэмы.

Стихи представляют собой неразрешимую загадку. Если бы они были в рукописях, доступных Аристарху, то он, скорее всего, атетировал бы их, и они бы великолепно сохранились до нашего времени. У Гомера можно найти не менее «шокирующие» по содержанию фрагменты, чем этот, но александрийские филологи, даже сомневаясь в их подлинности, обычно не прибегают к неосторожным удалениям. Кроме того, вопрос, были ли Аристарх способен изъять какие-то фрагменты «Илиады» из традиции, относится к числу спорных. Если бы ему это удалось, то скандальная история цензурирования Гомера приобрела бы достаточно широкую известность, и мы бы знали о ней не только из Плутарха. Откуда же и когда появились эти стихи? То, что это мог быть какой-то источник, заслуживающий доверия, подтверждает стих, который известен только из Плутарха и Аристотеля (выделен курсивом): [Гектор] «Боя с одним избегал Теламоновым сыном Аяком: / *Зевс раздражился бы, если бы он с мужем сильнейшим сразился.* / Зевс же, высоко царящий, испуг ниспослал на Аякса»⁷. Тем не менее, никаких прямых данных об источнике Плутарха у нас нет, что, впрочем, не отменяет возможности того, что эти четыре стиха все-таки принадлежат Гомеру⁸.

⁷ Ил. 11.542-4; *Аристотель*, «Риторика» (1387a); *Плутарх*, «Как юноше следует слушать поэзию» (36a).

⁸ «Они достаточно хороши, чтобы быть подлинными» (*Janko R. Commentary...* P. 28).

Так, М. ван дер Фальк, рассматривая этот фрагмент с точки зрения устного сказителя, пишет: «Гомер должен представить дело так, что Феникс вынужден покинуть родину и скрываться у Пелея. Для этого он изобретает ссору между Фениксом и его отцом. В обычных обстоятельствах мы могли бы ожидать, что Феникс убьет отца и убежит из дому. Однако Гомер не склонен рассказывать оскорбительную для слуха историю. На этот раз ему приходится быть особенно осторожным, так как Феникс — наставник Ахилла»⁹.

Есть еще один случай, когда стих отсутствует во всех папирусах, рукописях «Илиады» и прочих источниках, кроме одного сообщения одного автора. Афиней сообщает, что Аристарх удалил один стих (18.604/5), сделав это место «неизлечимым»¹⁰. Вопрос о том, как понимать свидетельство Афинейя, широко обсуждался¹¹, но нам здесь важнее тот факт, что эта строка встречается в «Одиссее»: «Так пировали они под высокою кровлею дома, / Сродники все и соседи покрытого славой Атрида, / И наслаждались. Певец же божественный пел под формингу, / Сидя меж ними. И только лишь песню он петь принимался, (букв. когда песнь начиналась), / Два скомороха тотчас начинали вертеться по кругу» (4.15-19). Видно, что этот случай уступает предыдущему и в объеме, и в содержательной уни-

⁹ *Valk M. van der. Researches on the Text and Scholia of the Iliad. Vol. I-II. Leiden, 1963-4. Vol. II. P. 483.*

¹⁰ «Пирующие софисты», V. 9–10.

¹¹ См. например: *Valk M. van der. Researches... Vol. II. P. 527–530.* Все «нападки» на Аристарха довольно убедительно опровергает М. Апторп (*Apthorp M.J. Manuscript Evidence... P. 160–165*). Примирительная точка зрения с уклоном в оправдание Аристарха и сомнение в подлинности стиха высказывается в книге *Edwards M.W. Commentary // The Iliad: A Commentary, General Editor G.S. Kirk. Cambridge, 1985. Vol. V. P. 230–231.*

кальности, поэтому вертикальное чтение Плутарха остается единственным случаем в своем роде.

7.

Ил. 11.179-80

πολλοὶ δὲ πρηνεῖς τε καὶ ὑπτιοὶ ἔκπεσον ἵππων
'Ατρεΐδεω ὑπὸ χερσὶ· περὶ πρὸ γὰρ ἔγχεϊ θῦεν.

Многие навзничь и ниц с колесниц под руками Атрида
Падали на землю¹², – так пред собой он свирепствовал пикой.

(Аристоник) Атетируются два [стиха] и снабжаются астерисками, так как они устроены так же, как в «Аристии Патрокла», а здесь их нет, так как выше сказано: «И много коней крутошеих / С грохотом мчало в прорывы меж войск колесницы пустые [./ Жадно томясь по возницам. А те по равнине лежали... (159-161)]». Зенодот не пишет, а Аристофан атетирует 'Ατρεΐδεω ὑπὸ χερσὶ (180). А (Дидим) Аристарх атетирует два этих стиха, а Зенодот не [пишет]. Т

Схолий сохранился лишь частично, но ясно, что перед нами вертикальное разночтение. Зенодот исключает эти два стиха, а вот позиция Аристофана и Аристарха вызывает разногласия среди издателей и исследователей схолиев. Дж. Боллинг предполагает, что правильный вариант схолия таков: «... Аристофан атетирует оба стиха, а Аристарх только один»¹³.

В таком случае история этого места будет такова: Зенодот замечает, что эти стихи противоречат предыдущим (151–160), в которых колесницы уже лишились своих пассажиров, и ис-

¹² «Под руками Атрида» и «падали на землю» для более точного соответствия буквальному переводу следует поменять местами. Это дает возможность понять, почему Б. Хайнсворт полагает, что Аристарх атетирует всего одну строку (180), хотя это предположение противоречит схолию.

¹³ *Bolling G.M. External Evidence...* P. 130-1; *Hainsworth B. Commentary...* Vol. III. P. 244-5.

ключает их. Аристофан, обратив внимание на то, что эти стихи хорошо засвидетельствованы, переводит их в разряд сомнительных и сохраняет в тексте. Аристарх замечает, что нет никакой необходимости атетировать первый из этих двух стихов, а второй сомнителен потому, что почти буквально повторяется потом применительно к Гектору (Ил. 16.379). Таким образом, мы имеем дело с эволюцией от критики текста по смыслу, через учет рукописного предания к исследованию интратекстуальных параллелей.

Но, может быть, в исправлениях Боллинга и нет такой необходимости, хотя текст схолия действительно не очень хорошо сохранился. Можно представить себе эволюцию взглядов трех филологов как тезис – антитезис – синтез. В этом случае получится, что Аристофан полностью отверг предложение Зенодота, а Аристарх примирил двух предшественников, подвергая сомнению оба стиха, как Зенодот, но пользуясь атетезой, как Аристофан.

8.

Ил. 15.263-8. (Сравнение Гектора с конем)
 ὡς δ' ὅτε τις στατὸς ἵππος ἀκοστήσας ἐπὶ φάτνῃ
 δεσμὸν ἀπορρήξας θεῖῃ πεδίῳιο κροαίνων
 εἰωθὼς λούεσθαι ἐϋρρεῖος ποταμοῖο
 κυδιόων· ὑψοῦ δὲ κάρη ἔχει, ἀμφὶ δὲ χαῖται
 ὦμοις αἴσσονται· ὃ δ' ἀγλαΐῃφι πεποιθὼς
 ῥίμφα ἔ γοῦνα φέρει μετὰ τ' ἦθεα καὶ νομὸν ἵπλων·

Как застоявшийся конь, подле яслей раскормленный в стойле,
 С топотом по полю мчится, сорвавшись с привязи крепкой,
 В водах привыкший купаться прекраснострующей речки,
 Гордый. Высоко он морду несет, по плечам его грива
 Бьется косматая; полон сознанием своей красоты он.
 Мчат его к пастбищам конским и стойбищам легкие ноги.

(Дидим) Зенодот пишет только этот [стих (265)], Аристарх и остальные три. Т.

Зенодот обрывает уподобление Гектора коню на купании в реке, а Аристарх в согласии с вульгатой дает и остальные три стиха этого сравнения.

Эти же строки точно повторяются в 6 песни, где с конем сравнивается Парис. В этом повторении все соответствует обычной гомеровской практике, однако самолюбование более свойственно виновнику Троянской войны, чем его героическому брату. Зенодот систематически искал интерполяции в тексте «Илиады», которые восходили к другим ее фрагментам, и обратил внимание на это несоответствие. Аристарх же не считал изменения в тексте обязательными. Добавим, что считать самолюбование недостатком – значит вносить в текст модернизацию, и следует согласиться с суждением Р. Джанко: «Если бы у нас не было 6 песни, никто бы не критиковал это сравнение»¹⁴.

9.

Ил. 11.355-6 (Гектор контужен копьем Диомеда)

στῆ δὲ γνῦξ ἐρίπων καὶ ἐρείσατο χεῖρὶ παχείῃ
γαίης· ἀμφὶ δὲ ὄσσε κελαινὴ νύξ ἐκάλυψε.

И на колено упал, и уперся могучей рукою
В землю; и взор его черная ночь отовсюду покрыла.

(Дидим к 356) Первым атетировал Аристофан, а Зенодот не писал. А. Зенодот не пишет, а Аристарх атетирует. Т.

Слово προῆτέει «атетировал первым» почти всегда относится именно к Аристофану и предполагает, что Аристарх следовал его примеру, что и подтверждает данный схолий. Эти стихи почти точно повторяют Ил. 5.309-310, где описывается ранение Диомедом Энея.

¹⁴ Janko R. Commentary... Vol. IV. P. 256.

Если ставить вопрос так: «Какая из этих строк лишняя: 5.310 или 11.356?», то ответ очевиден. В одном случае от тяжелого ранения у Энея потемнело в глазах, и Афродита вынуждена была его спасти, а в другом Гектор лишь получил сотрясение мозга и сразу же стал передвигаться самостоятельно. Может быть, в таком случае его очи отовсюду не покрывала черная ночь? На самом деле это ложный вопрос, потому что формульная теория объясняет необходимость подобных повторов в импровизационном эпосе, и неодинаковый характер ранений отнюдь не должен вести к появлению различных формул.

10.

Ил. 23.91-2 (Тень Патрокла обращается к Ахиллу)
 ὥς δὲ καὶ ὀστέα νῶϊν ὀμῆ σὸρὸς ἀμφικαλύπτοι
 χρύσεος ἀμφιφορέυς, τὸν τοι πόρε πότνια μήτηρ.

Пусть же и кости обоих одна у нас урна скрывает
 С ручкой двойной, золотая, подарок тебе от Фетиды
 (букв. его тебе дала госпожа-мать)

(Экзегетич., Дидим) Во всех [рукописях] этот стих (92) отсутствует. И Аристарх говорит, что он был вытасчен из [второй] Некюйи: «дала мать золотой сосуд» (Од. 24. 73-4), но там он уместен для возвышенности похорон. Т.

Слово *νέκυια* переводится как «вызывание мертвецов», и это традиционное заглавие Од. 11, где идет речь о путешествии Одиссея в царство Аида. В начале Од. 24 описывается путешествие душ убитых женихов в преисподнюю и их разговоры с героями, которые уже оказались там прежде, поэтому по аналогии с 11 песнью она называется второй «Некюйей».

Видимо, следует понимать указание схолия так, что Аристарх атетирует стих, а не исключает его и при том указывает

причины своих сомнений. Если мы принимаем почти всеми признаваемую датировку «Одиссеи» более поздним временем¹⁵, то стих в последней песни поэмы окажется не прообразом для стиха Ил. 23.92, а отсылкой к нему.

Интересно, что один из наиболее древних папирусов (Pask 979, III в. до н.э.) лишен этого стиха, хотя другие папирусы и средневековые рукописи единодушно его дают. «Это единственный случай, когда античная атетеза соответствует пропуску в доаристарховом папирусе»¹⁶. О чем это говорит? Видимо, о том, что атетезы обычно не были никак связаны с рукописной традицией и даже подтверждают подлинность стиха, который если бы был плохо представлен в рукописях, подвергся бы удалению.

11.

Ил. 23.331-3

ἢ τευ σῆμα βροτοῖο πάλαι κατατεθνηῶτος,
ἢ τό γε νύσσα τέτυκτο ἐπὶ προτέρων ἀνθρώπων
καὶ νῦν τέρματ' ἔθηκε ποδάρκης δῖος Ἀχιλλεύς.

Мужа ли это могила, умершего в давнее время?
Или и прежде когда-то стоял уж там столб поворотный?
Нынче его для бегов Ахиллес быстроногий наметил.

(Экзег.) Аристарх пишет [вместо стихов 332-3] «или по крайней мере скир (σκῖρος) был: теперь там вновь ставил границы Ахилл». А «скиром» из-за отбрасывания тени называют корень, откуда и зонтик (σκιάδειον) афиняне зовут скиром. Т

Эти строки – часть речи Нестора, который дает советы своему сыну Антилоху перед состязаниями колесниц. Он указыва-

¹⁵ См., например, работу *Janko R. Homer, Hesiod and the Hymns*. Cambridge, 1982. Итоговые таблицы с предлагаемыми датировками см. на с. 231.

¹⁶ *West S. The Ptolemaic Papyri...* P. 171.

ет на виднеющиеся вдали высохший ствол и два камня, возле которых возниким нужно было поворачивать коней. Согласно вульгате, в стихе 332 Нестор предполагает, что на этом месте раньше был как раз поворотный столб для бегов; Аристарх читает в этом месте нечто труднообъяснимое.

Даже сами схолиасты, очевидно, не понимают, что этим хотел сказать великий александриец. Прежде всего, неясно, что такое «скир». Объяснение схолиев, скорее всего, ничего не значит, а этимологически этот вопрос достоверно не решается. Внешне больше всего это слово похоже на σκῖρον «сырная корка», но по смыслу такое понимание совершенно не подходит. Существует еще редкое слово σκῖρον «белый церемониальный зонтик на особом празднике в Афинах в честь Афины Скиры (Ἀθηνᾶ Σκίρας)», но оно с кратким гласным. Зафиксировано еще слово σκῖρος «твердая земля, заросшая кустарником», которое, видимо, связано с прилагательным σκῖρ(ρ)ός/σκῖρρος «твердый, жестокий». Наконец, есть существительное σκῖρρος «гипс», который подходит идеально, но встречается настолько редко, что даже появляется сомнение, не было ли это значение выведено из данного стиха Гомера. Существуют и некоторые другие возможности.

Не исключено, что мы имеем дело с редчайшим гомеровским словом, которое было сохранено только александрийскими филологами; можно строить предположения, состоит ли оно в родстве с афинским «церемониальным белым зонтиком». Во всяком случае, это странное исправление заслуживает того, чтобы рассматривать его со всей серьезностью. Перед нами – *lectio difficilior*, более трудное чтение, которое в классической текстологии принято предпочитать более легкому (см. выше). Не исключено, что, выбирая более трудное чтение, Аристарх предвосхитил методы современной текстологии.

12.

Ил. 21.72-73 (Ликаон просит пощады у Ахилла)

τῆ δ' ἑτέρῃ ἔχεν ἔγχος ἀκαχμένον οὐδὲ μεθίει·
καί μιν φωνήσας ἔπεα πτερόεντα προσηύδα·

Острую пику другой ухватил и держал, не пуская.
И, обращаясь к Пелиду, слова окрыленные молвил.

(Дидим) Это прибавляют некоторые, хотя оно не содержится в [рукописях] Аристарха. У некоторых встречается «и печалюсь» (καί ῥ' ὀλοφυρόμενος) [вместо «обращаясь к Пелиду»]. АТ Пишут «и умоляя его» (καί μιν λισσόμενος). А.

М. Апторп доказывает, что, несмотря на мнение ван Лейвена и других исследователей, эта строка неподлинная и ее можно без вреда для контекста опустить¹⁷. По его мнению, интерполяция возникла достаточно поздно, однако состояние наших источников не внушает оптимизма: для этого места мы располагаем только достаточно поздними папирусами. Итак, если попытаться на этом примере ответить на вопрос, удалял ли Аристарх подлинные строки Гомера, поставленный Апторпом, получится, что даже если удалял, то это были стихи, которые неоднократно встречаются в поэме и не представляют особенного интереса.

13.

Ил. 16.612-5 (Эней бросает копье в Мериона)

οὐδεὶ ἐνισκίμφθη, ἐπὶ δ' οὐρίαχος πελεμίχθη
ἔγχεος ἔνθα δ' ἔπειτ' ἀφίει μένος ὄβριμος Ἴαρης.
αἰχμὴ δ' Αἰνεΐαιο κραδαινομένη κατὰ γαίης
ᾤχετ', ἐπεὶ ῥ' ἄλιον στιβαρῆς ἀπὸ χειρὸς ὄρουσεν.

¹⁷ *Apthorp M.J. Manuscript Evidence... P. 147-150*

В землю вонзилось, и долго качалось в воздухе древко.
 Но, наконец, истоцил кровожадный Арес его силу (μένος).
 Мимо копьё пролетело и в землю впилося, сотрясаясь,
 Брошено было без пользы оно многомогной рукою.

В одной из [рукописей] Аристарха совершенно отсутствует (613).
 В другой же около этого [стиха] стоит алогос (ἄλογος).

Это место вызывает сомнения, так как здесь, казалось бы, дважды описан полет копья и его попадание в землю, хотя из контекста видно, что Эней пытался попасть метательным снарядом в Мериона только один раз.

Если исключить стих 613 (который можно считать интерполяцией из 13.444), то проблема исчезает, что не совсем очевидно из текста В.В. Вересаева. Буквальный перевод с таким исключением будет следующий: «в землю вонзилось, древко закачалось, / а копьё Энея, задрожав, в землю / вошло». Поскольку первое значение слова αἰχμή «наконечник (копья)», то получается, что описывается сначала копьё в целом (тот факт, что оно не попало в Мериона), затем движение древка, затем взгляд спускается к наконечнику, который плотно вонзился в землю. Этим путем идет Аристарх, причем в одном из своих изданий он исключает стих 613, в другом – помечает его как ἄλογος, то есть «бесмысленный, непонятный, нелепый». Как отмечает Р. Джанко, это единственное упоминание такого условного знака, который, возможно, имел вид вертикальной черты¹⁸ в отличие от горизонтальной черты – обела, отмечавшего атетезы.

Если удалить стихи 614-5 (которые можно считать привнесенными из 13.504-5), никаких трудностей в этом фрагменте не останется. И в большинстве рукописей, и во всех папирусах, сохранивших это место, строки 614-5 отсутствуют. Т. Аллен и

¹⁸ *Janko R. Commentary... Vol. IV. P. 390.*

Г. ван Тиль дают эти стихи в своих изданиях, а М.Л. Уэст – только в аппарате. Р. Джанко пишет: «Это добавление, которое первоначально было указанием на параллельное место на полях, появляется после Евстафия»¹⁹, то есть после XII в. Это представляется весьма убедительным, но тогда неясно, почему Аристарх удалял стих 613 или считал его «нелепым».

На этот вопрос можно дать два ответа. Возможно, текст Аристарха был, вопреки мнению Джанко, таким же, как в нашей таблице. Если признавать подлинными стихи 612, 614 и 615, тогда 613 становится нелепым и требует удаления (что решает проблему) или исправления. Возможно, если 614 и 615 стихи все-таки отсутствовали в тексте Аристарха, сомнение филолога вызывало слово μένος, которое можно перевести не только как «сила», но и как «гнев, мысль, душа». Здесь недоумение высказывает схолиаст: «Оружие останавливало движение вперед не потому, что подчинялось сердцу» (схолий к Ил.13.444), но μένος у Гомера применяется и к предметам: не только к копью, но и к огню, солнцу, реке; так же и у позднейших авторов.

14.

Ил. 21.479-81

ἀλλὰ χολωσαμένη Διὸς αἰδοίῃ παράκοιτις
 νείκεσεν ἰοχέαιραν ὄνειδείοις ἐπέεσσι
 πῶς δὲ σὺ νῦν μέμονας κύον ἀδεὲς ἀντί' ἐμεῖο

Но на нее рассердилась супруга почтенная Зевса.
 На стреловержицу с бранью накинулась Гера богиня:
 «Сука бесстыдная! Как? Уж против меня ты сегодня...»

В виде исключения рассмотрим стих Ил. 21.480, который не обсуждается в схолиях. Он отсутствует там потому, что не

¹⁹ Там же.

засвидетельствован ни в папирусах, ни в наиболее древних рукописях, однако присутствует в 23 более поздних манускриптах (не ранее XII в.). Очевидно, в издании Аристарха этого стиха не было, он проникает и распространяется в традиции уже буквально на наших глазах, в эпоху, когда рецепция Гомера достаточно хорошо документирована. Когда Ф.А. Вольф включает этот стих в свое издание, он дает ему номер, и в этом качестве как законная гомеровская строка он продолжает существовать до последнего времени: в изданиях Т. Аллена и даже Г. ван Тилиа он приводится в тексте, у М.Л. Уэста помещен в аппарат.

Легко видеть, что никакой необходимости в строке 21.480 нет, предыдущая уже достаточно ясно вводит последующую прямую речь. Ничего нового в этом стихе также нет: за исключением второго слова он очень похож на Ил. 2.277. Для чего же понадобилось добавлять этот стих? В строке 479 погречески отсутствует глагол в личной форме (буквально было бы «рассердившись»), и может показаться, что фраза синтаксически неполна. Однако глагол речи *προεῖφη* «сказал(а)» есть в 478 стихе, и, как показал еще Карл Лерс²⁰, такие конструкции «двойного подчинения» у Гомера встречаются.

Трудно сказать, был ли известен Аристарху стих 480, знали ли он его и отверг, или даже не имел возможности продемонстрировать на нем свое филологическое мастерство. Однако этот случай показывает, что при определенных условиях рукописная традиция гомеровских поэм подвержена достаточно быстрым изменениям. Если бы проникновение этого стиха произошло на пару веков раньше, а папирусов, относящихся к этому месту, не сохранилось бы, мы бы могли только догадываться, что данный стих отсутствовал в античных изданиях. Единственным свидетельством этого было бы молчание схолиев, которые комментируют подавляющее большинство стихов.

²⁰ *Lehrs K. De Aristarchi...* P. 338-9.

β. Большие чтения

1.-3.

Некоторые большие чтения относятся к этой категории лишь формально, так как отличаются, например, лишь падежом одного словосочетания. Например:

Ил. 17.213-4 (О Гекторе после убийства Патрокла)

βῆ ῥα μέγα ἰάχων ἰνδάλλετο δέ σφισι πᾶσι
τεύχεσι λαμπόμενος μεγαθύμου Πηλεΐωνος.

...Голосом громким крича. Пред фалангами их он явился
В блеске нетленных доспехов высокого духом Пелида.

(Никандр) Общеупотребительные издания дают «высокого духом Пелида» (μεγαθύμου Πηλεΐωνος), и грамматическая связь объединяет весь стих. А издание Аристарха дает в дательном падеже «высокому духом Пелиду», где связь несколько разделяется после слова «сияющий» (λαμπόμενος). А.

(Дидим) так Аристарх в дательном падеже, другие «высокого духом Пелида». А.

(...) Зенодот «Ахилла Пелеева сына». Т.

Глагол ἰνδάλλετο употребляется с дательным падежом в двух основных значениях: «казаться кому-л.» и «быть похожим на кого-л.» Второе значение возникает позже и у Гомера не встречается (этот глагол вообще редок). Скорее всего, Аристарх не обратил внимания на более поздний характер второго значения и, опираясь на него, добавил в текст еще один дательный падеж²¹. Итак, один датив относится к причастию «сияющий доспехами», другой к глаголу «был подобен для всех своих» и третий к глаголу же «был подобен высокому духом Пелиду». Кроме такого запутывающего изобилия дативов, осо-

²¹ *Edwards M.W. Commentary... Vol. V. P. 83.*

бенностью данного варианта схолиаст называет разорванность синтаксических связей. Если это конъектура Аристарха, то неясно, зачем она нужна.

В другом примере Аристарх предпочитает дательный падеж винительному:

Ил. 16.638-9 (Зрелище убитого Сарпедона)
οὐδ' ἂν ἔτι φράδμων περ ἀνήρ Σαρπηδόνα δῖον
ἔγνων

Богopodobного тут Сарпедона навряд ли узнал бы
Самый догадливый муж...

(Никандр) Общераспространенные [издания дают] Сарпедона в винительном падеже (...); если же, как пишет Аристарх, «Сарпедону богоподобному» в дательном падеже, то нужно сделать небольшое разделение после «богоподобному». Дело в том, что он говорит вот это: «Тот, кто не очень хорошо знает и привык к Сарпедону, не мог бы узнать его из-за того, что он был покрыт кровью и грязью». А

(Экзегетич.) φράδμων: опытный, понимающий, знакомый, знающий Сарпедона хорошо. bT

(Дидим) В дательном «Σαρπηδόνι δίῳ», чтобы было «некто, привычный к Сарпедону». T

Здесь идет речь о том, к какому слову относится «божественный Сарпедон»: редкому прилагательному φράδμων, которое приходится пояснять синонимами, или глаголу ἔγνων «узнал». В отличие от предыдущего случая, синтаксические связи, скорее, в пользу варианта Аристарха, потому что φράδμων находится в той же строке.

Р. Джанко полагает, что это чтение призвано решить ««проблему», как воображаемый наблюдатель мог узнать Сарпедона, не видя его прежде, однако такой человек может гипотетически знать всё!»²². Это, конечно же, справедливо, но акценты здесь

²² *Janko R. Commentary... Vol. IV. P. 392.*

расставить, как мне кажется, следовало бы иначе. Прилагательное φράδμων встречается чрезвычайно редко, и его значения в древнем эпосе нам приходится устанавливать по ничтожно малому числу контекстов; Аристарх, несомненно, лучше чувствовал его значение, но и для эллинистической аудитории слово было экзотическим. Если считать, что оно значит «понимающий, мудрый, пытливый» («understanding, wise, shrewd» по словарю Liddell-Scott), то оно здесь не очень подходит, потому что мудрость и даже опытность – все-таки не совсем то свойство, которое позволяет опознать обезображенный труп. Нужно другое свойство: хорошее знакомство с этим конкретным человеком, то есть очень специфическая и конкретная, так сказать, «опытность в Сарпедоне». Возможно, для современников Аристарха требовалась некая подсказка, пояснение, которое не столько решало интеллектуальным путем обнаруженную проблему, сколько исправляло «шероховатость» (скорее всего, мнимую) гомеровского текста.

Через несколько стихов Аристарх снова предлагает заменить «Сарпедона» на «Сарпедону» и, хотя такого рода варианты рассматриваются в другой главе, упомяну об этом здесь из-за аналогии этих случаев.

Ил. 16.667-8

εἰ δ' ἄγε νῦν φίλε Φοῖβε, κελαινεφές αἶμα κάθηρον
ἐλθὼν ἐκ βελέων Σαρπηδόνα, καί μιν ἔπειτα...

Вынеси, Феб дорогой, из-под копий и стрел Сарпедона,
Тщательно кожу очисти от черной запекшейся крови...

(Дидим) Аристарх «Сарпедону» (Σαρπηδόνη) в дательном падеже. А Зенодот неправильно атетировал эти стихи [то есть, видимо, 16.666-83] на том основании, что невозможно, чтобы [Аполлон] с готовностью выполнял такое поручение. А

Если принимать чтение вульгаты, оказывается, что при глаголе καθαίρω «очищать» два дополнения в винительном

падеже, соответствующие русским «кого» и «от чего». Такое управление встречается у Гомера для других глаголов, однако Аристарх, вероятно, не считает его возможным для καθάρω и предлагает заменить на семантически вполне естественный дательный падеж (~ «счисти Сарпедону черную кровь»). Русский перевод существенно сглаживает довольно странный синтаксис и порядок слов в 668 стихе.

4.

Ил. 9.35-6 (Диомед обращается к Агамемнону)
 φὰς ἔμεν ἀπτόλεμον καὶ ἀνάγκιδα· ταῦτα δὲ πάντα
 ἴσασ' Ἀργείων ἡμὲν νέοι ἠδὲ γέροντες.

Трусом меня называл, невоинственным. Правда ли это,
 Знают прекрасно ахейцы, – и юноша каждый, и старец.

(Дидим) Так Аристарх «и юноша каждый, и старец»; он говорит, что пишут также «вожди и советники войска»²³ (ἡγήτορες ἠδὲ μέδοντες). Α

(Аристоник) [Дипле с точками,] так как Зенодот пишет «вожди и советники войска». Α лучше писать более расширительно: так как знание об этом человеке имеется у всех. (...) Α

Зенодот в этом месте читает иначе, заменяя одну гомеровскую формулу другой, более частотной, а Аристарх читает аналогично вульгате. Едва ли возможно, чтобы Зенодот выбрал свой вариант по смысловым причинам: схолиаст, возможно повторяя контраргументы Аристарха, говорит о недостатках этого чтения с точки зрения персонажа. Если с позиции эпического сказителя «вожди и советники войска» в таком контексте сказать уместно и вполне достаточно, то эллинистические и позднеантичные филологи рассматривают этот контекст с по-

²³ Перевод следует В.В. Вересаеву (напр., в Ил. 10.533).

зиции персонажа, который, возражая на оскорбление, должен призвать в свидетели не только царей, но всех ахейцев вообще. Не исключено, что Зенодот выписывает эту формулу не как исправление, а в качестве параллельного места, как потенциально возможную метрически (и эквивалентную в этом отношении), но отвергнутую Гомером по смысловым причинам формулу.

5.

Обычно о двойных чтениях Аристарха неизвестно, какое из них было окончательным, однако есть несколько исключений. При упоминании поля, где происходили битвы Троянской войны, в начале 6 песни схолии сохраняют два варианта Аристарха: старый и новый.

Ил. 6.2-4

πολλὰ δ' ἄρ' ἔνθα καὶ ἔνθ' ἴθυσε μάχη πεδίοιο
ἀλλήλων ἰθυνομένων χαλκήρεα δοῦρα
μεσσηγὺς Σιμόεντος ἰδὲ Ξάνθοιο ῥοάων.

Но по равнине туда и сюда простиралось сраженье
Между мужами, одни на других направлявшими копья,
В поле, между теченьями рек Симоента и Ксанфа.

(Аристоник) Так как в древних [рукописях] написано «между рекой Скамандром и Стомалимной [то есть «устьем залива/озера»]», поэтому и в комментариях [это] сообщается. А позднее [Аристарх] вдруг передумал и написал: «между теченьями рек Симоента и Ксанфа». Дело в том, что это написание соответствует местам стоянки кораблей, возле которых они сражались. А

(Дидим) Прежде писалось «между рекой Скамандром и Стомалимной». Позднее Аристарх нашел и †выбрал ее†²⁴. А Херид пишет «между рекой Скамандром и Симоентом». bT

²⁴ Знаком креста (σγυx) принято обозначать (безнадёжно) испорченный текст. По смыслу должно быть что-то вроде «ввел в традицию существующее чтение».

(Экзегетич.) Ради краткости [Гомер] придумал имя Скамандру, соответствующее метру, чтобы не казалось, что это проблема. И †относительно того, что † не требуется в соответствии с метром, он делает двойные имена: «имя / Ей среди блаженных богов – Халкида, среди смертных – Киминда» (Ил. 14.291), «Имя ему Бриарей у богов, у людей же – Эгеон» (Ил. 1.403-4), «Смертные люди курган тот высокий зовут Батисей, / Вечноживущие боги – могилой проворной Мирины» (Ил. 2.813-4). По этой причине и сыну Гектора Скамандрию он дал второе имя Астианакс. Если же кто-то задастся вопросом, почему далее он называет реку не только Ксанфом, но и Скамандром, пусть тот знает, что неиспользование имени собственного вызывает подозрение во лжи. bГ
Ксанф же имеет название из-за рыжести (τὸ ξανθίζειν) волос. Т.

Эти схолии интересны сразу с нескольких различных точек зрения. Во-первых, они содержат неполный перечень двойных имен собственных в «Илиаде». Видимо, этими вопросами читатели Гомера задавались еще в античности, и перед нами даже появляется некое объяснение, зачем нужна двуименность и почему, придумав несобственное имя, поэт все же вынужден иногда пользоваться и собственным. Кроме того, здесь представлены и совпадающие имена. Кроме пары Скамандр (река близ Трои) – Скамандрий (Астианакт), незримо присутствует пара Ксанф (=Скамандр) – Ксанф (конь Ахилла)²⁵.

Во-вторых, первый схолий неявно отсылает к книге Аристарха «О стоянке кораблей». Возможно, как мы уже видели выше, версии в общем комментарии к «Илиаде» и в специальном сочинении о топографии Троянской войны различались.

В-третьих, интерес представляет слово «стомалимна/Стомалимна». Трудно сказать, в какой степени оно может считать-

²⁵ Подробнее о двуименности у Гомера см., напр., *Heubeck A. Die homerische Göttersprache // Würzburger Jahrbücher für die Altertumswissenschaft. Bd. 4. 1949. S. 197-218.*

ся именем собственным, так как обладает вполне прозрачным значением, но почти никогда не употребляется. У Феокрита встречается это слово, но оно изменяется по другому склонению²⁶. Может быть, автору «Идиллий» было известно это гомеровское различие, и он упомянул его для того, чтобы, по обыкновению эллинистических поэтов, это редкое знание продемонстрировать. Затем в схолиях к этому месту Феокрита цитируется данный комментарий (то есть оба варианта слова: *στομάλιμνον* и *στομαλίμνην*), что явно указывает на обмен информацией между сочинениями этого жанра. Кроме того, *στομαλίμνη* трижды встречается у Страбона – применительно к разным «лиманам» (словарь И.Х. Дворецкого), среди которых и троянский²⁷. Географ добавляет к слову «стомалимна» уточнение «так называемая».

6.

Рассмотрим теперь стих Ил. 20.114 в редакции Т. Аллена.

Ил. 20.114 (Гера) ἦ δ' ἄμυδις στήσασα θεοὺς μετὰ μῦθον ἔειπε·
Став посредине богов, она обратилась к ним с речью...
(Дидим) Аристарх трактует η как артикль (= «она» ²⁸). А Зенодот ставит обличенное ударение и тонкое придыхание, трактуя как глагол (ἦ «сказал(а)») наподобие «молвил Кронион» ²⁹ (ἦ καὶ κυανέησιν Ил. 1.528). И он вообще все переделывает: «Сказала,

²⁶ «Идиллии» 4.23.

²⁷ Четвертый раз это слово у Страбона упоминается как название деревни («География» 14.2.19).

²⁸ Выше говорилось, что гомеровское указательное местоимение (которое употреблялось также как личное) позднее стало определенным артиклем.

²⁹ По переводу В.В. Вересаева.

вместе созвав богов беззаботно живущих». Но он не знал, что поэт не пользуется глаголом ἦ в начале речи, но завершает этими словами. И в этом у него [ἦ] действительно есть отличие от глагола ἔφη, так как один ставится впереди, другой – позади. Аристарх же и многие [рукописи читают] ἦ δ' ἄμυδις στήσασα. А.

Если сравнивать вариант Аристарха с рукописной традицией, отличие будет только в одном слове: στήσασα («встав(шая)») vs καλέσασα («позвав(шая)»). Однако объемное различие разделяет Аристарха с Зенодотом; чтение последнего, во-первых, предполагает, что первое слово – не ἦ «она»³⁰, а ἦ «сказала»; с точки зрения современной графики они различаются ударением и придыханием, но диакритические знаки – по крайней мере, в виде известной нам системы – это результат работы александрийских филологов. Им приходилось самостоятельно разделять омонимы, и есть основания предполагать, что в некоторых редких словах, которые были утрачены в современных им греческих диалектах, они ставили ударение по контрасту с существующими омонимами.

В варианте Зенодота глагол речи стоит в начале, а конечный сегмент – гомеровская формула, которая несколько раз встречается в конце стиха после слова «богов». Эта формула необходима здесь потому, что глагол речи уже есть, и «обратилась с речью» не нужно. Как справедливо отмечает схолиаст (и эта точка зрения, видимо, восходит к Аристарху), такое употребление глагола ἦ не соответствует гомеровскому узусу³¹.

Однако против чтения Аристарха – если считать, что приведенный в самом начале вариант принадлежит именно ему –

³⁰ В гомеровском языке это слово еще может считаться указательным местоимением, которое выступает также как личное. В более поздних греческих диалектах это уже определенный артикль.

³¹ *Edwards M.W. Commentary... Vol. V. P. 305.*

можно выдвинуть то же возражение. Это менее очевидно, так что даже Т. Аллен выбирает вариант $\sigma\tau\eta\sigma\alpha\sigma\alpha$ («встав(шая)»), а В.В. Вересаев переводит по этому тексту. Буквальный перевод вульгаты выглядел бы примерно так: «Она же сразу, позвав (καλέσασα) богов, после- слово –рекла». Разорванное «после-рекла» передает гомеровское $\mu\epsilon\tau\grave{\alpha}\ \xi\epsilon\iota\lambda\epsilon$, которое с точки зрения позднейшего греческого языка представляет собой форму глагола $\mu\epsilon\tau\acute{\alpha}\phi\eta\mu\iota$ с оторванной приставкой (это тмесис³²). $\mu\epsilon\tau\grave{\alpha}$ можно перепутать с предлогом (такой существует, и даже употребляется с винительным падежом), но ведь Гера не «сказала после слóва», а именно «послесказала слово» или даже просто «сказала», потому что значение приставки тут довольно стертное (И.Х. Дворецкий переводит $\mu\epsilon\tau\acute{\alpha}\phi\eta\mu\iota$ как просто «говорить»).

В чем же недостаток варианта Аристарха? В том, что при формуле $\mu\epsilon\tau\grave{\alpha}\ \mu\upsilon\theta\omicron\nu\ \xi\epsilon\iota\lambda\epsilon$ адресат должен стоять в дательном падеже, как и при простом $\mu\upsilon\theta\omicron\nu\ \xi\epsilon\iota\lambda\epsilon$ – «сказал(а) слово кому-л.». Эта формула не очень частотная, но все же встречается в «Илиаде» 4 раза³³ только с дательным падежом. Раз так, то «богов» не может зависеть ни от «встав(шая)», ни от «сказала слово» и повисает в воздухе.

Я вижу здесь два объяснения: может быть, Аристарх совершил ошибку (и тогда нужно попробовать понять, почему), а может быть, мы просто неверно представляем себе вариант александрийца. Рассмотрим оба этих случая.

Не исключено, что здесь возникла путаница между двумя формулами с близким значением и несколько различным синтаксисом: $\mu\epsilon\tau\grave{\alpha}\ \mu\upsilon\theta\omicron\nu\ \xi\epsilon\iota\lambda\epsilon$ и $\pi\rho\acute{\omicron}\varsigma\ \mu\upsilon\theta\omicron\nu\ \xi\epsilon\iota\lambda\epsilon(\nu)$. Последняя

³² См. выше в главе 1.

³³ В конце «Илиады» и в «Одиссее», кроме того, есть несколько примеров, когда существительное в дательном падеже стоит между приставкой и корнем на месте $\mu\upsilon\theta\omicron\nu$.

встречается у Гомера значительно чаще первой (15 раз в «Илиаде» и 14 в «Одиссее») и употребляется с винительным падежом, что могло послужить причиной контаминации.

Также вероятно, что Аристарх и представлял себе текст с этой второй, более частотной формулой, тем более что метрически они взаимозаменяемы³⁴. Прямых доказательств этой гипотезы нет, можно предложить только косвенные. В одном из пяти (не считая рассматриваемого случая) стихов, где употребляется формула $\mu\epsilon\tau\grave{\alpha} \mu\upsilon\theta\omicron\nu \xi\epsilon\iota\lambda\epsilon$, находим разночтение: $\mu\epsilon\tau\grave{\alpha} \mu\upsilon\theta\omicron\nu \xi\epsilon\iota\lambda\epsilon$. Это разночтение встречается в стихе Ил. 3.303 в папирусе II в. до н. э., который мог держать в руках Аристарх³⁵.

Итак, появление той редакции стиха, которая дана в нашей таблице, объясняется контаминацией двух формул с одинаковым значением «сказал слово», одна из которых используется с дательным, другая – с винительным падежом. Путаница могла произойти в сознании Аристарха (так что более частотная формула «навязала» свое управление более редкой) или в филологической традиции, которая приписала великому александрийцу чтение вульгаты в конце стиха³⁶.

7.

Ил. 2.258 (Одиссей обращается к Терситу) $\epsilon\acute{\iota} \kappa' \xi\tau\iota \sigma' \acute{\alpha}\phi\rho\alpha\acute{\iota}\nu\omicron\nu\tau\alpha \kappa\iota\chi\eta\sigma\omicron\mu\alpha\iota \acute{\omega}\varsigma \nu\upsilon \mu\epsilon\rho \acute{\omega}\delta\epsilon\epsilon\ldots$
Если увижу еще раз, что снова дуришь ты, как нынче...

³⁴ Хотя и не эквивалентны: первая с дактилем в четвертой стопе, а вторая – со спондеем.

³⁵ P.Hib. 19, Pack² 640.

³⁶ М.Л. Уэст также ставит знак вопроса у имени Аристарха при чтении $\mu\epsilon\tau\grave{\alpha} \mu\upsilon\theta\omicron\nu \xi\epsilon\iota\lambda\epsilon$ (Homeri Ilias. Ed. M.L. West, Vol. 2. P. 222).

(Дидим) [Рукописи] Аристарха дают «А если [увиджу], что ты в чем-то» (εἰ δέ τί σε). А синопская дает: «как прежде» (ὡς τὸ πάρος περ), а массильская «снова позже» (ὑστερον αὐτίς), а [рукопись] Филемона «у данайцев» (ἐν Δαναοῖσιν). Т
 (...) А Зенодот «если бы еще [я увидел], что ты», что и должно быть выбрано (...). b

Итак, вариант вульгаты совпадает с чтением Зенодота: в нем частица κε, которая придает тексту характер пожелания и неопределенности, и ἔτι «еще». Вариант Аристарха отличается отсутствием элизии: κ' ἔτι > δέ τί. Частица δέ имеет значение слабого противопоставления, а местоимение τί может переводиться «в каком-то отношении» или «хоть сколько-нибудь». Перевод остальных вариантов более прост и обсуждения не требует. Можно только отметить, что все эти варианты, кроме последнего, настолько малозаметны (хотя затрагивают более одного слова), что могут соответствовать одному и тому же русскому переводу. Иногда даже в точном переводе текст отходит от оригинала дальше, чем все эти варианты друг от друга. Однако этот случай по нашей классификации попадает в число больших разночтений.

8.

Ил. 23. 870-1 (Мерион состязается с Тевкром в стрельбе из лука)
 σπερχόμενος δ' ἄρα Μηριόνης ἐξείρυσε χεῖρὸς
 τόξον· ἀτὰρ δὴ οἷστον ἔχεν πάλαι, ὡς ἴθυεν.

Быстро тогда Мерион из руки его лук изогнутый
 Вырвал; стрелу наготове держал он, как Тевкр еще целил.

(Дидим) В массильской [рукописи] «Тогда Мерион торопливо приставил стрелу к луку, / Ведь он у него был в руках, когда [тот] прицеливался». А в [рукописи] Антимаха так: «Тогда Мерион торопливо выхватил лук руками». Аристарх же в комментариях утверждает, что Мерион, торопясь, выдернул лук из руки Тевкра, так как это и в обычае состязающихся, подобно диску. А слова «стрелу наготове держал он» нужно относить к Мериону. А

(...) Антиммах же [читает] «Тогда Мерион торопливо выхватил у Тевкра (ἐξείρυσε Τεύκρου) / лук, а стрела в руках у него была уже давно, пока [тот] целился». Т

Аристарх говорит о том, что в состязаниях по стрельбе, подобно бросанию диска, было в обычае использовать один и тот же снаряд всем участникам. В массивской рукописи Мерион стреляет из другого лука; в варианте Антимаха Колофонского, как его представляет схолий А, вероятно, тоже. При этом в схолии Т вариант дается иначе, даже с упоминанием Тевкра, которого лишают лука.

Обсуждение проблемы разворачивается в двух плоскостях: смысловой и грамматической. С одной стороны, из текста можно узнать правила проведения соревнований (именно в этом ключе мыслит Аристарх); с другой – финальное ὡς ἴθυεν можно перевести «пока (Тевкр) целился» только с некоторой натяжкой: Тевкр слишком далеко от глагола «целился», а ὡς не значит «пока». Когда в массивском издании слово «Тевкр» появляется в конце стиха 870, ближе к глаголу, это выглядит как конъектура³⁷.

9.

Ил.9.222-3

αὐτὰρ ἐπεὶ πόσιος καὶ ἐδητύος ἐξ ἔρον ἔντο
νεῦσ' Αἴας Φοῖνικι νόησε δὲ δῖος Ὀδυσσεύς,

После того как пьем и едой утолили желанье,
Фениксу тайно Аякс подмигнул. Одиссей это видел...

(Аристоник) Более распространенный вариант злоупотребляет стихом: ведь когда они незадолго до того пообедали, они не «жаждали» (ἦρων) пищи. А.

³⁷ Richardson N.J. Commentary ... Vol. VI. P. 268–269.

(Дидим) Кажется, что они и у Агамемнона перед посольством отправились пообедать, ведь [Гомер] говорит «Все совершили и выпили, сколько душа пожелала; / Встали и вышли из ставки владыки народов Атрида» (Ил. 9.177-8). Итак, лучше бы было, говорит Аристарх, если бы было написано «вновь вкусили» (ἄψ ἐπάσαντο) или «тотчас вкусили» (αἴψ' ἐπάσαντο), чтобы было сказано, что они лишь отведали, чтобы только угодить Ахиллу, и не ели и пили вдоволь. Но из избыточного почтения ничего не заменил, так как нашел во многих [рукописях] этот вариант. А.

Аристарх пишет «вновь вкусили», так как они уже обедали у Агамемнона, и он не заменил этот вариант. Т

Этот схолий словно бы суммирует основы метода Аристарха. Во-первых, александриец внимательно анализирует гомеровский текст и сравнивает различные его части (иногда значительно отстоящие друг от друга). Во-вторых, он иногда предлагает варианты, которые исправляют обнаруженные им недостатки текста. В-третьих, он исследует рукописную традицию, и если его варианты не поддерживаются манускриптами, то он обычно оставляет их в комментарии «из избыточного почтения», а не включает в текст: «лучше, если бы было написано». В-четвертых, эти комментарии не становятся недоступными для его последователей и возникают в схолиях иногда с соответствующими пояснениями самого Аристарха.

Пожалуй, нигде более мы не найдем такой емкой характеристики того, как работал Аристарх. Однако ее отдельные положения подтверждаются повсеместно. Тщательность Аристарха в дополнительном доказательстве не нуждается, конъектуральный характер некоторых вариантов также не подлежит сомнению. Что касается сличения рукописей, то в схолиях неоднократно упоминаются как городские манускрипты, так и издания предшественников Аристарха. Этих упоминаний не так уж много, но они встречаются систематически, так что

спор может идти лишь о том, насколько часто он и другие филологи обращались к сравнению манускриптов.

До нас дошли не только те чтения, которые Аристарх считал необходимым вставить в текст, но и те, которые он «из осторожности» оставлял в статусе комментариев. Однако в наших источниках последние почти никогда не отделены от первых. Действительно, как уже мог неоднократно убедиться читатель этой книги, некоторые резоны филолога, которыми он руководствуется, схолиями часто не раскрываются; в том числе почти нет явных указаний на статус предлагаемых Аристархом чтений. Хотя общий объем схолиев на порядок превосходит длину самого гомеровского текста, причины, по которым александрийские филологи выбирали или предлагали варианты, остаются за пределами внимания и становятся для современных ученых предметом реконструкции.

Обратимся теперь к анализу текстологических особенностей этого эпизода, в котором сытые вожди, придя к Ахиллу, почему-то испытывают сильный голод и жажду. Слово ἔρος/ἔρωσ обычно у Гомера описывает любовное желание: «Гера, такая любовь никогда ни к богине, ни к смертной / В грудь не вливалась мне и духом моим не владела!» (Ил. 14.315-6); «С силой, с какою впервые они насладились любовью, / Вместе взойдя на постель, от милых родителей тайно» (Ил. 14.295-6). Таким образом, это слово выражает достаточно сильную эмоцию, которая не очень подходит для описания «обеда вежливости», который дает Ахилл в 9 песни. С другой стороны, стих Ил. 9.222 повторяется у Гомера еще 6 раз и, таким образом, является стандартным способом описания насыщения. Сказитель-импровизатор едва ли придает большое значение тому, насколько сильно проголодались его персонажи, однако для эллинистических ученых «эрос голода» становится текстологической проблемой. Аристарх, хотя и предлагает возможные исправления, предпочитает следовать рукописной традиции.

10.

Ил. 18.206-8 (Афина украшает Ахилла перед боем)

ἐκ δ' αὐτοῦ δαΐε φλόγα παμφανόωσαν.

ὥς δ' ὅτε καπνὸς ἰὼν ἐξ ἄστεος αἰθήρ' ἵκηται
τηλόθεν ἐκ νήσου, τὴν δῆϊοι ἀμφιμάχωνται,

... Вкруг самого же зажгла ослепительный пламень.

Так же, как дым, поднимаясь от города, всходит до неба

С острова дальнего, где осажден неприятелем город...

(Дидим) Ученики Дионисия Фракийца говорят, что Аристарх первый, пользуясь этим чтением, поменял и написал: «Так же, как лучезарный огонь на море поднимается в воздух». Наглядно военный огонь, данный Ахиллу, он сравнивает с [огнем], зажженным в ходе военных действий. А

Аристарх «Так же, как лучезарный огонь на море поднимается в воздух». Дело в том, что он говорит, что неуместно сравнивать огонь с дымом. (...) bT

Наряду с объяснением, что перед нами конъектура Аристарха, призванная исправить «нелепое» сравнение огня с дымом, возможна и другая трактовка: александриец и не пытался таким образом исправить текст, а предлагал вариант для сравнения, который в данном случае не вызывал бы нареканий по смыслу. Можно предположить, что перед нами случай, аналогичный предыдущему, но без указания схолиев «было бы лучше»³⁸.

11.

Ил. 18.579-80 (Сцена, изображенная на щите Ахилла)³⁹

σμερδαλέω δὲ λέοντε δὺ' ἐν πρώτῃσι βόεσσι
ταῦρον ἐρύγμηλον ἐχέτην

³⁸ *Pasquali G. Storia della tradizione e critica del testo. Firenze, 1934. P. 238; Edwards M.W. Commentary... Vol. V. P. 170-1.*

³⁹ Не могу не упомянуть книгу Елены Леонидовны Ермолаевой: *Ермолаева Е.Л. Гомер. Илиада. XVIII песнь «Щит Ахилла»*. М., 2011. Главное ее содержание – комментарий к 18 песни «Илиады» с очерком гомеровской грамматики и метрики. Книга предназначена для читателей, которые уже в некоторой степени знакомы с древнегреческим языком.

Спереди два вдруг ужаснейших льва напали на стадо И повалили быка;

(Дидим) «А ужасные львы двое среди первых быков (δύ' ἐν πρώτῃσι βόεσσι)»: в другой [рукописи] Аристарха «два первых» (δύο πρώτῃσι) А. У Зенодота же «темных льва» (κυανέω δὲ λέοντε). АТ.

Суть первого разночтения состоит в том, что Аристарх избавляется от предлога без изменения общего смысла; действительно, дательный падеж мог бы передать нужное значение и без ἐν. При этом числительное δύο читается полностью без элизии. Судя по всему, при возможности без ущерба для смысла и стиля убрать элизию, Аристарх нередко так и делал.

Что же касается чтения Зенодота, то в нем прилагательное со значением «ужасный» заменяется на другое со значением «темный, мрачный, ужасный». Это цвет бровей Зевса, волос Посейдона, змей, изображенных на доспехах Агамемнона, тучи и носа корабля. Казалось бы, трудно представить себе льва, цвет которого напоминает тучу, но нужно иметь в виду, что здесь описываются львы, изображенные на щите Ахилла. Почему бы им не быть того же цвета, что и змеям на доспехах Агамемнона? По мнению Эдвардса, «он, очевидно, стремился передать цветовой контраст с χρύσειοι [золотыми быками] (577)»⁴⁰.

12.

Ил. 15.86 (Боги приветствуют Геру, вернувшуюся на Олимп) πάντες ἀνήϊξαν καὶ δεικανόωντο δέπασιν
--

...Вскочили / На ноги все и с приветом ей чаши свои протянули...
--

⁴⁰ Edwards M.W. Commentary... Vol.V. P. 227.

(Аристоник) Аристарх отмечает, что только так нужно писать δέλασσιν (чаши), так как он говорит в следующих стихах «Не посмотрев на других, от Фемиды прекраснolanитной / Чашу (δέλας) она приняла, ибо первая Гере навстречу...» (87-8). А в некоторых [рукописях] «и они позвали ее к себе каждый» неудачно, так как у нее есть собственный трон. Итак, как к себе каждый [может ее] позвать? Это подходит к Ириде, которая помогает [, прилетая] на ветрах (Ил. 23.203). Но действительно нужно писать не «словами» (ἐπέεσσι), так как Фемида дала ей кубок. А Дионисий Фракиец говорит, что здесь имеется знак [дипле], так как [Гомер] показывает богов все время пьющими и имеющими такое прекрасное время-препровождение. (...) А

(Экзегетич.) На любовном пиру «и они позвали ее к себе каждый», так как они были пьяны и были настроены на любовные дела. Γ
(Экзег./Дидим) Некоторые вместо δέλασσιν пишут ἐπέεσσι. А доказывается это словами «от Фемиды чашу она приняла». А близкие к Зенодоту, не зная этого, пишут ἐπέεσσι (...) βΤ

Итак, перед нами три варианта чтения второй половины этого стиха. Аристарх согласен с рукописями «приветствуют чашами», Зенодот предлагает «приветствуют словами» (как в Од. 18.111 и 24.410), а какой-то безымянный критик считает, что чтение должно быть аналогичным Ил. 23.203⁴¹.

Слово «чаши» хорошо вписано в контекст, а формула, которая в 23 песни отнесена к Ириде, действительно не очень подходит к Гере. По каким же причинам предлагаются эти варианты, альтернативные рукописной традиции? По текстологическим ли? Видимо, трудность, которую хотят исправить Зенодот и другой критик – это форма δέλασσιν, потому что обычно дательный множественного от этого слова выглядит как δελάεσσι(ν) (6 раз в «Илиаде» и 8 в «Одиссее»). Аристарх выбирает решение проблемы в согласии с рукописной тради-

⁴¹ «С места вскочили они, и к себе приглашал ее каждый».

цией, хотя эта редкая форма не встречается в древнегреческих текстах, кроме этого случая и немногочисленных комментариев грамматиков к этому стиху. Для Аристарха «объяснять Гомера через Гомера» не значит заменять более редкие формы частотными (хотя это иногда и происходит) – филолог отдает себе полный отчет в ценности богатого и разнообразного языка гомеровских поэм.

Дионисий Фракиец указывает, что стих о счастливом времяпрепровождении богов имеет на полях отсылку или нуждается в отсылке к комментарию. Собственно александрийская филология лишь в малой степени обращала внимание на подобные вопросы, однако обсуждение этических коллизий античной мифологии, в том числе аллегорическое истолкование архаических мифов, занимало в эллинистической и позднеантичной философии очень важное место. Аристарх, однако, прежде всего заинтересован в интерпретации редкой формы *δέλασσιν*.

13.

Ил. 19.80 (Агамемнон призывает собравшихся не шуметь) <i>ὕββάλλειν· χαλεπὸν γὰρ ἐπιστάμενόν περ ἑόντα</i>
Не прерывать: говорить так не смог бы и самый искусный.
(Дидим) Аристарх «даже искусному» (<i>ἐπισταμένῳ περ ἑόντι</i>). А.

Похоже, что перед нами ошибка традиции, которую исправляет Аристарх. Действительно, в варианте, принятом почти всеми рукописями, «искусный» стоит почему-то в винительном падеже⁴², хотя гораздо естественнее было бы видеть

⁴² Пословный перевод: *χαλεπὸν* (трудно(е)) *γὰρ* (ибо; дело в том, что) *ἐπιστάμενόν* (искусного, знающего, опытного) *περ* (даже) *ἑόντα* (сущего). Буквальный перевод: ведь трудно даже того, кто является искусным.

здесь дательный: «трудно даже искусному» (совершенно так же, как и по-русски). В принципе, винительный тоже можно как-нибудь объяснить, однако и Т. Аллен, и М.Л. Уэст дают в своем издании вариант Аристарха, не поддержанный рукописной традицией.

Любая ошибка в тексте возникает по какой-то причине, и поэтому в теории каждую трудность в тексте можно и нужно объяснить. В данном случае, однако, дать такое объяснение «трудно даже искусному». Может быть, причиной служит влияние стиха 16.620, где есть похожая конструкция, и там винительный закономерен? Но механизм такой контаминации все же остается неясным.

14.

Ил. 7.419-20 (Во время перемирия)

Ἄργεῖοι δ' ἐτέρωθεν ἐϋσσέλμων ἀπὸ νηῶν
ὤτρυνον νέκυας τ' ἀγέμεν, ἕτεροι δὲ μεθ' ὕλην.

Также, с другой стороны, от судов и ахейцы спешили,
Эти – свозить мертвецов, а другие – деревья из леса.

(Дидим) Аристарх «мертвых» (νέκυς) с удлинением и «торопились» (ὀτρύνοντο). Α.

Здесь конкурируют два чтения: ὤτρυνον νέκυας (вульгата по Т. Аллену) и ὀτρύνοντο νέκυς (по Аристарху), причем также встречаются разновидности ὀτρυνον и ὠτρύνοντο (отличающиеся от предыдущих аугментом – см. выше). Различаются формы на -ον и на -οντο залогом глагола (действительный в первом случае и страдательный во втором). Один вариант: «аргивяне **торопили** свозить мертвых от кораблей», другой – «**торопились** свозить мертвых», и этот последний по смыслу кажется предпочтительным. Итак, чтение Аристарха принимают и Т. Аллен, и М.Л. Уэст (но только последний дает форму с аугментом). Видимо, мы имеем дело с очередным исправлением, которым Аристарх восполняет недостатки рукописной традиции.

Впрочем, по М.Л. Уэсту, никакого единого чтения вульгаты в данном случае не существует. Древнейшие и важнейшие рукописи, на которых он основывается, разделяются между четырьмя вариантами, причем многие поддерживают Аристарха. Итак, здесь мы сталкиваемся с проблемой условности вульгаты: нужно ли включать в это понятие многочисленные более новые рукописи? Если да, это будет иногда влиять на «чтение большинства», причем множество более поздних рукописей, отраженных в издании Т. Аллена, будет дальше от вариантов александрийца.

Значительная часть больших вариантов Аристарха не оказывает заметного влияния на смысл и, пожалуй, в контексте этой книги не нуждается в подробном обсуждении. Приведу ради примера несколько таких вариантов (чтение вульгаты выделено полужирным):

Стих	Варианты	Источники/ критики
5.757	τάδε καρτερὰ ἔργα «эти сильные дела» τάδε ἔργ' αἰδηλα «эти губительные дела»	Аристарх «другие»
10.538	κατὰ φρένα «в душе» μετὰ φρεσί «в душе»	Аристарх
16.522	οὗ παιδός «своего сына» (родит. пад.) ᾧ παιδί «своему сыну» (дат. пад.)	Аристарх
17.456	ἐνέπνευσεν μένος ἦϋ «вдохнул великую силу» μένος πολυθαρσές ἐνῆκε «храбрую силу он дал»	Аристарх Зенодот
18.485	οὐρανός ἐστεφάνωται «небо венчается» οὐρανὸν ἐστεφάνωκε «увенчал небо» οὐρανὸν ἐστήρικται «укрепил небо»	Аристарх Зенодот
18.568	πλεκτοῖς ἐν τάλάροισι «в сплетенных корзинах» πλεκτοῖσιν τάλάροισι «сплетенными корзинами»	Аристарх
24.20	αἰγίδι χρυσεῖη «золотым эгидом» (дат. пад.) αἰγίδα χρυσεῖην «золотой эгид» (винит. пад.)	Аристарх

По моим подсчетам, сохранилось 61 большое разночтение Аристарха к «Илиаде». В этом разделе разобрано или упомянуто около трети от этого числа, и видно, что даже самые радикальные исправления александрийцев часто не могут быть отражены в переводе. Изменения даже в самом точном переводе оказываются значительнее, чем различия многих больших вариантов, обсуждаемых в комментариях Аристарха, его предшественников и последователей.

Глава IV

МАЛЫЕ ЧТЕНИЯ

Малые и минимальные варианты (так я называю те, которые затрагивают только форму слова или даже только ударение) составляют подавляющее большинство разночтений Аристарха – 92%. Этот факт кажется мне исключительно важным. Даже если считать вслед за М. ван дер Фальком, что большая часть вариантов Аристарха представляют собой конъектуры и не основаны на рукописном предании, такая пропорция вариантов уже сама по себе свидетельствует о высочайшей филологической культуре, к которой пришло ко II веку до н.э. развитие александрийской науки.

Некоторая часть чтений Аристарха не относится к конъектурам и при этом не следует рукописному преданию, между тем очень важно обратить на нее внимание. 94 разночтения из группы малых вариантов касаются только или почти только ударения в конкретном слове. Этих вариантов заметно больше, чем вертикальных и больших горизонтальных вариантов, вместе взятых! При этом нельзя сказать, что мы имеем дело с чисто корректорской правкой: перед нами филологическая работа по установлению или уточнению недавно установленных орфографических правил.

Подход Аристарха не столько лингвистический (обращенный к языку как таковому), сколько историко-филологический, нацеленный на особенности конкретного текста, диалект которого иногда весьма далек от узуса эпохи. Расстановка ударений, уточнение орфографических тонкостей отнюдь не были механи-

ческой работой; именно эта деятельность позднее заложила основу системы греческой орфографии. Эти правила в своей уже средневековой редакции сохраняются до настоящего времени в практике издания античных и византийских текстов. Даже радикальная орфографическая реформа новогреческого языка, который пользовался традиционной системой ударений и придыханий, не уничтожила всех диакритических знаков, введенных александрийцами. До сих пор постановка ударения в новогреческих неодносложных словах является обязательной.

Два или три десятка разночтений Аристарха (поскольку эта группа существенно пересекается с предыдущей и точная цифра зависит от метода подсчета, а также от интерпретации не всегда однозначных схолиев) касаются слитно-раздельного написания соседних слов. Подавляющее большинство слитно-раздельных и акцентных вариантов неинтересны с точки зрения смысла и не поддаются русскому переводу, по крайней мере, в том жанре, который избран для этой книги. Тем не менее, обратить внимание читателя на эти чтения необходимо.

В этом разделе чтения Аристарха снабжены сравнительно краткими комментариями, однако некоторые из них заслуживали бы целой статьи. Как образец развернутого и исчерпывающего анализа можно привести статью Е.Л. Ермолаевой о варианте Аристарха, в котором смысл зависит только от деления текста на слова¹.

α. Чтения, ограниченные рамками одного слова

Эта группа составляет треть в предлагаемой классификации чтений Аристарха по объему: к ней принадлежит 325 вариантов.

¹ Ермолаева Е.Л. II. XIX, 107: ψευστήσεις versus ψεύστης εἶς или могла ли Гера сказать Зевсу: «Ты лжец»? // *Hyperboreus* Vol. 7. 2001. Fasc.1-2. С. 60-71.

Из них примерно половина (162 случая) – чтения, которые затрагивают знаменательные слова, другая половина – служебные, куда включаются также местоимения и те знаменательные слова, в которых меняются приставки, не затрагивая корня.

1.

Ил. 1.350 (Ахилл горюет у моря) θῖν' ἔφ' ἀλὸς πολίης, ὀρώων ἐπὶ οἴνοπα πόντον·
Сел близ седого прибоья, смотря в винночерное море...
(Дидим) Так «бесконечное» (ἀπείρονα), не «винночерное» (οἴνοπα) [рукопись] Аристарха. Aint

Все средневековые рукописи и несколько античных папирусов, а также схолии и античные цитаты этого места единодушно дают οἴνοπα (буквальный перевод был бы «видом подобное вину»). Форма прилагательного ἀπείρονα у Гомера неоднократно встречается, но обычно применительно к земле, за исключением одного стиха в «Одиссее» (Од. 4.510)².

Возможные интерпретации этого варианта Аристарха чрезвычайно показательны. К.Ф. Амайз полагает, что этот вариант увеличивает эмоциональный эффект от сцены Пелида, тяжело переживающего обиду от Агамемнона и разлуку с Брисеидой. У. Лиф полагает это толкование неуместной модернизацией, предпочитая рукописное предание. Т. Аллен дает в своем издании вариант Аристарха, Г. ван Тиль и М.Л. Уэст делают иной выбор.

Прежде всего можно обратить внимание на то, что в схолии дается единственное число и *одна* из рукописей Аристарха содержит этот вариант; напрашивается предположение, что

² τὸν δ' ἐφόρει κατὰ πόντον ἀπείρονα κυμαίνοντα. Обсуждаемое прилагательное у Вересаева не переведено: «Вслед за собою увлек и его он в кипящее море».

другая соглашается с рукописной традицией. Это предположение в свою очередь заставляет вспомнить идею Г. ван Тила, что многие чтения александрийских филологов на самом деле представляют собой варианты для сравнения. Если принять эту гипотезу, то получается, что Аристарх оставляет в тексте *οἴνολα*, но записывает в своем комментарии примерно следующее: «Здесь возможно было бы употребить и эпитет *ἀπειρώνα*, как в «Одиссее», если воспользоваться элизией».

Если же это предположение неверно, то получается, что Аристарх в некоторых случаях ведет себя как аномалист, то есть сторонник выбора при возможности уникальных вариантов в ущерб единообразным. Эта интерпретация противоречит распространенной трактовке принципа «объяснять Гомера из Гомера», которая приписывает Аристарху аналогизм: стремление искоренять уникальные чтения и насаждать единообразные.

2. Между тем случай 1.447 показывает пример достаточно последовательного аналогистического подхода:

Ил. 1.447 παῖδα φίλην· τοῖ δ' ὤκα θεῶ κλειτήν ἑκατόμβην
...Дочь дорогую отец. Между тем гекатомбную жертву (букв. славную гекатомбу)...
(Дидим) «Священную» (<i>ἱερήν</i>), а не «славную» (<i>κλειτήν</i>) дают [рукописи] Аристарха.

В обеих поэмах Гомера встречаются обе формулы: и «священную гекатомбу» (в «Одиссее» чаще во множественном числе), и «славную гекатомбу». Например, в Ил. 4 неподалеку стоят *κλειτήν ἑκατόμβην* (стихи 102 и 120), а в Ил. 1 почти подряд идут *ἱερήν ἑκατόμβην* в 441 и 443. Поэтому, когда существительное вновь повторяется через несколько стихов, Аристарх — ведь речь идет о том же самом жертвоприношении! — вновь дает эпитет. Разницу с предыдущим случаем здесь можно было

бы усмотреть именно в том, что в соседних стихах трижды упоминается одно жертвоприношение, но ведь и конкурирующие эпитеты «винночерное/бесконечное» тоже характеризуют один денотат – «море». Итак, абсолютной ясности в принципах выбора эпитетов здесь не находим. Это можно понимать как косвенное свидетельство в пользу внимания Аристарха прежде всего к рукописной традиции.

Формы причастия настоящего времени от глаголов «идти» и «быть» (ἰών и ἐών) отличаются одной буквой. Аристарх несколько раз предлагает варианты этого типа, причем где-то он соглашается с нашей вульгатой, а где-то противоречит ей; иногда выбирает один глагол, иногда высказывается в пользу другого.

Вариант вульгаты и Аристарха	Другой вариант
<p>Ил. 4. 277 τῷ δέ τ' ἄνευθεν ἐόντι μελάντερον ἤῤτε πίσσα Издали взору его, как смола, представляясь черной... [букв.: ему, находящемуся вдалеке]</p> <p>Ил. 13.415 εἰς Ἄϊδος περ ἰόντα πυλάρταο κρατεροῖο Что, отправляясь к ворот замыкателю богу Аиду...</p>	<p>Идущему вдалеке</p> <p>? находясь у ... Аида</p>
Вариант вульгаты	Вариант Аристарха
<p>Ил. 4. 425-6 (κῦμα)...ἀμφὶ δέ τ' ἄκρας / курτὸν ἐὸν коруφοῦται ... и выше утесов Скачут горбатые волны... [букв.: (волна)... и около вершины будучи кривой поднимается]</p> <p>Ил. 22. 85 τείχεος ἐντὸς ἰών, μὴ δὲ πρόμος ἴστασο τοῦτῳ</p>	<p>Кривая у вершины, двигаясь, поднимается <i>или</i> и, у вершины криво идя, поднимается</p> <p>находясь внутри стены</p>

Из-за стены городской, а один впереди не сражайся! [букв.: ходя внутри стены]	
--	--

Кажется, здесь Аристарх не слишком доверяет традиции, не оказывает предпочтения какому-либо из этих глаголов, а опирается прежде всего на смысл. Даже те варианты александрийца, которые не поддерживаются рукописями, вполне могут быть подлинными; по крайней мере, М.Л. Уэст, который не во всем согласен с Аристархом, в последних двух случаях соглашается с его мнением, оставляя вариант вульгаты в аппарате.

Также следует отметить, что «другой вариант» к Ил. 13.415 не встречается в рукописях, а в схолиях на него дается только намек: «Так через ι [рукописи] Аристарха». Поскольку ничего, кроме альтернативного чтения ἐόντα, понять из этого краткого указания нельзя, неясно, как мог бы выглядеть этот вариант. Во всяком случае, он требует смены предлога и, возможно, другого падежа Аида и зависимых от него слов.

Что же касается Ил. 4. 277, то здесь Аристарху противостоит Зенодот, и оба чтения выглядят убедительно.

3.

Ил. 4.170 αἴ κε θάνῃς καὶ μοῖραν ἀναπλήσῃς βίότοιο.
--

Если сегодня умрешь, окончания жизни достигнув! [букв. исполнив судьбу (μοῖραν) жизни]

(Дидим) πότμον [дают рукописи] Аристарха, не μοῖραν, как обиходные (κοινά) [рукописи].
--

Здесь нужно отметить три момента: во-первых, речь идет не только о выборе синонима для понятия «судьба» (μοῖρα – участь, а πότμος – чаще всего злой рок), но и о гомеровских формулах: с этим глаголом далее еще раз встречается именно πότμον (Ил.

11.263). Во-вторых, Аполлоний Родосский, видимо, был согласен с нашей вульгатой, так как у него это словосочетание встречается дважды («Аргонавтика» 1.1035 и 1.1323). В-третьих, характерно, что «обиходные» рукописи схолиев соответствуют подавляющему большинству средневековых манускриптов и трем папирусным фрагментам, покрывающим это место.

4.

Ил. 5.403 (О Геракле, который напал даже на богов)

σχέτλιος ὀβριμοεργός ὃς οὐκ ὄθεται αἴσυλα ῥέζων,

Дерзкий, неистовый! Он, не страшась, совершал злодеянья...

Аристарх αἰσυλοεργός [«преступнодельный» вместо ὀβριμοεργός «великодельный»].

Не исключено, что причина замены – недостаточная экспрессивность слова ὀβριμοεργός, которое должно было в этом контексте быть резко отрицательным. При этом поздние словари дают нам достаточно нейтральный смысл: «делающий великие дела» (Суда), «тот, на кого возложены великие дела и сильно их совершающий» (Etymologicum Magnum³). Однако у Гомера это слово употребляется ниже тоже в резко негативном контексте: (Приам об Ахилле) «Буду я этого мужа молить, нечестивца, злодея» (Ил. 22.418: λίσσωμ' ἀνέρα τοῦτον ἀτάσθαλον ὀβριμοεργόν).

Слово же αἰσυλοεργός почти нигде более не встречается; оно похоже на окказионализм, придуманный как раз для этого случая с использованием αἴσυλα, которое стоит в этой же строчке и точно имеет отрицательный смысл. Однако, как справедливо отмечает Дж. Керк, «такого рода этимологические привески хорошо известны у Гомера»⁴.

³ Византийский словарь XII в.

⁴ Kirk G.S. Commentary... Vol. II. P. 103.

Прилагательное ὄβριμοεργός из эпиков также встречается у Гесиода («Теогония», 996), в «Войне мышей и лягушек» (в пародийном стихе с аномально длинными словами) и у позднеантичного астронома, известного под именем Манефон (предпол. III в. н.э.). Слово αἰσυλοεργός попадает еще реже, причем очевидно, что в словарях оно взято отсюда. Из эпиков его употребляет астроном Максим, время жизни которого примыкает к датировке Манефона. Эллинистические поэты об этом различии не упоминают.

5.

Ил. 8.349 (О Гекторе)

Γοργούς ὄμματ' ἔχων ἠδὲ βροτολοιοῦ ἄρῆος.

Взором подобный Горгоне иль мужеубийце Аресу.

(Дидим) Зенодот пишет Γοργόνοϛ [а не Γοργούϛ], а Гомер говорит без ν: Γοργό (Ил. 11.36), как Сапφό (...). Аристарх пишет с ι: οἴματ' ἔχων [«имея натиск», а не «имея очи»], и говорят, что это происходит от [слова] οἴμος [«путь»] (...) Тем не менее многие [рукописи] имеют простонародный [вариант] Γοργούϛ ὄμματ' ἔχων, которые поддерживает и сказанное в другом месте τῆ δ' ἐπὶ μὲν Γοργὼ βλοσυρῶπιϛ «Горгоны ... свирепо глядящей» (Ил. 11. 36). Итак, трудно сказать точно. А

(Экзегетич.) [Рукописи] Аристарха οἴματα, а многие – ὄματα, так как поэт говорит Γοργὼ βλοσυρῶπιϛ, и обычно он дает характеристике через глаза: «глазами и головой» (Ил. 2.478), «имея глаза собаки» (Ил. 1.225) и «он был косою» (Ил. 1.217). Т

Итак, в этом стихе есть два различия, обсуждаемые в схолиях. Первое принадлежит Зенодоту, который склоняет Горгону иначе, чем большинство рукописей (и ближе к русскому варианту этого имени). Это не нововведение Зенодота: такое же написание встречаем у Еврипида; возможно, перед нами следы аттической версии «Илиады». Я не учитываю это различие в числе аристарховых, так как у нас нет прямых све-

дений о том, что читал в этом месте Аристарх, хотя едва ли могут возникнуть сомнения, что последний в этом случае согласен с вульгатой⁵.

Следующее слово в *обоих* изданиях «Илиады» Аристарха трактуется как «напор, натиск» (скорее всего, во множественном числе; в принципе возможно и единственное οἶμα, но тогда возникает неблагозвучное столкновение гласных – зияние⁶). Наряду с процитированным в схолиях «имея глаза собаки», встречаем в «Илиаде» «имея натиск льва» (Ил. 16.752 – Патрокл перед самой гибелью) и «имея натиски орла» (Ил. 21.252 – об Ахилле). Таким образом, вопрос экзегетических схолиев таков: «Как Гомер обычно характеризует своих персонажей?», а Аристарх представляет проблему иначе: «Как употребляются в «Илиаде» слова οἶματα и ὄματα с причастием от глагола ἔχω?». Похоже, Аристарха больше заботит не эстетика, а аутентичность.

6.

Ил. 7.304
σὺν κολεῶ τε φέρων καὶ ἐϋτμήτῳ τελαμῶνι
Вместе с ножнами и вместе с ремнем вырезным перевесным
(Дидим) Аристарх через к «ἐϋκμήτῳ». А Т

Прилагательное ἐϋτμήτος происходит от глагола τέμνω «резать» и буквально переводится «хорошо вырезанный» (видимо, имеется в виду резьба, украшавшая ремень). Прилагательное ἐϋκμήτος тоже должно обозначать «хорошо -нный», только вот

⁵ М.Л. Уэст дает в аппарате при чтении вульгаты Γοργούς также помету «Ag.»; Т. Аллен в аппаратах обоих своих изданий не высказывает суждений по поводу того, как Аристарх склонял имя Горгоны.

⁶ Это зияние постоянно встречается у Гомера и в античности иногда воспринималось как эстетическое средство.

от какого глагола – с учетом того факта, что на κτ- никакие греческие слова не начинаются? Лучше всего подходит глагол κάμνω «уставать», который в аористе может иметь значение «сделать, сработать». С некоторой натяжкой можно перевести эту форму как «хорошо сработанный», что подтверждается словарем Гесихия, где дается значение «хорошо, крепко сколоченный».

Все это не выглядит решением проблемы, так как, кроме этого схолия и словаря Гесихия, слово ἐῦκμητος более нигде не встречается. Очень вероятно, что в словарь это слово было включено именно потому, что было замечено у Аристарха, а подходящее значение этому слову мог вывести из контекста сам Гесихий, лексикограф V в., или его предшественник. Таким образом, ἐῦκμητῶ следует признать «более трудным чтением».

Возможное исправление находим в некоторых рукописях: ἐῦδμητῶ «хорошо построенный»; оно встречается у Гомера, но по отношению к зданиям, и не очень подходит к данному контексту. Итак, в данном случае ни вариант Аристарха, ни его резоны реконструировать невозможно. Как обычно, остается возможность, что перед нами – параллельное место из неизвестного источника.

7.

Ил. 7.197-8 (Речь Аякса Теламонида)
οὐ γάρ τις με βίη γε ἐκὼν ἀέκοντα δίηται
οὐδέ τι ἰδρεΐη, ἐπεὶ οὐδ' ἐμὲ νήϊδά γ' οὕτως

Как бы кто ни желал, меня ни искусством, ни силой
Против воли моей отступить не заставит...

(Дидим) Аристарх через λ «ἐλών» («взяв»). А
[Рукописи] Аристарха и многие «ἐλών». Т

Чтение вульгаты ἐκὼν переводится как «добровольный, охотный, намеренный». Буквальный перевод стиха 197: «Дело

в том, что никто меня и силой желающий нежелающего не обратит в бегство». Вариант вульгаты правильный и вполне понятный, такого рода этимологическая игра встречается у Гомера, причем однажды даже с этими двумя словами (ἐκὼν ἀέκοντί Ил. 4.43). Однако есть странность по смыслу: противник на поле боя всегда желает обратить тебя в бегство, даже если он труслив и готов бежать сам. Зачем в таком случае нужно подчеркивать, что оппонент Аякса будет применять к нему силу добровольно и намеренно? Возможно, исправление Аристарха призвано решить эту проблему.

8.

Ил. 10.159 (Нестор будит Диомеда)

ἔγρεο Τυδέος υἱέ· τί πάννουχον ὕπνον ἄωτεῖς;

Встань, сын Тидея! Ужели всю ночь почивать собрался ты?

(Дидим) Двойко Аристарх ἔγρεο «пробудись» и ὄρσεο «встань». А Пишут и ὄρσεο. Аристарх двойко. Т

Форма ἔγρεο в «Илиаде» не встречается более ни разу (в «Одиссее» – дважды). Наоборот, ὄρσεο в «Илиаде» встречается четыре раза, но никогда или почти никогда не относится именно к пробуждению. Обычно этот глагол начинает речь персонажа, который убеждает другого персонажа, что нужно немедленно действовать. Я думаю, что нелегкий выбор Аристарха – и мы не знаем, на каком из вариантов он в итоге остановился – связан с трудностями анализа гомеровского словоупотребления.

9.

Ил. 9.653

κτείνοντ' Ἀργείους, κατὰ τε σμῦξαι πῦρὶ νῆας.

Смерть аргивянам неся и огнем корабли истребляя.

(Дидим) Так σμῦξαι Аристарх. Он знал и вариант φλέξαι. А

Глаголы $\sigma\acute{\upsilon}\chi\omega$ и $\phi\lambda\acute{\epsilon}\gamma\omega$ – синонимы, но первый из них, строго говоря, обозначает «заставлять тлеть, уничтожать медленным огнем». Возможно, второй вариант, отвергаемый рукописями и Аристархом, как раз и был призван уничтожить эту «проблему», вызванную соображениями, что троянцам ахейские корабли нужно было просто сжечь, и притом как можно быстрее. Однако с приставкой $\kappa\alpha\tau\acute{\alpha}$, которая здесь в тмесисе (см. главу 1) стоит отдельно, это небольшое различие в значениях глаголов нивелируется. Детали скрывает приставка, которая подчеркивает полное совершение действия.

10.

Ил. 9.464

 $\eta\grave{\iota}\ \mu\acute{\epsilon}\nu\ \rho\omicron\lambda\lambda\acute{\alpha}\ \epsilon\tau\alpha\iota\ \kappa\alpha\iota\ \acute{\alpha}\nu\epsilon\psi\iota\omicron\iota\ \acute{\alpha}\mu\phi\iota\varsigma\ \acute{\epsilon}\omicron\nu\tau\epsilon\varsigma$

Множество всякой родни окружало меня неотступно.

(Дидим) Дионисий Фракиец в [сочинении] «Против Кратета» при [обсуждении] ристания (Ил. 23.262 слл.) говорит, что Аристарх заменил $\acute{\alpha}\nu\tau\iota\acute{\omicron}\omega\nu\tau\epsilon\varsigma$ [«встречающиеся»?] на $\acute{\alpha}\mu\phi\iota\varsigma\ \acute{\epsilon}\omicron\nu\tau\epsilon\varsigma$ [«вокруг находящиеся»]. АТ

В другом $\acute{\epsilon}\gamma\gamma\upsilon\varsigma\ \acute{\epsilon}\omicron\nu\tau\epsilon\varsigma$ [«близко находящиеся»]. А

Этот пример из истории Феникса, о которой подробнее см. выше, показывает плачевное состояние источников сведений о полемике между Александрийской и Пергамской школами. Так, из свидетельства Дионисия Фракийца можно сделать вывод, что странное чтение $\acute{\alpha}\nu\tau\iota\acute{\omicron}\omega\nu\tau\epsilon\varsigma$ принадлежит Кратету, но это будет лишь гипотезой; немногочисленные другие свидетельства о чтениях этого грамматика также дадут нам лишь немного. Едва ли возможно использовать свидетельство Дионисия как доказательство влияния Аристарха на вульгату.

11.-15. В заключение этого раздела приведу несколько примеров без комментария или с краткими пояснениями. Знак «—»

означает несогласие Аристарха с чтением вульгаты, знак «+» – согласие:

– Ил. 2.266 (Терсит плачет)

πλῆξεν· ὃ δ' ἰδνώθη, θαλερόν δέ οἱ ἔκπεσε δάκρυ·

Сжался Ферсит, по щекам покатались обильные слезы...

Так [рукописи] Аристарха «выбежала» (ἔκφυγε) [слеза вместо «выпала» (ἔκπεσε)]. И это гомеровское словоупотребление, так как иногда [глаголом «бежать»] он изображает быстроту (...).

В оригинале слеза только одна, и быстрая (θαλερόν).

+ Ил. 3.125-6 (Елена за работой)

ἦ δὲ μέγαν ἰστόν ὕφαινε
δίπλακα πορφυρέην, πολέας δ' ἐνέπασσεν ἀέθλους

...огромную ткань она ткала –
Плащ тёмно-красный двойной, и на нем выводила сраженья...

(Дидим к 126) И [рукописи] Аристарха, и [рукопись] Зенодота, и [рукопись] Аристофана имеют «темно-красный», не «блистающий» (μαρμαρέην). И это более подходящее, так как и у нимф «одеянья прекрасные цвета морского пурпура» (ἀλιπόρφυρα, Од. 13.108).

Отметим, что начало стиха 126 повторяет в поэме «Аргонавтика» (1.722) Аполлоний Родосский (πορφυρέην), а чтение μαρμαρέην без комментариев встречаем в цитате у Афиней.

– Ил. 4.456

ὥς τῶν μισγομένων γένητο ἰαχὴ τε φόβος τε.

Так от смешавшихся ратей и шум разливался, и ужас.

(Дидим) Аристарх «шум и страдание» (πόνος), так как не было никакого бегства.

Слово φόβος «ужас» однокоренное с глаголом φέβομαι «бежать в страхе» и неоднократно употребляется у Гомера в значении «бегство» (например, Ил. 5.252, 8.139).

+ Ил. 5.103-4 (Пандар ранил Диомеда) βέβληται γὰρ ἄριστος Ἀχαιῶν, οὐδέ ἔφημι δήθ' ἀνσχίσεσθαι κρατερὸν βέλος
Ранен храбрейший ахеец! Недолго, я думаю, сможет Он со стрелюю бороться могучею...
(Дидим) Аристарх βέλος [«стрела», не μένος]

Если ἀνσχίσεσθαι βέλος означает «терпеть стрелу», то ἀνσχίσεσθαι μένος можно перевести как «сохранять у себя силу/[боевую] ярость». Это чтение встречается в одном папирусе и в нескольких средневековых рукописях.

– Ил.5.797 ἀσπίδος εὐκύλου τῷ τρίβετο, κάμνε δὲ χεῖρα
Щит закругленный; и пот изнурял, и рука уставала [букв. и он был изнуряем]
(Дидим) Аристарх τεῖρετο, другие же τρίβετο. А Аристарх τεῖρετο, обиходные же τρίβετο.

Глаголы τεῖρω и τρίβω – синонимы со значением «изнурять», но последний часто обозначает «тереть, растирать, натирать», так что вариант вульгаты имеет еще и значение «ему натирало». Никакого «пота» в греческом тексте нет. «Обиходные» рукописи и здесь совпадают с нашей вульгатой.

β. Чтения, изменяющие форму или правописание слова

Большинство чтений Аристарха (59%) не просто затрагивают одно слово, но лишь влияют на его форму или правописание. Даже если предположить, что эти чтения часто имеют конъектуральное происхождение и не основаны на рукописной традиции, нельзя не отметить ту осторожность, с которой действует Аристарх. Также нужно отметить, что конъектуральное

чтение – не значит плохое и неправильное. Не следует думать, что, вооруженные устной теорией, знанием микенских документов и гомеровской археологии, мы во всем превосходим эллинистических филологов. Хотя бы один уже тот факт, что они были знакомы со множеством текстов, которые не сохранились до наших дней, должен удерживать нас от слишком уверенных констатаций собственного превосходства.

Дж.С. Кёрк пишет: «В целом я согласен с ван дер Фальком... что «чтения Аристарха — почти всегда субъективные и личные догадки»⁷; даже если это мнение в значительной степени верно, то догадки александрийских филологов нередко основаны на знаниях, которыми мы не обладаем, а то, что нам представляется явными несообразностями, не всегда на деле таково.

Малые чтения, которые затрагивают лишь форму слова, особенно трудно адекватно представить в книге на русском языке, так что я ограничусь лишь немногочисленными примерами двух типов: изменение числа и наличие/отсутствие аугмента. В последнем случае приводится полный список из 44 вариантов, что вдвое больше вертикальных чтений и лишь в полтора раза меньше больших горизонтальных чтений Аристарха в «Илиаде».

β.α. Единственное, двойственное или множественное?

1.

Ил. 1.585 (Гефест дает Гере кубок)

δέπας ἀμφικύπελλον
μητρὶ φίλῃ ἐν χερσὶ τίθει καὶ μὴν προσέειπε·

...кубок двуручный

Подавал матери [в руки] милой и вновь обратился к ней с речью...

⁷ Kirk G.S. Introduction... Vol. I. P. 43.

(Дидим) подает в руки: [издания] Аристарха [дают] так: «в руку» (ἐν χειρί), а не во множественном числе «в руки», подобным же образом и Массильское, и [издание] Сосигена, и Аристофана. И [это] согласуется с последующим «И приняла [рукой], улыбнувшись, наполненный кубок от сына» (596). А
У всех в единственном числе «в руку», а не во множественном. И согласуется с «приняла рукой сосуд». Т

Наиболее естественно считать, что единственное число – конъектура, основанная на том, что через несколько стихов будет «рукой», а не «руками». Но этот аргумент едва ли важен, потому что, скорее всего, множественное число в выражении «в руки» передает абстрактное значение (ср. русское устойчивое словосочетание «из рук в руки», которое может применяться даже к нематериальным объектам).

Однако ссылки на предшественников мешают признать это чтение Аристарха обычной конъектурой. Даже если этот вариант гипотетичен, то это предположение не принадлежало Аристарху, а было им принято с учетом анализа имевшихся у него рукописей, перечисленных в схолиях.

2. В нескольких случаях Аристарх отстаивает употребление двойственного числа⁸:

Ил. 10.53 (Агамемнон велит Менелаю)
ἀλλ' ἴθι νῦν Αἴαντα καὶ Ἴδομενῆα κάλεσσον

Вот что, однако: беги поскорей к кораблям, позови-ка
Идомедея с Аяксом.

⁸ 2.221; 5.272; 5.560; 7.7; 10.53; 12.330; 13.423. Интересно, что Аристарх, кажется, никогда не избегает двойственного числа. Указывает ли это на конъектуральное происхождение перечисляемых здесь чтений?

(Дидим) Дидим говорит, что Аристархово написание Αἴαντε в двойственном числе, а Телеф говорит, что плохо сказал Дидим: ведь не к обоим Аяксам посылается Менелай. А.

Если считать, что вариант Аристарха имеет конъектуральное происхождение (во всяком случае, двойственное число слабо поддержано рукописями), то оно, вероятно, связано с тем, что на совете присутствуют оба Аякса (Ил. 10.228); впрочем, второго, быстрого Оилида, могли позвать и Нестор с Диомедом (Ил.10.110, 175-6).

Обычно, однако, вопрос о числе имени, местоимения или артикля, – это вопрос о том, к какому слову это имя относится. Например, в Ил. 5.272 речь идет о двух конях Энея и словосочетание «возбудитель страха» может относиться к грозному герою (если считать, что оно стоит в единственном числе) или к грозным животным (если, вслед за Аристархом, видеть здесь двойственное).

Или в Ил. 9.128 и 9.270 идет речь о девушках-рабынях, знающих ремесла. Между двумя существительными – прилагательное «безупречный, превосходный», которое относится то ли к девушкам (по Зенодоту), то ли к ремеслам (согласно Аристарху и рукописям). Различие в одной букве: ἀμύμονας/ἀμύμονα, но одна буква обуславливает различие метрической позиции. Вариант Зенодота считается неправильным и всеми отвергается. Я говорю «считается» потому, что нередко мы встречаем неверную интерпретацию чтений первого руководителя Александрийской библиотеки: его варианты обрываются при цитировании и кажутся метрически неправильными, грамматически ущербными или абсурдными по смыслу.

2. Вот один из примеров «травли» Зенодота, которая, очевидно, несправедлива. В стихе Ил. 13.423 идет речь о победе Деифоба над Гипсенором. Победитель считает, что побежден-

ный уже не поднимется: «Да! Не совсем без отмщенья здесь Асий лежит! Полагаю, / Что, отправляясь к ворот замыкателю богу Аиду, / Будет обрадован он: герою попутчика дал я!» (414-416). Но два соратника выносят Гипсенора из боя:

(Ил. 13.423)

νήας ἔπι γλαφυράς φερέτην βαρέα στενάχοντα

И понесли к кораблям крутобоким стонавшего тяжко.

(Дидим) Так через -ε издания Аристарха [читают] στενάχοντε («стонавшие» в дв. числе), а не через α («стонавшего») о мертвеце, так как это смехотворно, но о поднявших [его]. А

(Дидим и Аристоник) «стонавшие» о носивших. Зенодот смехотворно [читает] «стонавшего» о мертвецe. bT

Из текста неясно, умер ли уже Гипсенор или только тяжело ранен, поэтому неясно, кто стонал: раненый или его безутешные товарищи. «Павший» русского перевода ничему по-гречески не соответствует, тем более что Гипсенор упал в самом буквальном смысле слова. В любом случае, мнение Зенодота по тексту нельзя назвать «смехотворным». Что же дают рукописи? Согласно изданию Т. Аллена, версия Зенодота соответствует большинству рукописей, хотя по М.Л. Уэсту вульгата согласна с Аристархом. Таким образом, чтение «стонавшие» встречается в большинстве древнейших и наиболее ценных рукописей «Илиады», однако в поздних манускриптах преобладает единственное число.

В оставшихся разночтениях, которые различаются грамматическим числом, мне не удалось найти никакой общей тенденции. Очевидно, здесь выбор того или другого варианта определяется исключительно частными условиями данного места. Характерно, что большинство этих чтений совпадает с вульгатой. Эти два фактора вместе: отсутствие общего принципа и частое согласие с рукописями – косвенно указывают на неконъектуральное происхождение этих чтений.

3. В середине 15 песни описывается единоборство Гектора и Аякса у корабля, который троянец пытается предать огню. В первой из двух цитируемых строк корабль несомненно «один», но в конце второго стиха это слово может стоять как в единственном ($\nu\eta\alpha$ по Аристарху) так и во множественном числе ($\nu\eta\alpha\varsigma$ по вульгате).

Ил. 15.416-7

$\tau\acute{\omega}$ δὲ μῆς περὶ νηὸς ἔχον πόνον, οὐδὲ δύναντο
οὐθ' ὁ τὸν ἐξελάσαι καὶ ἐνίπρῃσαι πυρὶ νῆας

Труд они оба несли пред одним кораблем, но напрасно
Этот старался защитника сбить и факел подбросить [букв. «зажечь
огнем корабли»].

(Дидим) Аристарх пишет без ς $\nu\eta\alpha$, ведь Гомер перед этим говорит
«труд несли пред одним кораблем». А

Вот что пишет по этому поводу современный комментатор Гомера авторитетнейший Ричард Джанко: «Сражение Гектора с Аяксом у одного корабля (416) предвосхищает 704 слл. Аристарх в 417 предлагает конъектуру $\nu\eta\alpha$ для связи с 416, однако $\nu\eta\alpha\varsigma$ лучше, так как Гектор стремится сжечь весь флот (ср. 8.182, 235, 12.198, 14.47, 16.82 все с $\nu\eta\alpha\varsigma$). $\nu\eta\alpha$ появляется в немногих позднейших рукописях из схолиев. Наоборот, некоторые рукописи имеют метрически неправильное $\nu\eta\alpha\varsigma$ в 420 стихе».

Мне кажется, этот случай хорошо показывает соотношение античных и современных методов постижения Гомера. Аристарх внимательно следит за макро- и микроконтекстами и выбирает согласование с последним и форму $\nu\eta\alpha$. В качестве контраргумента Джанко выдвигает ряд параллельных мест, где стоит исключительно $\nu\eta\alpha\varsigma$. Однако Аристарх знает эти стихи и учитывает их при выборе своего варианта.

Р. Джанко, конечно, прав, что Гектор собирается сжечь весь ахейский флот, но, чтобы сделать это, нужно предать огню хотя

бы один корабль! Именно это троянец и пытается предпринять в рассматриваемом фрагменте. Серьезным нужно признать лишь возражение, что рукописи не поддерживают Аристарха. Сопоставление аргументов античного и современного филолога показывает, что мы не можем сегодня чувствовать свое превосходство перед александрийскими учеными.

Пожалуй, единственная современная точка зрения, которая существенно меняет взгляд на обсуждаемый вопрос, – это перспектива устной теории, которая снимает саму проблему: так ли уж важно, произнес ли сказитель в ходе импровизации конечное ζ , и если да, то расслышала ли это аудитория? Ясно, что при другом исполнении Гомер рассказал бы об этом существенно иначе. Однако для нас, как и для Аристарха, Гомер – это застывшая в глубокой древности река. Мы можем по косвенным признакам реконструировать движение ее волн, но не видим самого этого движения. Попытки увидеть в сохранившихся разночтениях «Илиады» и «Одиссеи» равноправные варианты устной традиции, по моему мнению, встречают массу неразрешимых трудностей.

Мало что сегодня позволяет нам чувствовать превосходство над античными филологами, пытавшимися интерпретировать тот или другой контекст гомеровских поэм. Кроме того, древнегреческий был их родным языком и, несмотря на временную дистанцию, они чувствовали в древнем эпосе многое, чего не можем почувствовать мы. Платон был еще ближе к «Илиаде», но он не стремился понять ее из нее самой и ради нее самой, тогда как Аристарх явно пытается сделать именно это. Вот еще один повод прислушаться к александрийцу: он обладает совершенно той же мотивацией, что и мы, схожими критериями правильности суждений, а к тому же и недоступной нам языковой интуицией.

β.β. Аугмент

В гомеровских поэмах аугмент, который в языке классического периода использовался постоянно для маркирования форм прошедших времен, мог и отсутствовать. Рассмотрим, например, 4-5 стихи 1 песни «Илиады»:

<p>ἦρώων, αὐτοὺς δὲ ἐλώρια τεῦχε κύνεσσιν οἰωνοῖσί τε πᾶσι, Διὸς δ' ἔτελείετο βουλή,</p>
<p>— — — — — ∪ ∪ — ∪ ∪ — ∪ ∪ — — — — — ∪ ∪ — ∪ ∪ — ∪ ∪ — ∪ ∪ — —</p>
<p>Их же самих на съеденье отдавший добычею жадным Птицам окрестным и псам. Это делалось волею Зевса.</p>

Из глаголов τεῦχε «(с)делал» и ἔτελείετο «совершался/-ась/-ось» второй предстает с аугментом, а первый остается без него, хотя они стоят в одном и том же времени – имперфекте. В данном случае в рукописях нет различий, а у издателей – разногласий. Можно ли было в первом случае добавить аугмент, а во втором удалить его? На первый взгляд, можно, ведь для этого не потребовалось бы никаких изменений, кроме элизии: получилось бы ἐλώρι' ἔτευχε и δὲ τελείετο. Почему все же эти варианты даже не рассматриваются, я скажу позже, а сейчас примем утверждение, что использовался аугмент гибко, что доказывает и еще один пример, где аугменты (могли бы быть) представлены не дополнительным слогом, а удлинением начального гласного в глаголе (Ил. 1.10):

<p>νοῦσον ἀνὰ στρατὸν ὦρσε κακὴν, ὄλεοντο δὲ λαοί</p>
<p>— ∪ ∪ — ∪ ∪ — ∪ ∪ — ∪ ∪ — ∪ ∪ — ∪ ∪ — ∪</p>
<p>...наслал он Злую болезнь на ахейскую рать. Погибали народы...</p>

Оба глагола во фразе в прошедшем времени, однако в первом случае вульгата удлиняет начальный гласный глагола

ῥρνυμι (ῶ > ῶ̃), а во втором глаголе тот же начальный гласный остается кратким¹. Возможность как использовать аугмент, так и обходиться без него – это еще одна степень свободы устного импровизационного эпоса. Уже примеры из самых первых стихов «Илиады» показывают, что у Гомера невозможно провести стандартизацию ни в ту, ни в другую сторону.

Среди чтений Аристарха выделяется большая группа вариантов (44), которые связаны с удалением аугмента. Лишь в отдельных случаях филолог согласен с вульгатой, а обычно ей противоречит.

Ясно, что если аугмент представляет собой слог, то его удаление может повлечь другие изменения в стихе – иначе нарушится метрика. Однако в некоторых случаях наличие или отсутствие аугмента на ритм не влияет. Например, это бывает в том случае, если корень глагола начинается с долгого гласного; с аугментом или без него длина слога с этим гласным не изменится. Вот пример такого случая:

Ил. 1.598

Φνοχόει γλυκὸν νέκταρ ἀπὸ κρητῆρος ἀφύσσω·

— ◡ ◡ — ◡ ◡ — ◡ ◡ — — — ◡ ◡ — —

¹ Греческий текст дается по изданию М.Л. Уэста и большинству рукописей. В издании Т. Аллена у глагола ῥρνυμι нет аугмента. Видимо, он основывается на предполагаемом чтении Аристарха, который, как будет показано в этой главе, часто предпочитал чтение без аугмента, а также на некоторых рукописях, которые дают ῥρσε. Возможность выбирать между этими вариантами обусловлена тем фактом, что начальный слог глагола закрытый, а следовательно, метрически долгий. Что же касается аугмента в ῥλέκοντο, то он у данного глагола почти всегда отсутствует в имперфекте. Возможно, главная причина в метрике.

*Он налил*², из кратера им сладостный черпая нектар...

(Дидим) ῥνοχόει (он налил): Аристарх [читает] οἶνοχόει по-ионийски, и [то же] в Аргосской, Массильской и антимаховой [рукописи] и у Зенодота и Аристофана. А

(Дидим) ῥνοχόει: все [читают] οἶνοχόει по-ионийски. А [еще здесь] троп катахреза. Т

Здесь следует обратить внимание на упоминание «городских» (Аргосского, Массильского) и «личных» (Антимах) изданий гомеровской поэмы, которые не часто, но систематически цитируются в схолиях. Эти регулярные упоминания – важное доказательство того, что Аристарх опирался на чтения рукописей, а коньектуры не составляли основы его текстологической работы. Очевидно, необходимость удалять аугмент там, где он ни на что не влияет, была общим местом филологов и такие чтения часто встречались в их источниках; даже если решение Аристарха неверно, оно уже к тому времени имеет богатую традицию, и этой же практики придерживаются Т. Аллен и М.Л. Уэст. Г. ван Тиль, который строже следует рукописям, дает в своем издании ῥνοχόει.

Есть еще примеры, в которых наличие/отсутствие аугмента не влияет на метрику: у некоторых глаголов приставка оканчивается на гласный, и этот гласный чередуется с аугментом, не меняя число слогов и их долготу/краткость:

Ил. 16.379

πρηνέες ἐξ ὀχέων, δίφροι δ' ἀνακυμβαλίαζον.

— ∪ — ∪ — — — — ∪ ∪ — ∪ ∪ — —

Падали мужи ничком, и гремели, валясь, колесницы.

² Курсив маркирует изменения перевода Вересаева в пользу близости к оригиналу.

(Дидим) Так Аристарх ἀνακυμβαλίαζον (опрокидывались), через α, так как не каждый раз приставка изменяется у ионийцев. ·Α
 Так Аристарх, а другие ἀνεκυμβαλίαζον. Α
 (Экзегетич.) (...) [ἀνακυμβαλιάζω происходит] от кимвалов, которые прыгают, стуча друг о друга (...)

В данном случае Аристарх согласен с вульгатой. Цитата из экзегетических схолиев иллюстрирует те вопросы, которые прежде всего освещаются в этом источнике.

Остальные 19 чтений из этой группы приведу в кратком виде:

№	Стих	Чтение Аристарха	Другое чтение	Согласие Аристарха с рукописями
1.	4.213	ἔλκεν	εἶλκεν	–
2.	4.329	ἐστήκει	εἰστήκει	+
3.	4.367	ἐστήκει	εἰστήκει	+
4.	5.425	καταμύξατο	κατεμύξατο	–
5.	8.55	ὀπλίζοντο	ὠπλίζοντο	–
6.	10.354	ἐπεδραμέτην	ἐπιδραμέτην	–
7.	11.457	ἔλκε	εἶλκε	–
8.	11.600	ἐστήκει	εἰστήκει	–
9.	12.446	ἐστήκει	εἰστήκει	–
10.	14.249	ἐπίνυσσεν	ἐπένυσσεν	+
11.	14.285	ὑπο σείετο	ὑπεσειέτο	–
12.	16.504	ἔλκε	εἶλκε	–
13.	17.270	ἔχθαιρε	ἦχθαιρε	–
14.	17.395	ἔλκεον	εἶλκεον	+
15.	17.603	ἔλπετο	ἦλπετο	+
16.	18.557	ἐστήκει	εἰστήκει	+
17.	22.36	ἐστήκει	εἰστήκει	–
18.	23.106	ἐφεστήκει	ἐφειστήκει	–

Итак, в этих случаях Аристарх редко согласен с вульгатой (30%). Один из примеров (Ил. 10.354), где александриец предпочитает вариант с аугментом, вызывает сомнения: видимо, мы имеем дело с ошибкой традиции. Как показывает сравнение некоторых противоречащих друг другу схолиев, эту возможность всегда следует иметь в виду. С другой стороны, в схолиях нередко будут представлены примеры, которые отличаются от предыдущих исключительно отсутствием имени Аристарха. Например: (Дидим к Ил. 23. 691) ἐστῆκεiv: так без ι ἐστῆκεiv. Это по-ионийски.

Казалось бы, все эти примеры разумно было бы включить в анализ как «скрытые» чтения Аристарха. В самом деле, при цитировании – и этому легко во многих случаях найти подтверждение – имя филолога не называется, а просто говорится, что следует читать так-то. Но как тогда отличить варианты самофракийца от похожих предложений его последователей, сделанных по аналогии?

Никакого надежного средства не существует, но убедиться, что чтения Аристарха и варианты по аналогии с ним – это не всегда одно и то же, мне кажется, возможно. Рассмотрим внимательно употребление наречия «по-ионийски», которое встречается в гомеровских схолиях в двух вариантах: Ἴακῶς (57 раз) и Ἴωνικῶς (17 раз, из которых один – 23.691, приведенный выше). Сравним, насколько часто с этим наречием соседствует имя Аристарха, предполагая, что различное распределение этих синонимов в соединении с именем филолога укажет на то, каким из этих слов пользовался он сам.

Итак, из 57 употреблений Ἴακῶς 28 содержат упоминания Аристарха (подсчет производился так, что каждое из двух слов, относящееся к данному конкретному разночтению, считалось по отдельности). Причем обычно имя и наречие находились в непосредственной близости, и схолий был сравнительно кратким. Наоборот, Ἴωνικῶς почти никогда не употребляется

в сочетании с именем Аристарха: из 17 только 3 удовлетворяют этому критерию, и 2 из этих трех стоят рядом в длинном схолии, начало которого украшает имя Аристарха. В этом последнем случае можно говорить о разного рода ошибках, и у нас остается одно надежно засвидетельствованное соседство Ἰωνικῶς и «Аристарх». Вывод, очевидно, в том, что схолии с наречием Ἰωνικῶς едва ли принадлежат александрийскому филологу, а к неатрибутированным чтениям с Ἰακῶς, вероятно, нужно отнестись с особенным вниманием, как к потенциальным вариантам Аристарха.

Ил. 11.773 (Нестор описывает, как Пелей приносил жертву) πίονα μηρία καῖε βοὸς Διὶ τερπικεραύνῳ
Тучные бедра быка сожигал молневержцу Зевесу.
(Дидим) Аристарх [читает] μηρία καῖε. Α (Экзегетич.) [Нестор] говорит: «Боги свидетели, что мы пригласили вас в соратники, а вы нас оскорбляете, удалившись от битвы». bT

В данном примере, как и во многих других случаях, аугмент может быть добавлен, если в предыдущем случае сделать элизию. Приведу в кратком виде остальные 19 примеров такого рода:

№	Стих	Чтение Аристарха	Другое чтение
1.	1.162	μόγησα	ἐμόγησα
2.	1.464	μῆρε/μῆρα κάη [πάσαντο]	μῆρ' ἐκάη [ἐπάσαντο]
3.	2.427	πάσαντο	ἐπάσαντο
4.	2.682	νέμοντο	ἐνέμοντο
5.	3.415	ἔκπαγλα φίλησα	ἔκπαγλ' ἐφίλησα
6.	2.751	νέμοντο	ἔργ' ἐνέμοντο
7.	4.517	μοῖρα πέδησε	μοῖρ' ἐπέδησε
8.	6.155	τίκτεν	ἔτικτεν
9.	6.157	κακὰ μήσατο	κάκ' ἐμήσατο

10.	8.163	τέτυξο	έτέτυξο
11.	9.86	ἄμα στεῖχον	ἄμ' ἔστειχον
12.	9.492	πολλά πάθον	πόλλ' ἔπαθον
13.	9.492	πολλά μόγησα	πόλλ' ἐμόγησα
14.	16.207	θαμὰ βάζετε	θάμ' ἐβάζετε
15.	17.279	ἔργα τέτυκτο	ἔργ' ἐτέτυκτο
16.	18.549	τέτυκτο	έτέτυκτο
17.	20.156	λάμπετο	ἐλάμπετο
18.	23.455	τέτυκτο	έτέτυκτο
19.	24.648	ἄρα στόρεσαν	ἄρ' ἐστόρεσαν

Интересно, что во всех них Аристарх удаляет аугмент вопреки вульгате и только один раз (Ил. 18.549) в согласии с нею. Вероятно, варианты такого рода имели конъектуральное происхождение. Отмечу, что два разночтения в стихе Ил. 9.492 можно отнести к большим вариантам, однако понятно, что обсуждать их стоит исключительно в контексте этой группы случаев. К ней также относится стих Ил. 21.513, где чтением Аристарха затронуты два слова: νείκεα τύχθη вместо νεῖκος ἐτύχθη рукописей. Только здесь не предыдущее слово подвергается элизии, а изменяется число: «устраиваются вражда и ссоры» или «вражда и ссора» – смысл получается один и тот же.

Особого внимания заслуживает стих 12.30:

Ил. 12.28-30 (Посейдон после войны разрушает лагерь греков)
 ἤγεῖτ', ἐκ δ' ἄρα πάντα θεμεῖλια κύμασι πέμπε
 φιτρῶν καὶ λάων, τὰ θέσαν μογέοντες Ἀχαιοί,
 λεῖα δ' ἐποίησεν παρ' ἀγάρροον Ἑλλήσποντον.

Шел впереди, до основы водой из песка вырывая
 Бревна и камни, какие, трудясь, аргивяне сложили.
 Все он с землею сровнял до стремительных вод Геллеспонта.

(Экзегетическ.) λεῖα δ' ἐποίησεν (сделал ровным): ровным место стены. (Дидим) так Аристарх читает ἐποίησεν через ε. ΑΤ

В данном случае речь идет не о противопоставлении форм с аугментом и без, как можно было бы подумать, но о противопоставлении числовых форм глагола. В рукописях мы встречаем очевидную ошибку: форму ἐποίησαν «сделали», как если бы ахейцы после войны помогали Посейдону убрать следы своего пребывания. Можно сказать, что, борясь с очевидной ошибкой, Аристарх не замечает, что здесь можно еще и удалить аугмент. Я думаю, что правильнее считать, что позднейшие схолиасты ошиблись, и вариант александрийца был вопреки рукописям λεία δὲ ποίησεν – без аугмента и без элизии.

Два следующих примера сочетают в себе удаление аугмента и метрическое превращение дактилической стопы в спондеическую:

Ил. 21.84 (Ликаон перед смертью говорит Ахиллу) ὄς με σοὶ αὐτίς ἔδωκε· μινυνθάδιον δέ με μήτηρ
— ∪ ∪ — ∪ ∪ — ∪ ∪ — ∪ ∪ — —
Раз он опять меня отдал тебе. Родила кратковечным Мать [Лаофоя меня]...
(Дидим) Аристарх по-ионийски (Ἰακῶς) [αὐτίς] δῶκε. Α

В варианте вульгаты эта строка состоит из одних дактилей; чтение Аристарха дает спондей во второй стопе.

Стих Ил. 15.601, формально говоря, следовало бы исключить из числа примеров, но, скорее всего, в схолиях имеется ошибка:

ἐκ γὰρ δὴ τοῦ ἔμελλε παλίωξιν παρὰ νηῶν
— — — ∪ ∪ — ∪ ∪ — — — ∪ ∪ — —
С этого мига отпор победившим троянцам устроить Он от судов собирался.
(Дидим) Аристофан по-ионийски (Ἰακῶς) τοῦ μέλλε. ΑΤ

Мало сомнений в том, что здесь вместо Аристофана следует читать «Аристарх», так как подобные чтения характерны именно для последнего; такой точки зрения придерживаются и Г. Эрбзе, и М.Л. Уэст.

β.γ. Ударение и словораздел

1.

Ил. 1.52 βάλλ'· αἰεὶ δὲ πῦραὶ νεκρῶν καίοντο θαμειαί
После того и в людей посыпались горькие (букв. «частые») стрелы.
(Геродиан) θαμειαί: Памфил читает θαμειῖαι как ὀξεῖαι [«острые»], а Аристарх как πυκιναί [«частые»] (...). bT

Варианты Аристарха и жившего два века спустя в Александрии лексикографа Памфила различаются ударением. Не стоит удивляться их разногласиям, так как и носители современного русского языка произносят некоторые слова с разным ударением; в данном случае шла речь о специфическом гомеровском слове, которое, видимо, не употреблялось в обычном языке. Кроме Гомера оно встречается почти исключительно у поздних эпиков, а также у грамматиков и лексикографов. Итак, перед нами гомеровское слово, которое исчезло из греческого языка, но, возможно, не в последнюю очередь благодаря вниманию филологов, стало употребляться в эллинистической и позднеантичной поэзии как знак эпического стиля.

Спор об ударении в данном случае – это спор о типе склонения прилагательного: если его мужской род изменяется по второму склонению, прав Аристарх, если по третьему – Памфил. Последний руководствуется вполне разумным критерием: несколько форм мужского рода у Гомера встречаются и несомненно принадлежат к третьему склонению. Однако богатство гомеровской морфологии не позволяет однозначно присоеди-

ниться к этому решению: мы нередко встречаем в «Илиаде» и «Одиссее» слова, образующие формы одновременно по различным парадигмам. Можно согласиться с Пьером Шантреном, что акцентуация Аристарха «труднообъяснима»³, но она совсем не фантастична. В устном эпосе лабильность языка — одно из условий успешной импровизации, и сосуществование форм второго и третьего склонений в парадигме одного и того же прилагательного выглядит совершенно естественно.

2.

Ил. 2.316 (Змей пожирает птенцов и их мать)
τὴν δ' ἔλελιξάμενος πτερύγος λάβεν ἀμφιαχυῖαν

Вверх он взвился и схватил за крыло горевавшую птичку.

(D) πτερύγος [«крыла»]: с ударением на предпоследний слог. И хотя правило требует ударения на первый слог, как δοῖδυκος [«пестика»], но поскольку такое ударение казалось правильным Аристарху, поверим ему как самому лучшему грамматiku. AT

Этот случай замечателен не только трогательным доверием схолиаста к светилу александрийской филологии, но и тем, что в данном случае вульгата следует совершенно необычному чтению Аристарха. При этом в другом месте (Ил. 23.875) рукописи, наоборот, дают обычное ударение на первом слоге πτέρυγος. Слово «крыло», в отличие от предыдущего, встречается отнюдь не только в эпосе, так что причины колебаний грамматиков неясны.

³ *Chantraine P.* Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots. P., 1968. T. I. P. 421. См. также *Schwyzler E.* Griechische Grammatik. München, 1977. Bd. I. S. 385.

3.

Ил. 24.315-6 (Зевс дает знамение Приаму)

αὐτίκα δ' αἰετὸν ἦκε τελειότατον πετεηνῶν
μόρφνον θηρητῆρ' ὄν καὶ περκνὸν καλέουσι

Был им послан орел, безобманная самая птица,
Хищник темноперистый (μόρφνον); еще он «пятнистым» зовется.

(Геродиан) μόρφνον как „ὑπνον” [«сон»]. АТ

(...) мне кажется так читать правильно (...); и хотя Аристарх на масть орла ставит тупое ударение, традиция (παράδοσις) следует за теми, кто ставит острое. А

Круглые скобки в цитате из схолиев указывают на места, где пропущены рассуждения Геродиана о различных типах ударения в двусложных именах. На ряде примеров он пытается доказать закономерность острого ударения в μόρφνον⁴, ссылаясь также на грамматика Птолемея Аскалонита⁵. Интересна апелляция Геродиана к традиции и противопоставление ей Аристарха.

Прилагательное, предположительно означающее «темный», встречается у греческих авторов еще реже, чем «частый» из первого примера этого раздела, а этимология μόρφνος/μorfνός совершенно загадочна.

4.

Ил. 9.78 (речь Нестора)

νὺξ δ' ἦδ' ἠὲ διαρραΐσει στρατὸν ἠὲ σώσει

Либо спасет эта ночь наше воинство, либо погубит.

(Дидим) [Рукописи] Аристарха [пишут διαρραΐσει] через одно ρ. А

⁴ Поскольку существительные и прилагательные в греческом языке склоняются одинаково, неудивительно, что при обсуждении типов словоизменения одни могут приводиться как образец для других.

⁵ О нем известно очень мало, но можно утверждать, что он жил после Аристарха и до Геродиана.

С точки зрения смысла оба варианта дают, кажется, одно и то же значение «погубит», поэтому обратимся к различиям в метрике и просодии. В приставке *δία*- оба гласных краткие, но, согласно схеме гекзаметра, на месте второго слога приставки должен быть долгий. В чтении вульгаты *α* «удлинняется» перед двойным *ρρ*, тогда как вариант *δίαραίσει* может показаться метрически неправильным. Очевидно, Аристарх предлагал читать *δία* *ραίσει* раздельно. При таком чтении, во-первых, в стихе появляется пятиполовинная цезура, а во-вторых, *α* получает «законную» долготу, так как краткие гласные в цезуре у Гомера нередко удлинняются.

Видимо, главное достоинство этого чтения с точки зрения Аристарха – в пятиполовинной цезуре. Согласно традиционному описанию, гекзаметр должен делиться цезурой или на две, или на три примерно равные части. Стих Ил. 9.78 в чтении вульгаты не имеет срединной цезуры; есть семиполовинный словораздел, но нет обычно сопутствующего ему трехполовинного. Очевидно, Аристарх решил исправить аномальный стих (у Гомера стихов с одной только семиполовинной цезурой всего несколько), добавив словораздел после *δία*. Для этого ему понадобилось заменить двойную букву одинарной и, предположительно, добавить ударение. Возможность как слитного, так и отдельного чтения приставки в гомеровском диалекте была описана выше (см. раздел «Гмесис»).

Семиполовинная цезура в чтении вульгаты:

νὺξ δ' ἦδ' ἠὲ διαραίσει | στρατὸν ἠὲ σώσει

— — — — — | — — — — —

Пятиполовинная цезура в чтении Аристарха:

νὺξ δ' ἦδ' ἠὲ διά | ραίσει στρατὸν ἠὲ σώσει

— — — — — | — — — — —

5.

Ил. 9.394 (Ахилл мечтает о будущем при возвращении на родину) Πηλεύς θήν μοι ἔπειτα γυναῖκα γαμέσεται αὐτός
--

Там мой родитель Пелей самолично жену мне отыщет.

(Дидим) Аристарх [читает] γυναῖκά γε μάσεται. Α

Выше этот стих приводился как пример нарушения запрета на словораздел между краткими слогами четвертой стопы гекзаметра (это место отмечено знаком «|»). Исправление Аристарха обычно называют прежде всего метрическим: при чтении *γυναῖκά γε μάσεται* «мост Германна» сохраняется, так как частица *γε* энклитически примыкает к предшествующему слову. Кроме того, медиальное будущее от глагола *γαμέω* у Гомера более нигде не встречается, а значение «выдавать» для этого глагола нетипично, хотя и возможно. Вариант Аристарха во всех этих отношениях безупречен, в частности, *μάσεται* обозначает «найдет», что точно соответствует цитируемому переводу В.В. Вересаева. Даже если считать, что чтение Аристарха – всего лишь прекрасная конъектура, важно помнить, что александриец явно не стремится исправить все гомеровские редкости, в том числе и нарушения «моста Германна»⁶.

6-7.

Ил. 1.59 (Ахилл говорит Агамемнону) 'Ατρείδη νῦν ἄμμε παλιπλαγχθέντας οἴω
--

Видно, придется, Атрид, после долгих скитаний обратно... (букв. «Атрид, думаю, [что] теперь мы назад-скитающиеся...»)
--

(Геродиан) В одно [слово] Аристарх [пишет] παλιπλαγχθέντας. (...) βΤ

⁶ Подробнее эти вопросы разбираются в моей книге: *Файер В.В. Александрийская филология и гомеровский гекзаметр*. М., 2010. С. 129–175.

Ил. 11.326 (Одиссей и Диомед)

ὦς ὄλεον Τρῶας παλινорμένω· αὐτὰρ Ἀχαιοὶ

Так, повернувши обратно, троянцев они истребляли.

(Геродиан) παλινорμένω [«назад-двинувшиеся»]: Тираннион делает два [слова: πάλιν ὀρμένω], а Германий принимает составное и Аристарх [также]. (...) АГ

В каждом из двух этих стихов имеется сочетание наречия πάλιν «назад, вновь» с причастием или сложное слово. Оба варианта не выглядят необычными: в древнегреческом языке несколько десятков слов начинаются с παλιν-, а встречаются они как в гомеровском диалекте, так и в литературе классического и эллинистического периодов. Слитное и раздельное написание при отсутствии пробелов между словами маркировалось прежде всего ударением; в первом случае происходит также ассимиляция (παλιν- > παλι- перед π). В обоих примерах вульгата согласна с чтением Аристарха.

Трудно сказать, чем руководствовался александриец. Возможно, его выбор чтения связан с тем фактом, что в греческом эпосе постоянно росла средняя длина слова; в произведениях позднеантичных авторов этот параметр достиг значений, невозможных в «Илиаде» и «Одиссее». Однако сам автор «Илиады», если представлять его устным сказителем, не понял бы, в чем, собственно, различие этих двух вариантов, подобных русскому «мимошедший» и «мимо шедший». Даже если считать это противопоставление надуманным, оно очень характерно для эпохи пристального внимания к слову, детального анализа текста – словом, для эпохи, когда в культурном пространстве античного мира родилась филология.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В этой книге на нескольких десятках конкретных примеров представлены методы работы александрийских филологов, и прежде всего Аристарха Самофракийского. Тот способ установления «правильного» текста Гомера, который пытался нащупать Зенодот Эфесский и применял Аристофан Византийский, Аристарх довел если и не до совершенства, то до больших высот. Замысел этой книги состоял в том, чтобы по возможности приблизить читателя к тексту Гомера и методам александрийцев: именно поэтому большую часть текста составляют фрагменты схолиев, сохранившихся на полях средневековых рукописей «Илиады», и комментарии к ним. Работа эллинистических филологов с гомеровским эпосом была сложной и многоплановой, нередко она состояла в решении вполне конкретных задач, но я думаю, что из этой мозаики отдельных случаев у читателя сложилось основанное на источниках и достаточно богатое представление о деятельности Аристарха и его коллег.

Александрийцы изобрели и использовали серию текстологических знаков, которые должны были отсылать читателя к комментарию. Важнейший из этих знаков – обел(ос), горизонтальная черта, указывающая на атетезу. Именно так, начиная с Зенодота, помечались сомнительные стихи, которые из осторожности не удалялись из текста, поскольку были хорошо засвидетельствованы в рукописях. Насколько можно судить, такая осторожность была свойственна Аристарху и при решении более мелких вопросов гомеровской текстологии.

Судя по всему, чтения Аристарха делились на те, которые были предназначены для основного текста, и те, которые упоминались и разъяснялись лишь в комментарии. Это различие действует для вертикальных чтений (затрагивающих число стихов), однако для горизонтальных вариантов наши источники такого противопоставления в явной форме не дают. Единственное потенциальное и гипотетическое указание на эту оппозицию – десятки случаев, когда Аристарх, согласно Дидиму, читает «двойко». В этих примерах то чтение, которое совпадает с рукописями, видимо, было включено в эталонный текст Гомера, хранившийся в Александрийской библиотеке, а второе чтение оставалось в ученом комментарии. Таким образом, методы работы с вертикальными чтениями и горизонтальными (разворачивавшимися на пространстве одной строки), как я попытался показать в этой книге, были достаточно близки.

Не все сообщения о деятельности Аристарха связаны с обсуждением разночтений. Во-первых, филолог комментировал некоторые «гомеровские проблемы», отвечая на вопросы, которые закономерно появлялись у слушателей/читателей «Илиады» и «Одиссеи». Опыт такого рода ответов был накоплен еще в классический период, но Аристарх, как можно убедиться, демонстрирует при этом особенно тонкое понимание эпического текста и стремление «объяснять Гомера из Гомера». Конечно, ученые многое узнали с тех времен, но иногда современные исследователи на равных обсуждают чтения великого александрийца и соображения филологов XIX-XX века. В лучших своих проявлениях Аристарх не устарел.

Во-вторых, именно в Александрии, видимо, была изобретена и развилась система диакритических знаков, которая полностью сложилась уже в Византии и до сих пор используется для древнегреческих и среднегреческих текстов. Разночтения Аристарха иногда отражают этот еще не завершившийся этап складывания орфографических норм. Некоторые чтения не со-

ответствуют современным правилам, но очевидно, что поиски оптимальной системы правописания оказали существенное влияние на традицию.

Одним из ключевых методов, которые я использовал при систематизации сотен вариантов Аристарха, было разделение чтений на группы по объему. Приведу мои подсчеты с той лишь оговоркой, что их точность неизбежно колеблется в некоторых небольших пределах. Например, не всегда однозначно можно ответить на вопрос, иную ли форму данного слова или некое другое слово содержит рассматриваемый вариант, а иногда трудно сказать, одно слово захватывается разночтением или все-таки два. Однако общую картину засвидетельствованных схолиями чтений Аристарха эти подсчеты, решусь сказать, отражают достаточно точно:

Типы чтений Аристарха по объему¹

Типы чтений		
вертикальные	14	1,4%
большие (несколько слов)	61	6,2%
малые (одно слово)	319	32,5%
малые (форма слова)	589	59,9%
Всего	983	100%

Уже один тот факт, что подавляющее большинство чтений александрийцев разворачивается на пространстве одного слова, многое говорит о подходе Зенодота, Аристофана и Аристарха. Пиетет, который они испытывали перед текстом Гомера,

¹ В таблице учтены все случаи, когда в схолиях упомянут Аристарх, кроме тех примеров, когда он не предлагает разночтений, а только комментирует текст.

ра, побуждал их создать возможно более свободное от ошибок издание «Илиады» и «Одиссеи», руководствуясь сравнением имеющихся рукописей. Очевидно, александрийцы ограничивали свое вмешательство в текст и даже состязались между собой не в том, кто предложит более значительные исправления, а в том, кто с помощью минимальных корректив или даже вовсе без них найдет способ дать удовлетворительное объяснение имеющемуся тексту.

Когда говорят, что чтения Аристарха в основном имеют конъектуральное происхождение, хочется задать вопрос: насколько адекватна такая формулировка, когда более 60% вариантов Аристарха касаются лишь формы определенного слова или даже орфографии конкретной формы, а иногда только проблемы слитно-раздельного написания? Значительная часть различий этой группы, таким образом, касается более тонких вопросов, чем те, на которые могли ответить рукописи, имевшиеся в распоряжении александрийцев. В самом деле, если текст писали без пробелов, то указания «X читает в одно слово, а Y – в два», не назовешь конъектурами. Это же относится и к написанию двойных согласных: в древнейших рукописях, вероятно, одинарный согласный писался во всех случаях. Вообще, даже простая транскрипция рукописей с одного алфавита на другой должна была привести к множеству ошибок, на что, судя по схолиям, делал скидку Аристарх. Итак, к оппозиции «рукописное чтение» – «конъектура» нужно добавить третью опцию, которую можно назвать «уточняющим чтением»; это тоже важное поле деятельности Аристарха, его предшественников и последователей. Хотелось бы также подчеркнуть, что в контексте этой книги слово «конъектура», кажется, получает негативные коннотации, тогда как на самом деле это уважаемая филологическая практика (которая должна лишь использоваться аккуратно). Глубокие познания александрийцев, во многом превосходящие знания современной науки, вкупе с их осто-

рожностью могут во многих случаях гарантировать превосходство этих конъектур над чтениями рукописной традиции.

Высоко оценивая достоинства Аристарха, не следует забывать о том, что к своему предшественнику Зенодоту он был, насколько можно судить, несправедливо строг. Нередко странность вариантов первого александрийского библиотекаря связана с сочетанием двух факторов: не очень хорошая сохранность первоисточника вкупе с гиперкритическим отношением преемников. Предвзятое объяснение этой предвзятости можно увидеть в знаменитой фразе Тимона о «множестве писак, великих чтецов затрепанных книг, без конца переругивающихся в залах Мусейона»². Состязание за авторство наилучших чтений приводило в некоторых случаях к полемическим перегибам, когда поэту Зенодоту приписывались чтения, заведомо неправильные с точки зрения правил стихосложения, а обвинения в «аметричности» возникали даже тогда, когда для них не было повода. Однако в ряде случаев Аристарх все-таки соглашался с Зенодотом, так что и здесь великий филолог не терял осторожности и умеренности.

Об осторожности не должны забывать и мы, даже давая высокую оценку деятельности Аристарха. «Аристархомания»³ – некритичное одобрение всех вариантов, дошедших под именем александрийца, – мешает пониманию как древнего эпоса, так и эллинистической науки. Решусь сказать, что сам филолог не был аристархоманом, так как он не стремился вставить в

² Пер. Л.А. Фрейберг (Древнегреческая литературная критика. М., 1975. С. 187).

³ Емкая характеристика «аристархомании» с указанием наиболее важной современной литературы об этой проблеме дается в статье: Ермолаева Е.Л. II. XIX, 107: ψευστήσεις versus ψεύστης εἰς или могла ли Гера сказать Зевсу: «Ты лжец»? // Hyperboreus Vol. 7. 2001. Fasc.1- 2. С. 69-70.

эталонный текст Гомера некоторые или даже многие из нравившихся ему чтений. Мы же из-за плохого состояния источников часто не знаем, на каких вариантах филолог настаивал, какие осторожно предлагал, а что записывал в комментарии как возможные параллели для сравнения. Поэтому крайняя аристархомания нередко извращает волю самого филолога.

Важный вопрос о влиянии александрийцев на рукописи, который, казалось бы, окончательно решен Т. Алленом, как я попытался показать, все-таки остается открытым. Я не хочу сказать, что поздние папирусы и средневековая вульгата непременно отражают буквальную волю Аристарха, однако обратное утверждение также нельзя считать доказанным. Статистика Аллена недостоверна во многих деталях, затрагивающих десятки чтений, а если взять в поле зрения варианты, которые Аристарх поддерживал *предположительно*, то они в сотнях случаев⁴ будут совпадать с вульгатой. Есть различные меры этой предположительности, и кажется, что иногда можно даже отделить анонимные чтения, которые *принадлежат* Аристарху, от тех, которые лишь *подражают* ему, однако здесь нужна сугубая осторожность.

Наиболее вероятными мне представляются две возможности. Первую развернуто и целостно представил М. ван дер Фальк, который, не придавая большого значения немногочисленным «диким» папирусам, считал, что совпадение числа стихов в вульгате и в издании Аристарха – случайность, что чтения александрийцев не опирались на рукописную традицию

⁴ Это показывает статистика, собранная мною по аппарату М.Л. Уэста. Думаю, что какой-либо иной набор гипотетических чтений Аристарха (если он достаточно велик) даст тот же результат, потому что значительную долю будут составлять необычные чтения Зенодота и других предшественников Аристарха, которые он предпочитал чтениям нашей вульгаты.

и, в свою очередь, не смогли на нее повлиять. В этом случае совпадение чтений Аристарха с вульгатой нужно трактовать именно как совпадение, каков бы ни был процент идентичных вариантов.

Вторая точка зрения, которой придерживаюсь и я, противоположна. Во-первых, я исхожу из факта совпадения вертикальных чтений вульгаты и Аристарха, доказанного Дж. Боллингом и М. Апторпом. Во-вторых, С. Уэст убедительно показала, что момент исчезновения «диких» папирусов совпадает со временем деятельности Аристарха. В-третьих, и вертикальные, и горизонтальные чтения должны были иметь сходный метод обработки: некоторые попадали в основной текст, большинство оставалось в отдельном комментарии. В этом комментарии упоминались не только варианты-замены, но и параллельные места, которые не мыслились как альтернатива чтению основного текста (таково предложение Г. ван Тиля). В-четвертых, сложная судьба аристархова комментария привела к систематической путанице, в ходе которой мы потеряли возможность с уверенностью различить две группы вариантов Аристарха – в лучшем случае мы узнаем, что к некоторым словам было сразу два варианта. В рамках этой концепции полноценная реконструкция аристархова издания невозможна, а частичная остается делом будущего, и новые находимые в Египте папирусы будут давать дополнительные данные для решения конкретных вопросов этой реконструкции.

Трудно удержаться от сравнения того положения дел, в котором находимся мы по отношению к александрийцам, с теми препятствиями, которые им самим приходилось преодолевать для восстановления «правильного» текста Гомера. Задача эта была невероятно трудна, и, несмотря на недостаточность наших знаний, можно сказать, что Аристарх и другие справились с ней очень достойно. Ответов на вопрос «Что такое филология?» может быть много, но труд Аристарха вполне заслужива-

ет того, чтобы оставаться одним из ее образцов. Деятельность Зенодота, Аристофана и Аристарха имела своим следствием не только распространение достаточно надежного текста гомеровских поэм, который в целом дошел до наших дней, но и создание европейской филологической традиции. Александрийские филологи повлияли на грамматиков римского времени; позднеантичная ученость была унаследована Византией, а в эпоху крушения Восточной империи греческие филологи принесли свою ученость и привезли свои рукописи итальянским и другим европейским гуманистам. Роскошный манускрипт *Venetus A*, который хранится в Библиотеке св. Марка в Венеции, – не только наш главный источник по чтениям Зенодота, Аристофана и Аристарха, но и зримое свидетельство того, как важны были для европейских ученых эпохи Возрождения крупицы александрийской филологической науки. Мне кажется, что и современный читатель может хотя бы отчасти согласиться с этой высокой оценкой.

Приложение

ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В этом приложении я предлагаю читателю сделать шаг в сторону от основной линии этой книги и дополнить сведения о греческом языке, основываясь на известном: греческих дериватах в русском языке. Казалось бы, содержание этого приложения не связано с тематикой книги. Однако мне представляется, что в самом общем смысле здесь находит продолжение важная идея книги: познакомиться с древнегреческим языком нужно всем, кто интересуется филологической и лингвистической проблематикой. Именно такое не слишком обязывающее, но полезное знакомство и стало целью этого приложения, которое можно использовать как вспомогательный материал для студентов или даже школьников.

α. Пути заимствования: латинский и византийский

Греческие слова в основном пришли в русский язык двумя путями: из Византии вместе с восточнохристианской культурой и из Западной Европы вместе с латиноязычной наукой и терминологией. Каждый из путей наложил на дериваты определенный фонетический отпечаток: в русских словах отразилось среднегреческое или средневековое латинское произношение. Различались заимствования и по значению.

Например, древнегреческое ὑπόστασις произносилось как [hūпостасис] и имело следующие основные значения: «опадание, осадок», «основание, база», «сущность, личность».

Заимствованный из латыни термин *гипостаз* «застой крови в нижних частях тела» восходит к первому из этих древнегреческих значений, а то же слово в византийском варианте *ипостась* – к последнему. Характерно и фонетическое различие двух русских производных от ὑπόστασις. В первом сохраняется начальное придыхание, но [с] между гласными переходит в [з]; во втором придыхание теряется, а глухость [с] сохраняется. В обоих случаях древнегреческое [ү] перешло в [и].

Даже при сходном фонетическом облике греческие слова-двойники иногда трудно узнать. Таковы, например, *аналог*, *аналогия* с одной стороны и *аналой* с другой. Они соответствуют двум различным значениям глагола ἀναλέγω «собирать (подобное)» и «читать». От первого значения образовались прилагательное ἀνάλογος «соразмерный, аналогичный», от второго – в более позднюю эпоху существительное ἀνάλογιον «(наклонный) столик для чтения (в церкви)». Фонетика церковного термина отражает византийский переход [ги] в [й].

Есть и слова, история которых не вписывается в двухчастную византийско-латинскую схему¹. Например, *ойкумена* воспроизводит древнегреческое произношение слова οἰκουμένη «населенная». Однако к этому же причастию восходит слово *экуменизм*, которое отражает средневековый латинский переход [ой] в [э]. Греческое οἰκουμένη – производное от οἶκος «дом», к которому восходит первый корень составных слов *экономика*, *экономия*, *экономка*. В современном церковном арго встречаем те же древнегреческие слова в византийском оформлении *иконом*, *икономия*.

Обобщим соответствия между древнегреческой графикой, византийским и средневековым латинским произношением в таблице:

¹ Кстати, *схема*, как и *гипостаз*, имеет в русском византийского двойника – слово *схима*.

Греческое написание	Византийское произношение	Латинское произношение
β	в	б
η	и	э
θ	ф	т
σ	с	с, з (между гласными)
υ	и	и
придыхание	–	г
αι	э	э
ο	и	э
ε	и	и

β. Некоторые греческие корни

1. φέρω «несу»², φορά «ношение».

Индоевропейский родственник латинского *fero* «нести» и рус. *беру*. Исконный согласный отображается в греческом ρh, латинском f и русском б. Подобного же рода соответствия: φρατρία «родовое объединение» – frater «брат» – *брат*; φημί «говорю» – fatus sum «я сказал» (отсюда fabula «рассказ, басня» и fatum «судьба») – *баять* (и *басня*). Чередование гласных в корне свойственно многим индоевропейским языкам, например русскому: *заберу* – *забор* – *забрало* (здесь чередуются е/о/ноль).

От этого корня образовано множество современных терминов, например *семафор* букв. «знаконос(ец)». *Светофор* представляет собой редкий пример русско-греческого словосложения, а *люминофор* переводится совершенно так же, но только первый корень – не русский, а латинский.

² Начальная форма греческого глагола – 1 л. ед.ч. наст. времени.

2. βάλλω «бросаю», βολή «бросание», βλήμα «то, что брошено».

Как и в предыдущем случае, в корне происходит чередование гласных, но представлена и нулевая ступень корня (bal/ vol/ bl).

От глагола βάλλω уже в новое время было образовано слово *баллистика* (можно перевести как «наука о бросании»). Слова, кончающиеся на *-тика*, образованы в международной терминологии по аналогии с такими – еще античного времени – заимствованиями из греческого в латыни, как *grammatica* (см. ниже). Если пытаться буквально перевести *баллистика* с греческого, то получится субстантивированное прилагательное «бросательная» (наука) или «бросательное» (искусство).

От этого же корня происходит *дьявол* (διάβολος); буквально – «клеветник». Глагол διαβάλλω (буквально «перебрасывать») имел переносное значение «ссорить, обманывать, клеветать».

3. τίθημι «кладу», θέσις «положение».

От этого корня образовались, с одной стороны, *тезис* и *диатез*, а с другой – *анафема*. Слова первой группы попали в русский язык из Западной Европы, пройдя через латынь. Там греческий придыхательный звук θ (th) не превратился во фрикативный, и в большинстве европейских языков он отражается как смычный [t]³. Изменения не ограничились утратой придыхательности: по правилам средневековой латыни s между гласными стал произноситься звонко; этим объясняется звук [з] в русских словах этой группы.

Слово же *анафема* было заимствовано из Византии, причем в нем и ему подобных до орфографической реформы 1918 года писалась буква Θ («фита»).

³ Впрочем, в английском слова греческого происхождения могут содержать глухой фрикативный звук (ср. англ. thesis).

4. ὁδός «путь».

Происходит от того же индоевропейского корня, что и русское *ход*.

Слова *метод* (букв. «путь через что-л.») и *Методий* (можно перевести как «проводимый») образованы от этого корня с одной и той же приставкой, а фонетическими различиями они обязаны разным путям заимствования. Вообще большинство современных русских имен имеют византийское происхождение.

Слово *эпизод* содержит 2 приставки: ἐπι- и εἰς-, и его можно перевести как «при-в-хождение». Этим термином в древнегреческом театре называлась драматическая вставка между хоровыми партиями. Первоначально хор был главным действующим лицом трагедии, а речи актеров рассматривались всего лишь как «привхождение». Слова *парод* и *экзод* означают «выход» и «уход» хора в начале и конце драмы, а также песни, которые исполнялись в начале и конце пьесы. К слову *ода* (ὠδή «песнь») эти термины никакого отношения не имеют.

5. ῥέω «теку», ῥόος «поток».

Здесь мы также видим чередование в корне е/о.

В основном к этой словообразовательной семье принадлежат медицинские термины: *катар* (из катарόος «поток вниз») «насморк», *ревматизм* («истечение»), *диарея* («течение через»), *гонорея* («течение семени»), *геморрой* («кровотечение»), а также *реостат* (с парадоксальным переводом «текущее стояние» или «текуче стоящий»).

6. παῖς (род. падеж παῖδος) «ребенок, мальчик».

В средневековой латыни дифтонг ae стал произноситься так же, как e; это коснулось и греческих заимствований, имевших дифтонг ai.

От этого корня образовались слова *педагог* («тот, кто ведет детей»), *педиатр* («детский врач»), *педераст* («любитель маль-

чиков»). От слова παιδεία «воспитание» произошла *логопедия* («словесное воспитание») и *ортопедия* («правильное воспитание»). Хотя ортопеды часто лечат заболевания ног, последнее слово не имеет никакого отношения к латинскому *pes* (род. падеж *pedis*) «нога». От него в русском языке произошли *педаль* и *педикюр* («забота о ногах»). *Педикулёз* же произошёл не от этих корней, а от латинского *pedis* «вошь».

γ. Основные приставки

1. δια

«Через» (соединение, пересечение границы).

Диаметр, *диагональ* (от γωνία «угол»), *диафрагма* «перегородка». Часто переводится приставкой «раз-»: *диагноз* «распознавание», *диалог* «разговор»⁴, *диатез* «(пред) расположенность (к болезни)». Слово *диапазон* произошло из словосочетания δια πάσων «через все (струны)».

2. μετα

1) «Пере-» (перестановка, перемещение).

Метатеза «перестановка», *метаболизм* «перебрасывание (веществ в организме)», *метафора* «перенос», *метонимия*, *метаморфоза* «изменение формы», *метастаз* «перенос (болезнетворного начала)», *метемпсихоз* «переселение душ».

2) «После».

Метафизика «(то, что Аристотель написал) после физики», *метафаза* «следующая фаза (митоза после профазы)».

⁴ Впрочем, в английском слова греческого происхождения могут содержать глухой фрикативный звук (ср. англ. thesis).

3. ἀ, ἄν

«Без».

Аномалия «беззаконие», *асфальт* «неколебимый», *азот* «неживой». Второй вариант употребляется перед гласными: *анальгин* «(о)безболивающее», *анархия* «безвластие», *анемия* букв. «бескровие», *анестезия* «бесчувственность». Сочетание данной приставки и ἐκ «из» находим в слове *анекдот*: ἀνέκδοτα (букв. «неизданное») назывались передаваемые устно высказывания знаменитости, которые отсутствовали в сочинениях этого человека. Позднее так стали называть занимательные истории из жизни исторических личностей, а затем слово *анекдот* приобрело современное значение.

4. ἀνα

Эту приставку не следует путать с предыдущей, хотя иногда она усекается до ἄν.

1) «Вверх, сверху».

Анод «путь вверх», *анион* «идущий вверх», *анафема* «возложенное на алтарь», *анатомия* «разрезание».

2) «Назад, вновь».

Анахорет «отшельник» (от ἀναχωρέω «отступать, удаляться»), *анамнез* «припоминание», *Анастасия* (от ἀνάστασις «пробуждение, воскресение»), *анахронизм* «(приурочивание события к более) раннему времени».

5. ἀπο

«От» (передает отделение, удаление).

Апостол «посланник», *апология* «ответное слово (на обвинения)», *апофеоз* «обоготворение» (тот же корень, что в *теология*), *апокалипсис* «откровение», *апогей* «(самая удаленная) от земли (точка орбиты)», *афоризм* «определение, отграничение».

6. ἐπι

1) «На, при».

Епископ «присматривающий», *эпиграмма* «надпись», *эпиграф*, *эпидемия* «(болезнь, которая падает) на народ», *эпикард* «наружная оболочка сердца», *эпитет* «приложение», *эпистола* «послание».

2) «После».

Эпигон «рожденный после», *эпилог*, *эпикриз* «окончательное заключение врача».

7. παρὰ

1) «Возле, около».

Паразит (от βίτος «хлеб») «(тот, кто) кормится возле», *пародонтоз* «болезнь околозубной (ткани)», *парафраза* «(повторение) другими словами», *парабола* «приближение, кривая линия», *параллели* «(линии, идущие) рядом друг с другом», *парапсихология* «околопсихология».

2) «Против».

Пародия «песнь против (кого-либо)», *паранойя* «безумие», *парадокс* «противоположное (общему) мнению».

8. ἀμφί

«С обеих сторон».

Амфора (из ἀμφί(φι)φορεύς) «(сосуд) с двумя ручками», *амфибия* «(животное, ведущее) две жизни», *амифибрахий* «краткий (слог) с двух сторон», *амфитеатр*.

9. πρό

«Впереди» (во времени и пространстве).

Пролог, *программа* «написанное вперед», *профилактика* «охрана заранее», *прогноз* «знание заранее», *профаза* «первая фаза (митоза)», *простата* «предстательная (железа)», *пропедевтика* «предварительные занятия».

10. συν

«С» (соединение, совместность).

Синоптик букв. «со-видящий» (ср. *оптика*), *симпатия* «сочувствие», *сингармонизм* букв. «созвучие». Слово *символ* происходит от названия двух частей предмета, который разламывали при заключении договора гостеприимства или других договоров. Предъявив и совместив (συνβάλλω «совмещать») эти половины даже не знакомые друг с другом потомки договаривающихся сторон могли удостоверить свои личности. Позднее так стали называть различные другие знаки (например, пароли). Слово *символ* пришло в русский язык в византийском произношении благодаря «Символу веры». Этот текст, известный всем верующим, удостоверял их религиозное единomyслие.

11. περὶ

«Вокруг».

Перископ букв. «кругосмотр», *периметр*, *периферия* букв. «кругонесение».

12. ἐν

«В» (нахождение внутри).

Слово *энтузиазм* (от θεός «бог») означало по-гречески внушенное богами вдохновенное состояние. *Энциклопедия* произошло от словосочетания ἐγκύκλιος παιδεία «всеобщее образование», в котором первое слово образовано с помощью приставки ἐν от существительного κύκλος «круг».

13. κατὰ

1) «Вниз».

Катастрофа букв. «поворот вниз», *катет* букв. «ответственный, свисающий вниз».

2) «Все» (передает всеобщность, полноту).

Каталог, катарсис «полное очищение», *катаклизм* «по-топ» (тот же корень, что κλύσμα «промывание»).

14. ὑπερ

«Сверх».

Гипертрофия букв. «избыточное питание», *гипертония* «сверхнатяжение».

15. ὑπο

«Под, ниже».

Гипотония букв. «пониженное натяжение», *гипотермия* «понижение температуры», *гипофиз* «нижний отросток (мозга)».

δ. Обобщение

В следующей таблице представлены самые частотные греческие корни с точки зрения деривации в русском языке.

	βάλλω бросаю, βολή бросание	λέγω выбираю, говорю λόγος слово	ὁδός путь	τίθημι кладу, θέσις положение
–	баллистика	логика	одометр	тезис, теза
ἀνα	анаболики	аналог(ия), аналой	анод	анафема
μετα	метаболизм		метод, Мефодий	метатеза
ἐπι		эпилог	эпизод	эпитет
προ	проблема	пролог		протез, протеза
παρα	парабола		парод	парентеза
δια	дьявол	диалог, диалект(ика)		диатез

συν	символ	силлогизм	синод	синтез, синтетика
περι			период	
ἀπο		апология		апофема, аптека
ἐκ		эклога, эклектика	эксо́д	
ἐν	эмболия, эмблема			парентеза
κατα		каталог	катод	
ὑπερ	гипербола			
ὑπο				гипотеза, ипотека

	ὄνομα имя	φέρω несу, φορά ношение	ἵστημι ставлю, στάσις стояние	γράφω пишу, γραφή письмо	μέτρον мера
–	ономастика		статика	графика, граф	метрика
ἀνα		анафора	Анастасия	анаграмма	
μετα	метонимия	метафора	метастаз		
ἐπι	эпоним	эпифора		эпиграф, эпиграмма	
προ			простата	программа	
παρα	пароним			параграф	параметр
δια			диастаза	диаграмма	диаметр
συν	синоним	Симферополь	система		симметрия
περι		периферия			периметр
ἀπο					
ἐκ			экстаз		
ἐν					
κατα		катафора			
ὑπερ	гипероним				
ὑπο	гипоним		гипоста́з, ипостась		

БИБЛИОГРАФИЯ

Избранная литература¹

- Античные теории языка и стиля. Под ред. О.М. Фрейденберг, И.М. Троцкого и С.В. Меликовой-Толстой. СПб., 1996.
- Гаспаров М.Л.* Записи и выписки. М., 2001.
- Гиндин Л.А., Цымбурский В.Л.* Гомер и история Восточного Средиземноморья. М., 1996.
- Гринцер Н.П., Гринцер П.А.* Становление литературной теории в Древней Греции и Индии. М., 2000.
- Древнегреческая литературная критика. М., 1975.
- Ермолаева Е.Л.* II. XIX, 107: ψευστήσεις versus ψεύστης εἶς или могла ли Гера сказать Зевсу: «Ты лжец»? // *Hyperboreus* Vol.7. 2001. Fasc. 1-2. С. 60-71.
- Ермолаева Е.Л.* Гомер. Илиада. XVIII песнь «Щит Ахилла». М., 2011.
- Зайцев А.И.* Греческая метрика. СПб., 2010.
- Зайцев А.И.* Книга А.Б. Лорда «Сказитель» и гомеровский эпос // *Зайцев А.И.* Избранные статьи. СПб., 2003. С. 251–258.
- Зайцев А.И.* Формирование древнегреческого гексаметра. СПб, 1994.
- Лорд А.* Сказитель. М., 1994.
- Лосев А.Ф.* Гомер. Предисл. А.А. Тахо-Годи. 2 изд., исправл. М., 2006.
- Надь Г.* Греческая мифология и поэтика. М., 2002.

¹ В этот список включены некоторые работы, которые прямо не упоминаются в тексте книги, но важны для данной темы и могут быть полезны читателю.

- Поршнев В.П.* Мусей в культурном наследии античности. М., 2012.
- Россиус А.А.* Еще раз о гомеровском вопросе и о рождении филологического метода // Новое литературное обозрение. № 73, 2005. С. 182–186.
- Снелль Б.* Греческая метрика. Пер. Д.О. Торшилова, предисл. А.И. Зайцева. М., 1999.
- Тахо-Годи А.А.* Гомер, или чудо как реальный факт // А.Ф. Лосев. Гомер. М., 1996. С. 5–8.
- Тахо-Годи А.А.* Гомер и его поэмы // Гомер. Илиада. Одиссея. М., 1987. С. 5–20.
- Торшилов Д.О.* Античная мифография: мифы и единство действия. СПб., 1999.
- Файер В.В.* Александрийская филология и гомеровский гекзаметр. М., 2010.
- Файер В.В.* Проблема гомеровской вульгаты и александрийская филология // Индоевропейское языкознание и классическая филология. Вып. XVI. СПб., 2012. С. 830–839.
- Фрейберг Л.А.* Литературная критика в эпоху александрийской образованности // Литературная критика классической и эллинистической эпох. М., 1975. С. 185–216.
- Andersen Ø.* Pisistratean Recension // The Homer Encyclopedia. Ed. M. Finkelberg. Malden, Oxford, 2011. P. 668–670.
- Apthorp M.J.* The Manuscript Evidence for Interpolation in Homer. Heidelberg, 1980.
- Bachmann W.* Die Ästhetischen Anschauungen Aristarchs in der Exegese und Kritik der homerischen Gedichte. Nürnberg, 1902–1904.
- Bolling G.M.* The External Evidence for Interpolation in Homer. Oxford, 1925.
- Cavallo G., Maehler H.* Hellenistic Bookhands. Berlin-New York, 2008.
- Chantraine P.* Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots. T. I-II. P., 1968.

- Clarke W.* Achilles and Patroclus in Love // *Hermes*. 106. 1978. P. 381–396.
- Dickey E.* Ancient Greek Scholarship. Oxford, 2007.
- Duentzer H.* De Zenodoti studiis Homericis. Gottingae, 1848.
- Edwards M.W.* Commentary // *The Iliad: A Commentary*. General Editor G.S. Kirk. Vol V. Cambridge, 1985. P. 61–345.
- Erbse H.* Beiträge zur Überlieferung der Iliasscholien. Zetemata 24. Munich, 1960.
- Erbse H.* Über Aristarchs Iliasausgaben // *Hermes*. Bd. 87, H. 3. 1959. S. 275–303.
- Fayer V.V.* Did Aristarchus of Samothrace Influence Homeric Vulgate? Working papers HSE. Series “Humanities”. 2012. No. 11.
- Finkelberg M.* Regional Texts and the Circulation of Books: the Case of Homer // *Greek, Roman, and Byzantine Studies*. 46. 2006. P. 231–248.
- Gudeman A.* Syllabus on the History of Classical Philology. Boston, 1892.
- Hainsworth J.B.* The Flexibility of the Homeric Formula. Oxford, 1968.
- Hainsworth J.B.* Commentary. Books V–VIII // *A Commentary to a Homer’s Odyssey*. Edd. A. Heubeck, S. West, and J. B. Hainsworth. Vol. I. Oxford, 1988. P. 249–386.
- Hainsworth J.B.* Commentary // *The Iliad: A Commentary*. General Editor G.S. Kirk. Vol. IV. Cambridge, 1985. P. 54–365.
- Haslam M.* Homeric Papyri and Transmission of the Text // *A New Companion to Homer*. Leiden–New York–Köln, 1997. P. 55–100.
- Heubeck A.* Die homerische Göttersprache // *Würzburger Jahrbücher für die Altertumswissenschaft*. Bd. IV. 1949. S. 197–218.
- Janko R.* Commentary // *The Iliad: A Commentary*. General Editor G.S. Kirk. Vol. IV. Cambridge, 1985. P. 39–421.
- Janko R.* Homer, Hesiod and the Hymns. Cambridge, 1982.
- Janko R.* Introduction // *The Iliad: A Commentary*. General Editor G.S. Kirk. Vol. IV. Cambridge, 1985. P. 1–38.
- Kirk G.S.* Commentary // *The Iliad: A Commentary*. General Editor G.S. Kirk. Vol. I. Cambridge, 1985. P. 51–399.
- Kirk G.S.* Commentary // *The Iliad: A Commentary*. General Editor G.S. Kirk. Vol. II. Cambridge, 1985. P. 51–342.

- Lehrs K.* De Aristarchi studiis Homericis. Lipsiae, 1865.
- Lord A.B.* The Singer Resumes the Tale. Ed. by M.L. Lord. Ithaca, 1995.
- Ludwich A.* Aristarchs homerische Textkritik (nach den Fragmenten des Didymus dargestellt und beurteilt). Leipzig, 1884–1885.
- Montanari F.A.* Alexandrian Homeric Philology. The Form of the Ekdosis and the Variae Lectiones // *Epea pteroenta*. Festschrift für Wolfgang Kullmann zum 75. Geburtstag. Stuttgart, 2002. S. 119–135.
- Moravcsik J.M.* On Correcting the Poets // *Oxford Studies in Ancient Philosophy*. Vol. IV: A Festschrift for J.L. Ackrill, 1986. P. 35–47.
- Nagy G.* Homeric Questions. Austin, 1996.
- Nagy G.* Homeric Scholia // *A New Companion to Homer*. Ed. I. Morris and B. Powell. Leiden–New York–Köln, 1997. P. 101–122.
- Nagy G.* Poetry as Performance: Homer and Beyond. Cambridge, 1996.
- Nagy G.* [Review on:] Martin L. West (ed.), *Homeri Ilias*. Volumen prius, 1998 // *Bryn Mawr Classical Review*, 2000.09.12. – <<http://ccat.sas.upenn.edu/bmcr/2000/2000-09-12.html>>.
- Nickau K.* Untersuchungen zur textkritischen Methode des Zenodotos von Ephesos. Berlin–New York, 1977.
- Nickau K.* Zenodot von Ephesos // *Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*, R.II, Hbd.19. München, 1972. S. 23–45.
- Parry A.M.* Have we Homer's Iliad? // *Parry A.M. The language of Achilles and other papers*. Oxford, 1989. P. 104–140.
- Parry M.* The Making of Homeric Verse: The Collected Papers of Milman Parry. Ed. by A. Parry. Oxford, 1971.
- Pasquali G.* Storia della tradizione e critica del testo. Firenze, 1934.
- Pfeiffer R.* History of Classical Scholarship from the Beginnings to the End of the Hellenistic Age. Oxford, 1968.
- Rengakos A.* Apollonios Rhodios und die antike Homererklärung, München, 1994.
- Rengakos A.* Der Homertext und die hellenistischen Dichter. *Hermes Einzelschriften* 64. Stuttgart, 1993.
- Reynolds L.D., Wilson N.G.* Scribes and Scholars. Oxford, 1974.
- Richardson N.J.* Aristotle's Reading of Homer // *Homer's Ancient Read-*

- ers: *The Hermeneutics of Greek Epic's Earliest Exegetes*. Edd. R. Lamberton and J.J. Keaney. Princeton, 1992.
- Richardson N.J.* Commentary // *The Iliad: A Commentary*. General Editor G.S. Kirk. Vol. VI. Cambridge, 1985. P. 39–421.
- Richardson N.J.* Literary Criticism in the Exegetical Scholia to the Iliad: a Sketch // *Classical Quarterly*. N.S. 30. 1980. P. 265–287.
- Römer A.* Aristarchs Athetesen in der Homerkritik. Berlin, 1912.
- Schmidt M.* *Variae Lectiones oder Parallelstellen: Was notierten Zenodot und Aristarch zu Homer?* // *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. 115, 1997. S. 1–12.
- Schwyzler E.* *Griechische Grammatik*. Bd. I-IV. München, 1977.
- Simpson R.H., Lazenby J.F.* *The Catalogue of the Ships in Homer's Iliad*. Oxford, 1970.
- Slater W.J.* Aristophanes of Byzantium and Problemsolving in the Museum // *Classical Quarterly* 32, 1982. P. 336–349.
- van der Valk M.* *Researches on the Text and Scholia of the Iliad*. Vol. I-II. Leiden, 1963-1964.
- van Thiel H.* Zenodot, Aristarch und andere // *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. 90, 1992. S. 1–32.
- Wackernagel J.* *Kleine Schriften*. Bd. I–II. Göttingen, 1953–1979.
- Weklein N.* *Zusatzung und Auslassung von Versen in Homerischen Texten*. Sitzungsberichte der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-Historische Klasse. München, 1918.
- West M.L.* *Studies in the Text and Transmission of the Iliad*. München–Leipzig, 2001.
- West M.L.* *Vulgate* // *The Homer Encyclopedia*. Ed. M. Finkelberg. Malden, Oxford, 2011. P. 926–927.
- West S.* *The Ptolemaic Papyri of Homer*. *Papyrologica Coloniensia* 3. Köln, 1967.
- West S.* *The Transmission of the Text* // *A Commentary to a Homer's Odyssey*. Edd. A. Heubeck, S. West, and J. B. Hainsworth. Vol. I. Oxford, 1988. P. 33–48.

Wolf F.A. Prolegomena ad Homerum sive de opera Homericorum prisca et genuina forma variisque mutationibus et probabili ratione emendandi. Halis Saxonum, 1795.

Издания Гомера и схолиев

Homeri Ilias. Edd. D.B. Monro and T.W. Allen. Vol. I-II. Oxonii, 1920

Homeri Ilias. Ed. M.L. West. Vol. I. Stutgardiae et Lipsiae, 1998. Vol. II. Monachii et Lipsiae, 2000.

Homeri Ilias. Ed. T.W. Allen. Vol. I-III. Oxonii, 1931.

Homeri Odyssea. Ed. H. van Thiel. Hildesheim–Zürich–New York, 1991.

Homeri Odyssea. Ed. A. Ludwich. Vol. I–II. Stutgardiae–Lipsiae, 1889.

Homeri Odyssea. Ed. P. von der Mühl. Basel, 1962.

Homeri opera recognovit brevique adnotatione instruxit T.W. Allen. Vol. I–II. Oxford, 1917–1919. (Odyssea).

Scholia Graeca in Homeri Iliadem, rec. H. Erbse. Vol. I–VII. Berlin, 1969–1988.

Scholia Graeca in Homeri Odysseam, ed. W. Dindorf. Vol. I–II. Oxford, 1855.

УКАЗАТЕЛЬ

«Илиада»	2.131 21	4.102 159
	2.133 56	4.120 159
1.1 82	2.184 92	4.170 161
1.3 48	2.221 171	4.228 92
1.4-5 176	2.258 144	4.277 160, 161
1.5 49, 50, 64	2.266 168	4.390 116
1.6 82	2.277 134	4.425-6 160
1.10 176	2.316 185	4.456 168
1.12 84	2.427 181	4.517 181
1.13 83	2.478 163	
1.32 49	2.509-10 89	5.103-4 169
1.52 184	2.572 92	5.144 92
1.59 188	2.682 181	5.152 92
1.162 181	2.751 181	5.252 168
1.169 76	2.760-1 90	5.263 44
1.217 163	2.807-10 111	5.272 171, 172
1.225 163	2.813-4 140	5.309-10 127
1.320 92	2.823 92	5.323 44
1.350 158	2.835-7 94	5.403 162
1.403-4 140	2.851 91, 92	5.560 171
1.423 22		5.576-7 91, 92
1.437 79	3.125-6 168	5.734-6 39
1.441-3 159	3.303 144	5.789-91 112
1.447 159	3.415 181	5.797 169
1.464 181	3.423-4 42	5.806-8 116
1.528 141	3.46 45	
1.585 170		6.2-4 139
1.598 177	4.43 166	6.37 92

6.155 181	10.54 107	13.423 171–173
6.157 181	10.110 172	13.444 133
6.318-20 119	10.159 166	13.545 92
	10.175-6 172	13.611 93
7.7 171	10.228 172	13.643-59 91–93
7.197-8 165	10.349-50 118	13.713 29
7.238 36	10.351-4 105	13.785 30
7.304 164	10.354 180	13.807-8 40, 118
7.419-20 153		
	11.36 163	14.47 174
8.114 92	11.55 49	14.136 40
8.139 168	11.143 93	14.208-10 47
8.163 182	11.165-7 107	14.291 140
8.182 174	11.179-80 125	14.295-6 148
8.235 174	11.263 162	14.301-6 42, 47
8.274 92	11.278 92	14.315-6 148
8.349 163	11.326 189	
8.384-8 39	11.329 92	15.71 98
8.492-7 119	11.355-6 127	15.86-8 150, 151
	11.422 92	15.263-8 126
9.78 186, 187	11.491 93	15.337 92
9.86 182	11.542-4 123	15.416-7 174
9.35-6 138	11.648-50 88	15.445-52 109
9.128 172	11.773 181	15.455 92
9.177-8 147	11.786-8 101	15.515 92
9.222 56, 70,	11.806-8 107	15.546 92
9.222-3 146, 148	11.823-4 108	15.601 183
9.270 172		15.704 174
9.394 85, 188	12.11 28	
9.395-7 87	12.26 24	16.82 174
9.456-63 122	12.28-30 182	16.88-100 96
9.464 167	12.175-80 110	16.92 96
9.477-9 87	12.198 174	16.97-100 96, 97
9.492 182	12.256-8 108	16.129 60
9.492 182	12.330 171	16.153-4 121
9.653 166	12.428 110	16.168-70 88
		16.185 60
10.53 171	13.415 160, 161	16.207 182

16.379 126, 178	23.91-2 128, 129
16.466-8 120	23.203 151
16.612-5 131	23.262 167
16.638-9 136	23.295-8 53
16.667-8 137	23.331-3 129
16.694-5 92	23.455 182
16.696 93	23.638-42 102
16.752 164	23.691 180
16.807-8 109	23.870-1 145
	23.875 185
17.213-4 135	
17.279 182	24.315-6 186
17.306-8 92	24.648 182
17.348 93	
17.459-542 110	«Одиссея»
18.206-8 149	1.1 80
18.549 182	1.275 37
18.579-80 149	
	4.510 158
19.80 152	
	5.72 65
20.114 141	
20.156 182	7.317 40
21.210 92	13.108 168
21.252 164	
21.258 98	18.111 151
21.262 25	
21.289-90 118	24.73-4 128
21.479-81 133, 134	24.410 151
21.513 182	
21.72-3 131	
21.84 183	
22.85 160	
22.418 162	

ARISTEAS. Philologia classica et historia antiqua.
Supplementa. Volumen VI.

Научное издание

В.В. Файер

РОЖДЕНИЕ ФИЛОЛОГИИ
«Илиада» в Александрийской библиотеке

Печатается по решению
Ученого совета Университета Дмитрия Пожарского

Дизайн и верстка: *А.В. Белоусова*

Подписано в печать 25.12.13 Формат 140x205
Бумага офсетная, 80 гр.. Печать офсетная.
Тираж 500 экз. Заказ.

Русский Фонд Содействия Образованию и Науке
119435, Москва, ул. Малая Пироговская, д. 13, стр. 1
www.s-and-e.ru

Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., д. 6